

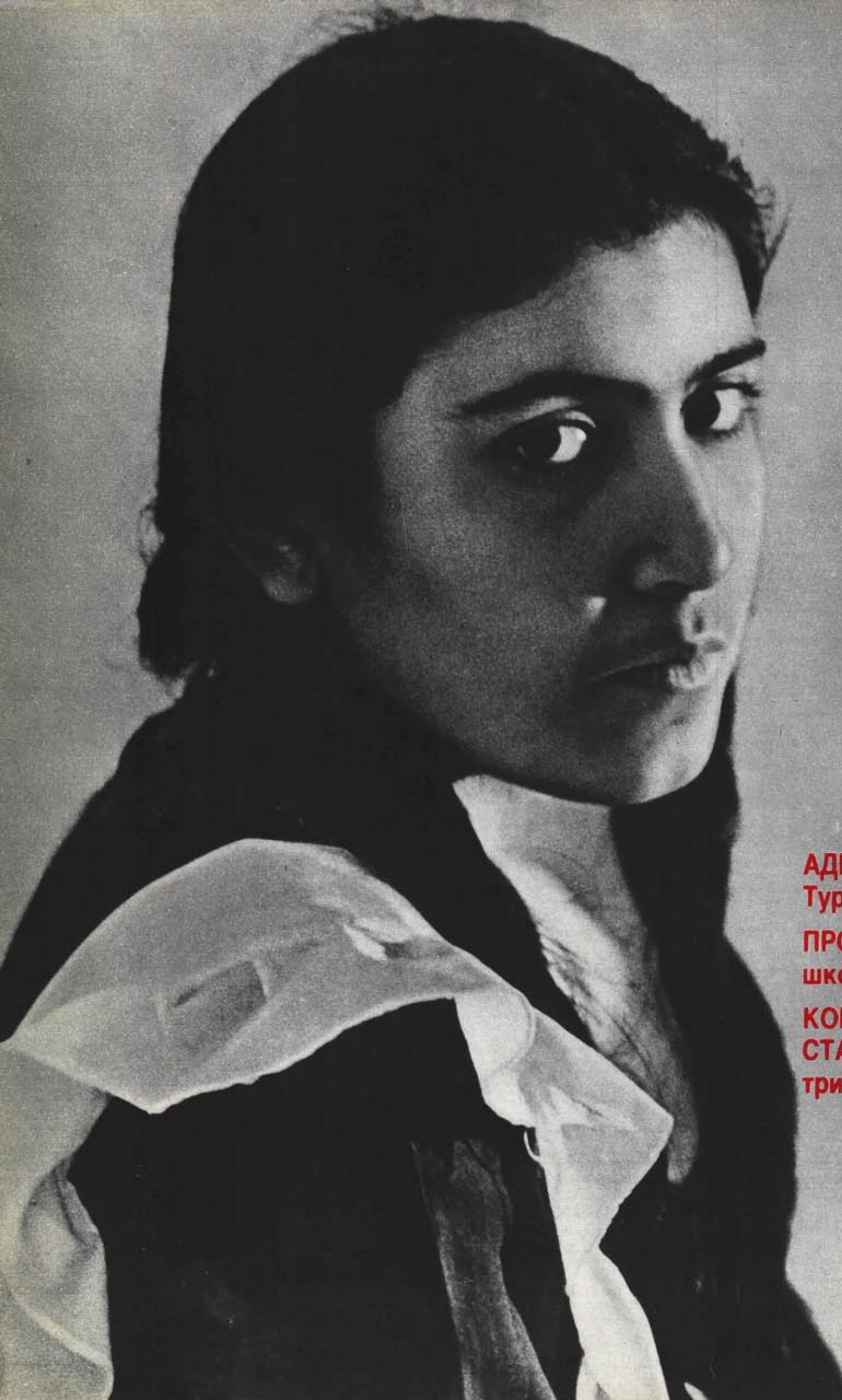

Олимпиада

№ 5 МАРТ 1982

спорт-
крылья
молодости

АДРЕС:
Туркменская ССР
ПРОФЕССИЯ:
школьница
**КОМСОМОЛЬСКИЙ
СТАЖ:**
три года

МОЙ СЪЕЗД

На земле моей Туркмениши не рвались бомбы и снаряды, её не перегёркивала линия фронта. Но для меня, как и для каждого из моих сверстников, история Родины, её настоящее и её завтрашний день - всё это глубоко личное. И вот сегодня, перед XIX съездом родного Ленинского комсомола, я думаю о том, как важна для нас, школьников, следопытская, тилмуровская работа.

Никогда не забуду: в Нуйбышеве на Всесоюзном слёте красных следопытов мы рассказывали о боевом пути 357-ой стрелковой дивизии (в нашей школе создан музей этой дивизии и ведётся поиск её ветеранов), и когда Эля Намиева упомянула имя первого командира дивизии Олега Мухина, павшего смертью храбрых, к ней подошёл седой человек и обнял её за плечи: "Догка, меня хоронили три раза: в Литве, в Польше и в Германии видел я могилы с моим именем. Не надо хоронить меня в четвёртый раз".

Сегодня журналист Олег Андреевич Мухсин - большой друг нашей школы.

А недавно встретились мы с гленами ашхабадского "Клуба фронтовиков" - медсестрами военных лет. Толню, одна из них, Маргарита Борисовна Параджеева, рассказывала, как в начале войны она, молодая певица, окончила курсы медсестёр - и на фронт.

До этой встречи я собиралась поступать на юридический, теперь же решила: только в медицинский институт.

Впереди у нас выпускные экзамены. А пока - напряжённая работа. Ведь овладение знаниями - это и есть наш сегодняшний труд. Но осенью пришлось потрудиться по-настоящему и физически: убирали с поля хлопок, помогали строителям. Так это нам, комсомольцам - школьникам солнечной Туркмениши, есть о чём рапортовать XIX съезду Ленинского комсомола!

Мехри Агдаева,

член комитета комсомола школы №38 г. Ашхабада.

Рисунок Игоря СУСЛОВА

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ЭТО ВРЕМЯ»

Летопись

Строк медлительные нити.
Строго.
Будто на граните...
Сухо.
Коротко.
Жестко.
Факты.
Поиски истока.
Скрытое за расстоянием
дело,
ставшее деянием.
Протокольно.
Первозданно...
Вдруг,
негаданно-нежданно
вслед за обращением к богу—
вздых
на целую эпоху!
А за этим вздохом—
эхо
поворота,
взгляда,
смеха!
Луг
со скошенной травой.
Облако над головою...
Словно
из другого века
дотянувшаяся ветка.

НЛО

Чудеса теперь
обыденными стали...
Не фантастика,
не выдумка,
не бред,—
утверждают очевидцы,
что видали
Неопознанный Летающий Объект.
Он в рассветном небе
странный след оставил
в виде длинного прозрачного хвоста.
Повисел чуть-чуть над полем
и—
растаял.
И, наверно, было это
неспроста...
Зависая над земною жизнью брэнной—
как в лесу
над муравейником склоняясь,—
неопознанные
странники Вселенной
скрупулезно
изучают нас.
Кто мы им?—
хочу узнать, пока не поздно.
Кто мы им?—
хочу узнать наверняка.
Чья-то тема
в диссертации межзвездной?
Чей-то опыт
по «системам из белка»?

Кто мы им?
Еще незрячие котят?
Или, может быть,
собратья по судьбе?
Скажут пусть,
ну, намекнут хотя бы:
кто мы им?
И кто же мы
самим себе?..
Он висит над мокрой пашней—
дух ниспосланный,
излучая
ослепительнейший свет...
...Ах, земля-земля,
родимый наш,
непознанный,
неопознанный,
живой еще
объект!

Охота!
Настала охота!..
Раздолье
неравной игры.
Забава.
Мужская работа
еще с допещерной
поры.
В душе,
оглушенной азартом,—
почти что звериный инстинкт!..
Как лихо над озером завтра
веселая дробь
засвистит!
Какая потеха начнется!
Какая удача придет!..
И лес
от удара качнется.
И лось
на колени падет.
И будут
кровавые перья
беспомощно
плыть по реке.
И станет
сплошным нетерпением
двустволка
в счастливой руке!..
Э-гей, сапоги-сороходы!
Догнать!
Обнаружить!
Добыть!..
Как все-таки людям
охота
однажды
кого-то убить.

Песенный конкурс

Это—конкурс,
конкурс,
конкурс...
Умиленье и восторг.
Невелик солист,
а голос

у него—
почти гудок!
Отгудел
и сел на место...
Новый гений рвется в бой!
Он
сражается с оркестром,
с публикою,
сам с собой.
Он поет
и бьет в ладошки...
У певички—
свой резон.
Ведь не зря на ней одежда
с декольте
на шесть персон...
Покорители эстрады,
долговязые птенцы,
неизвестные таланты,
незнакомые певцы.
Это—конкурс,
конкурс,
конкурс!..
По оркестру
пот течет.
Простодушие и корысть.
Озаренье и расчет.
Суета.
Дыханье зноя.
И заламыванье рук...
И всегдашнее,
сквозное
ожидание:
А вдруг!..

Мода

Из объятий моды
не уйдешь, не вырвешься.
Мир заштамповался,
он сошел с ума!
Это—
наказание!
Это—
вроде вируса:
модные лекарства,
брюки
и дома.
Стали вдруг похожими
центры и окраины,
сумрачные будни,
грохоты торжеств...
Женщина экранная
волосы поправила—
все земные женщины
повторили жест...
Ты танцуешь бодро
то, что мир танцует,
и покорно носишь
то, что носит он.
Мода отвергает,
мода указывает,
шепчет и подсказывает
с четырех сторон.
Обладает мода
силою убойной.
Украшает время.
Ослабляет боль...
Ты по телевизору
смотришь матч футбольный,
и сидит полмира
рядышком с тобой!
И какая разница—
грек ты иль испанец,
финн или малаец,
серб или индус!
Есть еще различия
в отпечатках пальцев,
нет почти различий
в отпечатках душ!
Все твои желания
модой предусмотрены,
превратилась мода
в Книгу Бытия...
Хорошо, что есть еще
женщина немодная.
Милая.
Усталая.
Навсегда моя.

Татьяна СМЕРТИНА

Бабочка в марте

Дремлет под солнцем, нежится
Плясунья зимы — метелица.
И там, где вязинники к маю
Подснежные прячут цветы,
Крапивница тонко порхает,
Не чуя морозной беды.
Вьется дрожа и влюбленно,
Себя раскрывая среди инья,
И падает в наст изумленно,
Ломая веселые крылья.

Тоскуют, тоскуют березы,
Осенним исходят дождем,
И желтые листья, как слезы,
Роняют и ночью и днем.
Стынут в тумане под утро,
И вдруг замирают в забвенье,
И шепчут тоскливо кому-то:
«Есенин, Есенин, Есенин...»

Ты любишь —
И кругом весна!
Плыву по счастью
В два весла.
И верб серебряных
Вкруг стрелы,
И красноталов
Пламень смелый.
И глажу,
Обжигаясь поневоле,
Две огненные
Ленты к школе.

Пойдем гулять,
Где осотная гать,
Где дух березный!
Станут лилии опять
Остро раскрывать
Мраморные звезды...
Где туман обник,
Там трава душица,
Под совиный крик
Бант слетел с косицы...
Не промолвить слов,
Не обнять плеча —
Из ольховых кустов
Рог витой, как свеча!
То подглядывает леший
С голубым венком на плечи...

Раздвинув траву и хвоины
И землю собой приподняв,
Гриб вылез наполовину
И, толстый, вдруг что-то поняв,
Присел, испугавшись,
Что столь он велик.
Гриб белый!
По-вятски — коровенник.
И ахнул кусток, закачался,
Листовой восхищенно вертя.
А дуб молодой взволновался,
Соперника вдруг углядя.

Утром второпях
Пошла за водицей,
Глядь — в лопухах
Перо жар-птицы.
Горит, слепит,
В полсвета сияет,
К себе не пускает!

От радости —
Ведро вверх донцем!
«Так вот оно, вот моё...»
А это сверкает на солнце
Старой косы острей...

Еще заря костром не стала
И не исчез ночной дурман,
А лошадь звонко в небо ржала,
Кидаясь в голубой туман.
От страха или от желанья
В полузакрытый глаз луны
Она дышала жарким ржанием,
Приподнимаясь на дыбы.
Или ей слышался постылый
Над хомутом лихой звонец?

Или ей вспомнился красивый
И недоступный жеребец?
Уже трава холодной стала,
Уже туман разорван в клочья,
А лошадь все призывно ржала
О проходящей темной ночи.
Вдруг отряхнулась, замолчала
И, фыркнув в тонкую ноздрю,
С размаху дико поскакала
На темно-алую зарю.

Сон-синецвет

Страдное лето.
В малину зной катится.
Осенью этой
Буду первоклассница.
А пока я — нянька,
На руках Манька,
Ревет ремня,
Просит ремня.
Делать надо что-то
С такой широкой ротой.
Стращаю букую,
Потом баюкаю:
«Охоньки, ахоньки,
Ноги твои махоньки.
Сон-синецвет,
Вянь, опадай!
Манюшка-свет,
Спи, засыпай».
Люлька скрипуча,
Многих покачала.
Ворохом скучено,
Дремлет одеяло,
Шито лоскутами —
Вон один цветами,
Как мое платье...
А тот, как у сваты
Юбка в горох,
А этот... «Ох!

Сиди, качай тебя,
Машутка, Машка!
Стынет кашка...
Не реви спросонок,
Меня не изводи.
Ну-ко, враженок,
Сыренько, поди?
Эка невеличка,
Жаль,
не моя сестричка!
Слушай мои сказки,
Хватит ворочаться.
Погулять мне хочется...
Сбегать на Вятку,
Обжечь пятки
О песок сыпучий,
Нырнуть с кручи
В воду-водяницу,
Поесть чернику.
Сиди тут с тоской
День-деньской,
Пока не придут.
Полтинник дадут...
Никак не дороже!
Деньги всё же.
Слышишь, Машутка,
Деньги не шутка.
Обзаведемся с бабкой

Телкой-первогодкой,
Назовем Мотьюкой.
Вмиг потолстеем
С ее молока,
Наедем бока.
Вырасту большой,
Как тетя Нюша.
Не реви, слушай!
Жениха найдут
С радиолой,
С музыкой веселой,
В валенках белых,
С японскими часами,
Как у дяди Вани...
Не слышно Мани!
Ишь, задумалась,
Светлое темечко...
Спи давай!
Стучит времечко.
Вместе поспим
Маленчко...
Самый чуточек
На локоточек
Присунусь ладком
С Маней рядком.
Охоньки, ахоньки,
Ноги твои
махоньки...»

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1315) МАРТ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
чемпионка мира
по спортивной
гимнастике
Ольга БИЧЕРОВА.

Фото
Бориса ЗАДВИЛЯ

- 1 МОЙ СЪЕЗД
Письмо туркменской школьницы Мехри АТДАЕВОЙ.
- 2 Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.
- 3 Стихи Татьяны СМЕРТИНОЙ.
- 4 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«РАЗВИТИЕ КОЛЛЕКТИВА:
ПРОИЗВОДСТВО — БЫТ — КУЛЬТУРА».
- 9 Рассказ Андрея ЯХОНТОВА
«РОЗЫ В ПЫЛЬНОМ ГОРОДКЕ».
- 11 СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА США.
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ — И ВОЗМЕЗДИЕ...».
- 12 Станислав ТОКАРЕВ. «ВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ».
- 14 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 16 ОТЕЧЕСТВО. «СЧАСТЛИВЫЙ ДОМ». Фотоочерк.
- 18 Стихи Лодонгйна ТУДЭВА.
- 19 Стихи Розалии ЕРМОЛЬЕВОЙ.
Стихи Мухаммада АЛИ.
- 22 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
«РАЗНЫЕ СУДЬБЫ НАТАЛИИ ГУНДАРЕВОЙ».
- 24 Наталья КОРКОНОСЕНКО. «ТВОИ НЕБЕСНЫЕ ЧЕРТЫ...».
- 26 Виктор ШАЛАТОНОВ. «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ».
- 29 Виктор ПОЛОЖИЙ. Роман «ПЕПЕЛ НА РАНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусов. Технический редактор А. В. Исвева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

РАЗВИТИЕ КОЛ ПРОИЗВОДСТВО

РАБОТА
КАК
ДЕЛО
ЖИЗНИ

Давайте сегодня в нашей рубрике «Работа как дело жизни» поговорим о таком для всех нас привычном понятии, как «соцкультбыт». О том, что на иных предприятиях все еще по инерции считают второстепенным, не самым важным из дел. Но что сегодня, после принятых XXVI съездом партии решений, требует к себе совершенно нового отношения и подхода. Потому что съезд со всей серьезностью подчеркнул: «Надо обеспечить жесткий контроль за тем, чтобы средства на социальное развитие предприятий, городов и сел использовались точно по назначению, полностью и в установленные сроки».

Не только условия и характер труда оказывают непосредственное влияние на настроение рабочего человека, на его рабочее самочувствие, творческую форму. Не менее важно, как у него с жильем, устроен ли в детский сад ребенок, есть ли ему где переодеться до и после работы, может ли он в перерыве быстро, недорого и вкусно поесть, отдохнуть в профилактории, взять в библиотеке нужную книгу... Продолжить тут может каждый работающий человек. А молодой еще наверняка прибавит спорткомплекс, дискотеку или Дом культуры. Еще очень многим молодым нужна возможность продолжать образование. Не слишком ли много, посчитает иной из хозяйственников и по своему вкусу ужмет этот перечень до минимальных размеров, а то и вовсе решит: пока не до этого. И оправдается: из соображений экономии. А чем оборачивается такая «экономия»? Об этом мы тоже хотим сегодня подумать, оперируя фактами и цифрами, с помощью писем читателей «Смены».

«БЕЗ МЕНЯ НЕ УПРАВЯТСЯ»

Станок у него и сейчас, как у многих других, не новый. Иногда, разгорячившись, он в сердцах рванет заедающий рычаг. А так работает спокойно. Иной раз даже со стороны покажется — на фрезу и не смотрит. Зато когда подведут итоги, выяснится — все видел. Качество изделия — безупречное. Как и должно быть у настоящего мастера. Так работает фрезеровщик Алексей Селедкин. Неоднократный победитель конкурсов «Мастер — золотые руки». Один из первых на заводе добившийся права работать с личным клеймом. Постоянный лидер социалистического соревнования. Член горкома комсомола.

В свои 28 лет Алексей — ветеран инструментального цеха. Работает здесь столько же, сколько существуют цех и завод, — одиннадцать лет. Таких ветеранов у нас немало. Иной раз соберутся и вспоминают, как начинался завод. Как на субботниках они убрали строительный мусор, мыли окна, красили стены, устанавливали фонтанчики питьевой воды. Они хотели, чтобы их завод был красивым. Чтобы на нем было приятно работать. Думают об этом и по сей день — недавно комсомольцы заложили у проходной завода парк, обновили раздевалки.

Чего скрывать, и у нас трудно с жильем. Очередь. Но завод строит дома, хотя зачастую подводят строители — затягивают сдачу.

Алексей не один год жил на окраине города, в деревянной пристройке, далеко от завода. Но никогда в отличие от других его не видели ни в парткоме, ни в завкоме, ни у нас в комитете с жалобой, с просьбой дать ему квартиру побыстрее. Хотя, как у передовика и победителя многих конкурсов, у него было на это право. Он считал, что завод сам знает, как поступить по справедливости.

Квартиру он получил в порядке очереди. Попросился в отпуск: новоселье, домашних дел невпроворот, да и в квартире кое-что надо было доделать своими руками. А через несколько дней в цех поступил срочный заказ. Чтобы его выполнить, не тратило опытных мастеров. И Алексей вышел на работу, даже не докрасив до конца пол в новой квартире. Говорили ему, что, мол, и без тебя как-нибудь управятся. А он отвечал: «Не могу. Завод обо мне позаботился, как же я со стороны буду на его заботы смотреть?»

Что ж, все правильно: на заботу люди отвечают делом. Давно замечено. И помнить об этом нужно всегда.

Сергей ЧЕХЛОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Арзамасского завода автозапчастей

ДИСПРОПОРЦИИ

Как-то в горкоме комсомола сделали любопытный подсчет. Оказалось, что даже в самое трудное для объединения время комсомольско-молодежные коллективы имели на своем счету около 250 тысяч тонн сверхпланового угля. Причем никаких особых условий им не создавалось. Вывод здесь может быть только один: организация комсомольско-молодежных бригад — важнейшее дело, дающее реальный, осязаемый эффект. На нашей шахте сразу сделали ставку на молодежь — и не ошиблись. У нас самая высокая производительность труда.

И тут мы подходим к проблеме, решать которую необходимо. Я считаю ее важнейшей для Воркуты — речь о закреплении кадров на Севере. Как добиться, чтобы молодые рабочие приживались у нас? Ведь почти каждое предприятие лихорадит от непрерывной текучести кадров. Почти каждое испытывает нехватку рабочих рук. А ведь отчего это происходит, известно. Рубль давно перестал быть главным стимулом, привлекающим людей в Воркуту. И сейчас все очевиднее, как бьет по нас диспропорция между промышленным и гражданским строительством. Вот построили мы нашу шахту, досрочно вывели на проектную мощность — а жилья получили менее половины требуемого. У наших шахтеров нет также спортивной базы, нет профилактория, очень трудное положение с детскими садами. В целом по нашему Комсомольскому району за пять лет построено только 98 тысяч квадратных метров жилья вместо 150 тысяч запланированных...

А в результате молодежь, помучившись год-два, уезжает от нас, так и не успев по-настоящему освоить шахтерскую профессию, не сделав того, на что потенциально способна. Минуте проходу надо бы всерьез задуматься о сложившейся ситуации.

Петр ГУЛЕВСКИЙ,
«Воргашорская» мастер шахты

ДЕКТИВА

БЫТ — КУЛЬТУРА

Понятно всем, что люди трудятся лучше, охотнее там, где они ощущают постоянную заботу об улучшении условий их труда и быта.

Из Отчетного доклада
Центрального Комитета КПСС
XXVI съезду партии

ПОТРЕБНОСТИ И ОТДАЧА

Людмила ТЕЛЕНЬ

Заводы — не люди. Они должны, а главное, могут избежать старости. Но для этого им необходимы люди, которые вовремя придут на помощь.

Попаснянскому стекольному заводу везло на таких людей. Они вернули ему молодость после тяжких разрушительных лет гражданской войны. Они вновь поставили его на ноги в сорок третьем. А в середине пятидесятых решительно взялись за его техническое возрождение. И вот до нынешнего дня этот трудяга в Ворошиловградской области добросовестно выдувает графины, кувшины, стаканы, вазы...

Дома заводского поселка, как кольца на срезе дерева, показывают время. Вот эти два барака — первые послевоенные. Рядом двухэтажные кирпичные дома, чуть поодаль чердада коттеджей на две и на четыре семьи — 50-е годы... Столовая, клуб, парикмахерская, магазин... С чем сравнить радость, с которой встречала эту роскошь послевоенная Попасная? Пожалуй, лишь с той горечью, которую вызывает сегодня унылый пейзаж поселка стекольщиков: столовая с грязными подтеками на стенах, парикмахерская с единственным креслом; сумрачный и невеселый клуб, которому давно уже не до танцев...

Да, в конце семидесятых к заводу пришла старость. И вот: план горит, прогулы наступают... А у проходной, которая долгие годы распахивала двери перед сыновьями и дочерьми стекольщиков (ремесло их по традиции передавалось из поколения в поколение), появилось не объяснение — отчаянная мольба: «Требуются!»

Заводу требовалась молодежь. Кому, как не молодым, энергичным и по-хорошему честолюбивым, поручить самые сложные участки производства? Кого, как не новоиспеченных инженеров, вооруженных современными знаниями, привлечь к разработке оригинальных технических решений?

Однако с каждым годом молодежи на заводе становилось все меньше и меньше.

В двухэтажном метрах от заводской проходной стоит старенькое одноэтажное здание школы № 21. Я познакомилась с ребятами из двух десятых классов. Аккуратные, модно причесанные, хорошо одетые мальчики и девочки. Родители большинства из них — рабочие стекольного. «Кто из вас пойдет после школы на стекольный завод?» — спросила я. Робко поднялась одна рука. Шестьдесят пар

глаз недоуменно смотрели на меня, словно удивляясь, как такой вопрос мог прийти мне в голову.

«На работу иди в сапогах, в духоте и пылице целый день сиди, а вечером с тоски помирай. Была охота!» — пожалала плечами Светлана Товкач (ее мать много лет работает на стекольном).

Не спешите, читатель, осудить этих ребят: мол, испугались трудностей, ищут, где полегче... Давайте зададимся простым вопросом: а почему, собственно, они должны, рискуя здоровьем, жертвуя хорошим настроением, годами жизни, наконец, преодолевать «объективные» трудности, вызванные вполне субъективными действиями негодных руководителей? Почему держится эта привычка обращаться к молодежи со звонкими призывами, не обеспеченными будничной и вполне конкретной заботой о человеке?

Нам предстоит разговор о быте. О том самом быте, который — «забота общая». Вместе заботиться — кто ж станет возражать? Тут все — за! Только вот отвечать приходится, как ни крути, кому-то одному. Персонально. Если речь идет о

заводе, за быт его молодых рабочих отвечать директору. Перед коллективом, перед собственной совестью, перед законом, наконец.

Как раньше рассуждал искушенный хозяйственник: «Не будет плана — прощай премия, прогрессивка, а то и руководящее кресло. А не будет в цехе газировки — как-нибудь перебьемся. За это никого еще с работы не снимали». Теперь — снимают.

Только в одном году десятой пятилетки по требованию профсоюзов 6174 хозяйственных работника были привлечены к административной ответственности, 146 из них освобождены от занимаемых постов. Причины? Невыполнение обязательств по улучшению условий труда и развитию соцкультбыта.

В 1980 году директора Попаснянского стекольного завода Пахомова сняли «за газировку».

В. А. Пахомов — хороший и добросовестный инженер. Я видела его трудовую книжку с десятком благодарностей, ходила по залу нового цеха-автомата, построенного при нем. Но что поделаешь, хороший инженер — не всегда хороший директор. (Кстати сказать, единственная руководящая должность Пахомова до директорской была должность заместителя начальника цеха.)

Валентина Анисимовича на заводе жалеют. И я тоже от души сочувствовала этому немолодому уже человеку с добрым, открытым лицом и честными глазами, который устало перечислял «объективные трудности»: беспощадные резолюции главка на просьбы заво-

да о жилье, привередливость подрядчиков, скудость средств...

Но от директора не ждут объяснений, ждут действий. На то он и руководитель, чтобы водить к цели. Что толку, если, заблудившись, он станет объяснять тем, кого он ведет, что лес чересчур густ, да сумерки что-то слишком рано сгустились...

Чтобы найти выход, надо по крайней мере его искать. Пахомов его не искал.

Во дворе завода, в каждом его цехе мне то и дело попадались стелды, гордо возвевающие о высоких обязательствах рабочих. Стекольщики, умелые, добросовестные люди, свои обязательства привыкли выполнять. И выполняют, несмотря на то, что подводит устаревшая техника, что кислород для машинолний поступает с перебоями...

Однако есть еще обязательства перед рабочими. Только о них звонкие плакаты стыдливо молчат. А между тем они реально существуют, точно сформулированы и, к стыду руководителей завода, кочуют из одного коллективного договора в другой. Всего один пример. Из восемнадцати пунктов раздела «Охрана и условия труда» выполнено лишь три.

«Техника безопасности — прежде всего!» — проглядывает сквозь тяжелые облака пыли справедливое восклицание, начертанное на стене основного цеха (здесь готовят шихту — основное сырье производства: смешивают соду, мел, песок). «Что изменилось с прошлого года?» — спросила я. «Рассказывать?» — хмуро взглянул на меня Юра Островерхий, неразговорчивый молодой рабочий, терпеливо пережидая, пока я откашляюсь. «Это вы с непривычки», — заботливо пожалел меня его товарищ, протягивая кружку с водой.

Запыленность во много раз превышает предельно допустимые нормы. «Проверкой вскрыты случаи профессиональных заболеваний... Это происходит потому, что на заводе не выполняются мероприятия по борьбе со сквозняками, запыленностью, не создается нормальный питьевой режим...» (Из акта комплексного обследования Попаснянского стекольного завода, подписанного инспектором по технике безопасности Ворошиловградского облсовпрофа М. Зубаревым.)

«Прошу прощения еще за одну цитату из актов санитарных проверок: «Цех № 1: крыша протекает, сквозняки, в душевой нет света (11 июля 1978 года); крыша протекает, стекла выбиты (1 октября 1979 года); не отремонтирована крыша (5 февраля 1980 года)...» «Поймите, средств не было», — горько сетовали руководители завода. Как не понять, еще песенка такая есть: «Надо б лампочку повесить, денег все не соберем...»

Между тем нет ничего расточительнее такого рода «экономии». Сквозняки, запыленность, плохая вода — и вот вам, пожалуйста, 1332 нерабочих дня за

ВСТРЕЧАЯ «КУЗБАСС»...

По долгу службы я часто бываю на различных предприятиях нашей дороги. Особо меня интересовала работа проводников нашего фирменного пассажирского поезда Кемерово — Москва «Кузбасс». Побывал в бригадах проводников, у тех, кто готовит состав в рейс. Часто встречаю и провожаю наш «Кузбасс». Словом, хорошо узнал многих работников вагонного депо и станции. Люди откликаются, когда говоришь с ними просто, искренне, от души хочешь помочь, когда действительно знаешь, как они живут и работают.

Сейчас на нашей дороге принят ряд мер, направленных на улучшение работы поездных бригад. На пассажирско-технической станции расширена столовая, лучше стали готовить здесь пищу, больше стал выбор блюд. Открыт киоск, где работники станции могут купить необходимые продукты. После совещания в нашем управлении о работе поездных бригад рассказывали по радио, писали в местной прессе.

И знаете, ощутив на себе внимание и заботу, люди стали заметно лучше работать. Дела пошли лучше, люди поверили, что можно добиться и большего. Особенно прибавили активности в работе молодые. Победителем соревнования стала комсомольско-молодежная бригада Валентины Раевской. Это все почувствовали и пассажиры: в вагонах «Кузбасса» стало больше порядка, культуры, простого, домашнего тепла.

Вот такая закономерность.

Федор РИДОШ,
старший инспектор Инспекции
при начальнике Кемеровской железной дороги

один только год. С помощью несложных подсчетов легко установить, что за это время завод потерял три процента от суммы ежегодно выпускаемой продукции. Не буду более забивать вам голову копеечками и рублями, замечу только, что цифра эта значительно возрастет, если прибавить к ней деньги, которые продолжали получать рабочие, сидя на больничном.

Мне говорили: до революции сотни рабочих-стекольщиков страдали профессиональными заболеваниями, теперь — нет. Напоминали: до войны и речи о бытовках не было, а сегодня худо ли бедно, а во всех основных цехах они есть. Я удивлялась мрачным стенам душевых, грязным и неудобным комнатам для еды, глядя на которые язык не повернется сказать: «Приятного аппетита!» Мой пыл охлаждали: «Да бросьте вы: хуже, лучше... Это уж, знаете, теория относительности. У нас в трех цехах вообще ни душа, ни бытовок. А среди них, учтите, тяжелейший цех — составной».

Да, наша биография сложна и драматична: войны, разруха, голод... Стране нужны были энтузиасты, способные отказать от личного блага во имя общественного. И они находились, такие люди. Они работали по колено в воде, мерзли, задыхались в пыли, потому что понимали: сегодня у страны нет возможности обеспечить им нормальные условия. Но они самоотверженно преодолевали трудности для того, чтобы завтра у страны такие возможности появились.

«Если бы вы были директором и вам бы отпустили на «соцкультбыт» большие деньги, как бы вы их потратили?» — спрашивала я ребят комсомольско-молодежной смены пятого цеха. «Телевизор — в бытовку, буфет чтоб в ночную смену», — энергично распорядился Николай Мишустин. «И чтоб асфальт вокруг цеха...» — мечтательно добавил Саша Головань. «А цветы забыли?» — забеспокоилась Вера Сапрыкина.

Мы сидели в полупустой холодной комнате, которая называлась «красный уголок». Поддев ногой отклеившийся кусок линолеума, Мишустин вздохнул: «Кое-что у нас есть. Вот, например, комната, которая называется спортивной. Правда, теннисный стол там без толку устанавливать, пол все время от сырости вздувается. Мы его подремонтим, дня три поиграем — и все сначала...»

Три года назад руководители завода подписали акт о приеме этого цеха. В нем не были оборудованы бытовки, буфет, комнаты для отдыха и занятий спортом.

«Ничего себе потребности!» — может возмутиться иной хозяйственник. Однако возмущаться тут нечем. Вспомните созданные по последнему слову техники и дизайну бытовые комнаты рижского ВЭФа, Волжского автомобильного, других заводов, где умеют, а главное, хотят обеспечить людям комфорт, удобства, хорошее настроение. И люди об этом знают. И спрашивают: «А почему же у нас не так?»

Да, сегодня иные потребности, но и возможности у нас иные. В 1980 году фонд соцкультбыта стекольного завода составил 46 тысяч рублей, на улучшение условий и охрану труда выделено 36 тысяч. И даже эти деньги не полностью освоены.

Каждый год десятки молодых стекльщиков выходят за проходную стекольного, чтобы туда уже не возвращаться. Человек ищет, где лучше.

Где же?
У стекольного есть соперник. Вагоноремонтный завод, или «вагонка», как

его здесь называют, — предприятие крупное и основательное. «Тянут они у нас, потянут... Хорошо еще здесь своя, стекольная специфика, а то бы всех вытянули», — невесело признавались в отделе кадров.

Что, на «вагонке» работа полегче? Ничуть. Тогда, может, зарплата повесомей? Опять не угадали.

«Вагонка» дает квартиры.

Конечно, очередь на них есть. Однако как бы там ни было, но дом, а то и два вагоноремонтники за год получают. Прошу принять во внимание и заводские общежития: старое — для холостяков, новенькая девятиэтажная «малосемейка» — для молодоженов. «Очередь, говорите? Ничего, подожду, было бы чего ждать», — сказал мне один из тех, кого «потянуло» на вагоноремонтный.

Надо ли теперь объяснять, как выглядит на этом фоне стекольный завод, не построивший за последние десять лет ни одного жилого дома.

В том же пятом цехе работает наладчик Володя Боярский. Он и его жена живут с родителями и взрослым братом в двух маленьких комнатухах. Вера Сапрыкина с дочкой тоже при маме с палой. Николай Мишустин с женой и ребенком снимает «хатку» за 20 рублей в месяц.

В музее вагоноремонтников мне показали ярко-белое пенопластовое будущее — поселок из современных кубиков-многоэтажек. Их сейчас начинают строить для тех, кто придет на работу в новые цехи завода. «Перспектива!» — гордо улыбались хозяева.

Когда создавали пятый цех стекольного, главк выделил заводу 200 тысяч для нового дома: стройте! Как бы не так: подрядчиков не нашли, деньги не освоили, и главк передал их более расторопным и предприимчивым хозяевам.

В квартирной очереди наши знакомые из пятого цеха не стоят. В ней и так больше ста человек, и за последние пять лет на их долю выпало лишь пять квартир.

В вагоноремонтном музее мне показали снимки глазастых малышей, копающихся в песке возле нового детсада. С другого фото смотрели веселые люди, отдыхающие в холле профилактория. Они же на соседней фотографии танцевали фокстрот под высокими мраморными сводами клуба («Дворца культуры», — поправили меня).

В детский сад вагоноремонтников принимают только «своих». Для «посторонних» — очередь. А в ней, как и в очередях других детсадов Попасной, дети стекльщиков. Среди них Ксюша — дочка секретаря заводского комитета комсомола Сережи Синявского. «В чем дело? — поинтересовалась у Сергея. — Почему бы не отдать Ксюшу в свой сад, ведь есть же он у завода?» «Есть, только до него сорок минут добираться надо — это во-первых...» Как оказалось, было еще и во-вторых...

Милая, приветливая Татьяна Константинова, как искренне расхваливали вы свежесть воздуха и плодovitость фруктовых деревьев в детском саду, которым вы заведуете! И как торопливо провели вы нас по четырем тесным комнатам, зная, что не выдержать им сравнения с современными светлыми залами и спальнями двухэтажной красавицы вашей соседки «Звездочки», куда мы сначала по ошибке забрели. Но что поделаешь, если этот низенький домик достался вам по наследству от пионерского лагеря — потому так далеко он от завода. Неудобен и тесен. А каким ему быть, если строился сразу после войны, на скорую руку, не ведая, что стоять ему десятки лет.

«Из комплексного плана улучшения условий охраны труда и санитарно-оздоровительных мероприятий...» на 1981—1985 годы: «Детский сад: строительство — прочерк, реконструкция — прочерк...»

Сегодня у Татьяны Константиновны двадцать дочек и сыновей стекольного. Число остальных потерялось в очередях десятка городских детсадов.

К концу одиннадцатой пятилетки Ксюша пойдет в школу. Чем заняться ей после уроков? Мне говорили: конечно, кружки. Во Дворце культуры вагоноремонтного их восемнадцать, и это только детских — выбирай, Ксюша! А старенький клуб стекольного едва вмещает три. Щедрому «меню» развлечений Дворца культуры скромный клуб стекльщиков может противопоставить только «кино» — дежурное культпросветовское «блюдо». Цитирую тот же «комплексный план»: «Клуб: строительство — прочерк, реконструкция — прочерк».

Подписывая этот документ, руководители завода, очевидно, полагали, что молодых рабочих не потянет в будущем пятилетии на спортплощадку (прочерк), что здоровые их не подведет и ни к чему будет профилакторий (прочерк), диетстоловая (прочерк)... Вот так уверенно и размахисто распорядился потребностями рабочих заводской план социального развития на пятилетку.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии ясно сказано: «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии».

Сегодня Попаснянский стекольный завод возглавляет новый директор Владимир Валентинович Демченко. Человек он со стороны — с завода из города Константиновки. Прежний директорский стаж его исчисляется шестью годами. Не все полюбили его с первого взгляда. Кому-то резали глаза его беспощадные приказы, лишающие тринадцатой зарплаты некоторых «склонных к употреблению» товарищей, или, скажем, другие не менее суровые распоряжения, требующие чистоты на рабочих местах. И все-таки многие следят за его первыми шагами с надеждой.

На завод потянулась молодежь. Молодые рабочие видят: новый директор действует. Он достал битум — асфальтировать заводской двор, шифер — залатать протекающие крыши. Более того: заводу выделено 200 тысяч рублей на строительство шестидесятиквартирного дома. Пусть нет пока у Демченко крупных побед. Но одно совершенно ясно: завод начинается для него с рабочего человека, его нужд и потребностей.

Однако и самые хорошие намерения, увя, не всегда претворяются в добрые дела. Благие желания любого директора должны быть поддержаны деньгами, материалами, техникой. «Но где же директор небольшого предприятия достанет все это? — слышу я голос читателя. — Что для ВЭЗа — копейки, для металлозавода — весомый рубль, что для ВЭФа не проблема, для какой-нибудь фабрики игрушек — препятствие непреодолимое».

Конечно же, и у малого завода найдутся деньги на бытовки, на ремонт красного уголка или, скажем, на здравпункт... Но перечень на этом и оборвется. Судите сами, фонд соцкультбыта на Попаснянском стекольном заводе составляет 46 тысяч рублей, а на строительство шестидесятиквартирного жилого дома требуется почти в пять раз больше. Прошу принять во внимание и то, что министерства, как правило, полагают

так: большому заводу — большие деньги, малому — малые.

Выход один: межведомственная кооперация — в районе, городе, области. Есть такой опыт. В небольшом украинском городе Бердянске вот уже несколько лет действует совет директоров, в который входят представители всех заводов и фабрик города. Общие для всех предприятий проблемы — вот точки приложения сил совета. Что же это за проблемы? Конечно, все тот же соцкультбыт.

Вот лишь две цифры. Если на крупном предприятии каждый работник получает в среднем двенадцать — пятнадцать различных бытовых услуг, то на мелком — всего лишь одну-две. Выгодно ли малому заводу скооперироваться с могучим соседом? Безусловно. Выгодно ли вступить в такую сделку крупному? Очевидно, тоже. Отношения между ними опираются не на бескорыстное желание того или иного директора, а на хозяйственный расчет, что менее привлекательно на словах, но на деле — надежней. За три последних года двенадцать бердянских предприятий смыли с себя клеймо «безнадежно отсталых».

Рассудите, что разумнее: получать каждый год десяток квартир в доме на паях с соседом или выстраивать длинную очередь в надежде на то, что рано или поздно главк выделит деньги на собственный большой дом? По-моему, первое не только разумнее, но и выгоднее и экономнее. Взаимная выгода такой кооперации между заводами, относительно равными по силам, тем более очевидна.

В Попасной, например, соседствуют несколько сравнительно небольших предприятий: уже знакомые нам стекольный и вагоноремонтный заводы, хлебокомбинат, швейная фабрика, отделение железной дороги... Отчего бы не объединить им свои усилия, не взяться сообща за решение наболевших для города проблем — жилья, детских садов, поликлиник? Бердянский опыт убедительно доказывает, что подобное сотрудничество не только не принижает предприятие отчуждает от интересов своего ведомства, напротив, позволяет ему разумно сочетать свои и общие интересы. Право же, и те и другие в такой ситуации лишь выигрывают. Выигрывают, потому что поняли: невыгодно им экономить на человеке. Неэкономична такая «экономия», не окупает она себя.

Но даже если бы и окупала — что тогда? Замораживая строительство детских садов, закрывая дискотеку, выключая в бытовке телевизор — так? Нет, не так. Не так — потому что нет, не должно быть ничего важнее и ценнее самого человека. Он сам — решающий довод в этом затянувшимся споре: что строить прежде — жилой дом или мартеновскую печь, баню или цех, больницу или прокатный стан... Потому что и мартен, и цех, и прокатный стан нужны для того, чтобы Николаю Мишустину, Вере Сапрыкиной, Сергею Синявскому и всем нам жилось и работалось лучше, а не наоборот. В этом смысл и конечная цель нашей работы.

Наш решающий довод.

СВОИМИ РУКАМИ

Скучно было у нас во дворе — даже мяч погонять негде. Строители не оставили нам спортплощадки. Так бы мы и маялись от скуки, если бы не рабочий-ветеран Иван Алексеевич Корнев. Это его затея — построить свое футбольное поле, своими руками. Откликнулись все ребята. Приятно вспомнить, как мы работали. Принесли бревна, доски, песок. Соорудили ворота, скамьи для болельщиков, засыпали ямы. Взрослые тоже не утерпели, стали нам помогать. К вечеру пустырь нельзя было узнать. Потом удивлялись: почему эта идея не пришла раньше никому в голову?

Все-таки мы очень многое можем сделать для себя и сами. Надо только не сидеть сложа руки.

Олег ЛЮБАКОВ,
учащийся СГПТУ-2, Ростов-на-Дону

ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ СЕГОДНЯ ВЫХОДИТ НА ПЕРВЫЙ ПЛАН. ЗАБОТА О ЧЕЛОВЕКЕ-ТРУЖЕНИКЕ ОСОБЕННО.

РАСТУТ, СТАНОВЯТСЯ ВСЕ РАЗНООБРАЗНЕЕ ЗАПРОСЫ И ПОТРЕБНОСТИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. СНИМКИ НАШИХ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТОВ АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА, СЕРГЕЯ ПЕТРУХИНА, ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ СДЕЛАНЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ. ПЕРЕД ВАМИ ЗАВОДСКАЯ СТОЛОВАЯ, ГДЕ ПРОДУМАНО ВСЕ — ОТ МЕНЮ ДО ИНТЕРЬЕРА. ФАБРИЧНЫЙ ДЕТСКИЙ САДИК, В КОТОРЫЙ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ХОДЯТ ДЕТИ РАБОТНИЦ, УДОБНЫЕ БЫТОВКИ С ДУШЕВЫМИ ДЛЯ РАБОЧИХ СТРОИТЕЛЬНОГО ТРЕСТА. ХОРОШО ПОДОБРАННАЯ БИБЛИОТЕКА И СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС, ОТКРЫТЫЕ ДЛЯ РАБОТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Анатолий ТИЩЕНКО,
секретарь комитета ЛКСМУ киевского
производственного объединения
«Электронмаш»
имени В. И. Ленина

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ БЫТ?

15 и 15. На «Электронмаше» эти цифры хорошо известны. Производство 15 новых электронно-вычислительных машин освоило объединение за годы работы, то есть практически каждый год (первые наши ЭВМ были выпущены в 1965 году) переходило на выпуск новой, более совершенной продукции.

15 жилых домов построило оно за это же время для своих тружеников.

Объединение не стремилось точно увязывать одно событие с другим, но совпадение это символично. Потому что оно открывает важнейшие стороны жизни и деятельности предприятия, без которых нельзя по-настоящему разобраться в причинах достигнутых успехов.

«Электронмаш» развивается стремительно. Только за годы десятой пятилетки объем выпускаемой продукции увеличился более чем в два раза. При этом численность работающих осталась

прежней. Пятилетнее задание по выпуску ЭВМ было выполнено в марте 1980 года. Все наши ЭВМ удостоены государственного Знака качества. «Электронмаш» награжден переходящим Красным знаменем и Памятным знаком ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «За высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке» с занесением на Доску почета ВДНХ СССР.

Весомым был вклад комсомольцев — их у нас трудится более четырех тысяч. 414 юношей и девушек награждены знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Комсомол взял шефство над качеством выпускаемой продукции. Экономический эффект от поданных с участием молодых рабочих и инженеров рацпредложений и изобретений составил более 1,2 миллиона рублей.

Новый подъем вызвали решения XXVI

съезда партии. Комсомольско-молодежный коллектив бригады слесарей цеха № 1, которым руководит Валентин Швец, взял обязательство выполнить пятилетнее задание за четыре года. Многие молодежные коллективы — а за время, прошедшее после съезда, их стало на 20 больше — решили выполнить задания второго года новой пятилетки к 7 ноября. По тому, как работают ребята, видно: смогут.

Такая работа, такой настрой людей — замечу, что на предприятии сложился стабильный, устойчивый коллектив, — не случай, не везение, не удачное стечение обстоятельств. Это закономерный итог ведущейся на предприятии с первых лет существования масштабной работы, цель которой — возможно более полное удовлетворение нужд, потребностей и интересов работающего человека. Результат заботы о нем. О его самочувствии, настроении, здоровье. Заботы, которую он ощущает постоянно — во время работы и в перерыве. До начала смены и после нее.

У нас бывает много гостей. И, от многих из них приходилось слышать: — У вас красиво.

Согласитесь, не самое распространенное впечатление от посещения крупного промышленного предприятия. Еще уютнее, удобнее, просто приятнее на глаз стало в цехах после недавней реконструкции. Чисто, светло, везде цветы, стекло, чеканка, резное дерево, тщательно подобранные сочетания то-

нов — конечно же, наименее утомительных для зрения... Словом, бюро эстетики при управлении главного конструктора продумало каждую мелочь. У нас теперь приятно просто побывать. И это нравится не только гостям, еще в большей степени — нашим рабочим. Как мне говорили ребята: «Как-то сам собой настраиваешься на хорошую работу. Обстановка действует соответственно...»

Но если гостям бывает достаточно одной эстетики, то для нас важнейший итог реконструкции — создание новых, лучших условий труда на многих участках. В первую очередь на самых трудных. Например, на таких операциях, как нанесение гальванического покрытия на печатные платы, сверление в них отверстий. Мало того, что при гальванизации раньше многое приходилось делать вручную, это было еще и вредное производство. Теперь у работающих здесь нет никакого контакта с вредными веществами, все механизировано. Утомительные и однообразные сверлильные работы теперь выполняют автоматы и полуавтоматы. То есть и новая техника и новая технология разрабатывались и внедрялись не только исходя из сугубо производственных задач. Но прежде всего из того, насколько они улучшат условия труда, уменьшат долю труда ручного, тяжелого, сделают его не столь монотонным, утомительным.

А уникальные АСУ, действующие в цехах объединения! А 30 электронно-вычислительных машин, работающих на «Электронмаше»! За ними труднее просто

более производительный. Но более радостный, легкий, творческий. Ритмичность, четкость, возможность прогнозировать свой завтрашний рабочий день, возможность сосредоточиться на самом важном, самом интересном — все это создает атмосферу, в которой работа не выматывает, а приносит удовлетворение, увлекает.

Объединение с самого начала живет по принципу: предприятие не только дает план, совершенствует свою продукцию, но и обязательно работает на человека, чьими руками все это делается. Работает не от случая к случаю, не в пожарном порядке, когда не остается другого выхода, не лишь бы как-нибудь, только чтобы свалить эту заботу с плеч. Работает планомерно, с размахом и вкусом, творчески, с энтузиазмом — как при выполнении самых ответственных производственных заданий.

В прошлом году комитет комсомола сформировал ударный отряд для работы на важнейшем пусковом объекте, сооружение которого было объявлено ударной комсомольской стройкой. Строили мы открытый плавательный бассейн в профилактории объединения, который летом превращается в пионерский лагерь для детей наших работников. Недавно там же ввели в строй новый корпус на 100 человек. А место там отличное — Пуца-Водича, курортное место! Своими силами построили мы и лагерь труда и отдыха «Электрон», где летом проходит практику и отдыхают ребята из подшефных школ.

Вообще не было такого времени, чтобы объединение не строило, не переделывало, не улучшало. Строит, потому что не надо лопать, улаживать подрядчиков — есть своя строительная база, цех № 16. Цех, с которого не только требуют, но который всячески поддерживают, укрепляют. И он строит красиво, добротно. А если его мощностей на все не хватает, а людям нужно, то приходим ему на помощь уже всем народом. Ударные отряды, субботники, народная стройка — испытанные, надежные способы.

Важно еще строить с головой. Так, сейчас объединение уже не строит общежитий. Потому что имеющихся четырех достаточно. А вот дома для малосемейных, обычные жилые дома, — в центре внимания постоянно.

Строить с головой — это не значит скупиться, пытаться выгадывать на людях. Сейчас у нас во всех цехах заново переоборудованные бытовки, комнаты отдыха. В ходе реконструкции в каждой раздевалке установили душ. Даже в тех цехах, где он, может быть, и не так нужен: работа в них, как говорится, чистая. Но понадобится он все-таки может. И потому — сделали, как только появилась возможность.

Быт начинается на работе. Сейчас с этим никто не спорит. Заместитель директора по быту у нас на предприятии — личность, фигура. И по возможностям и по полномочиям. Работающая при нем группа быта — тоже не статисты, не пасынки рядом с теми, кто дает продукцию. Отношение к ним — как к людям, занятым самым необходимым делом. И сфера их деятельности постоянно расширяется.

Есть предприятия, где бытом занимаются по принципу, имеет он отношение к производству непосредственное или нет. Бытовки, сносная столовая — и достаточно. Все остальное — проблемы уже личные. У нас не так. Объединение постоянно ищет, где, в чем оно бы еще могло помочь своим работникам. Что может сделать, чтобы вопросы быта не превращались в проблему. А решались по возможности просто, не отнимая времени и нервов.

Прямо на территории предприятия у нас действует магазин заказов. Набрал номер телефона, заказал нужные продукты, получил. После работы не надо тратить время на магазины. Недостаток заказа? К твоим услугам магазин «Кулинария», киоск кондитерских изделий. А рядом филиал универмага, книжный и цветочный киоски, мастерская по ремонту обуви. Надо куда-то поехать? Здесь же на территории можно купить билеты на любой вид транспорта. Приболел или просто чувствуешь недомогание? Визит к врачу не займет много времени — поликлиника рядом.

Предприятие озабочено и тем, чтобы помочь интересно организовать досуг. Сделать это нам не просто. У нас нет своего спорткомплекса, нет Дворца культуры. Нет пока еще. К их строительству объединение уже приступает. Но желающим заниматься спортом или участвовать в самодеятельности не надо ждать, когда они будут построены. Мы арендуем спортивные залы, тир, корты, бассейн. Когда ребята одного из общежитий решили построить рядом с ним хоккейную коробку, комитет комсомола сделал все, чтобы помочь им. Добился разрешения, достал материалы, организовал несколько суботников и воскресников. Хоккеисты, любители покатаются на коньках до вольны.

Да, у нас нет Дворца культуры, но на районном смотре художественной самодеятельности мы заняли первое место. Во-первых, нас здорово выручает прекрасный конференц-зал, который мы построили собственными силами. Здесь занимаются кружки самодеятельности, проходят фестивали, проводятся театральные представления. Во-вторых, самодеятельностью у нас руководят люди, которые хотят и умеют работать. Мы ищем таких людей, даем им возможность развернуться.

На «Электронмаше» в большом почете слово «творческий». Людей, умеющих так работать, всячески поддерживают. Потому что именно они способны дать ход делу. Так, неплохо работает наша столовая. Здесь сложился хороший коллектив, есть свои заводилы, лидеры. Бригадир Людмила Лысак стала лауреатом премии Ленинского комсомола. Согласитесь, факт, свидетельствующий о многом.

Другой пример. Комитет комсомола регулярно организует для групп, ставших победителями в социалистическом соревновании, поездки в молодежные лагеря, туристические походы, экскурсии. Путевок, бывает, не хватает. Тогда группа на своем собрании решает, куда бы она хотела поехать, а комитет берет на себя все организационные вопросы. «Электронмаш» уже несколько лет дружит с лейпцигским заводом «Роботрон». За это время в ГДР побывало немало наших рабочих. Такие поездки стали привычными. А однажды мы решили сделать поездку не совсем обычной. В ГДР поехали не сами работники, а их дети — отдохнуть в спортивный лагерь. Эта поездка доставила взрослым радость и удовлетворения больше, чем если бы они поехали в ГДР сами.

Три ведомственных детских комбината построили наши строители. И все родители, работающие на «Электронмаше», стремятся, чтобы их дети ходили именно в них, даже когда есть возможность устроить ребенка в сад по месту жительства. В наших садах и красивее, и удобнее, и игрушек интересных больше.

Уж если строить, так не хуже, а лучше других — так принято на «Электронмаше». В каждом случае. Строится ли новая бытовка или жилой дом, столовая или профилакторий, база отдыха на берегу Киевского моря или санаторный корпус в Ялте. Если так не выходит сразу, не боимся этого признать и все-таки сделать лучше. Каких бы усилий это ни требовало. Потому что дело стоит того.

ПОРЯДОК, КОТОРЫЙ МЫ ВЫБИРАЕМ

Мы, рабочие и служащие челябинской прядильно-ткацкой фабрики, прочитав в «Смене» № 10 материал «Общежитие», были удивлены тем, что есть общежития, в которых нет нормального порядка и спаянности проживающих.

У нас в общежитии года три назад тоже был беспорядок: хулиганство, пьянство, воровство и т. д. Но вот в общежитие пришли новый комендант Надежда Николаевна Коблякова и воспитатель Олимпиада Дмитриевна Григорович, и буквально через год наше общежитие было не узнать.

Пойдем по порядку. Во-первых, с помощью фабрики приобрели мебель, постельные принадлежности, провели ремонт. Воспитатель Григорович начала свою работу с создания работоспособного совета общежития. Одновременно создали совет охраны общественного порядка для борьбы с нарушителями дисциплины. За год мы рассмотрели несколько серьезных нарушений тех, кто привык в течение многих лет хулиганить в общежитии. Два хулигана были лишены свободы на сроки от 2 до 4 лет. Двое осуждены условно. Это сразу отрезвило «горячие» головы других. «Молния», выпущенная по этому поводу, предупредила о безжалостном отношении ко всем тем, кто любит демонстрировать свое «превосходство». Если в 1980 году совет охраны общественного порядка рассмотрел 28 дел, то в 1981 году — 4. И те незначительные. Но ни одно нарушение не было оставлено без внимания.

Во-вторых, мы решили: вход для родственников и гостей — в течение всего дня до 22 часов. Вахтер ведет запись в журнале по документу, удостоверяющему личность. Приглашаем из комнаты девушку, к которой пришли, записываем номер комнаты, и она ведет гостей к себе. Тех, кто нарушал порядок, на определенный срок лишаем возможности принимать гостей. Сразу отпала надобность в дежурстве на вахте в вечернее время. Одновременно ведется большая воспитательная работа с теми, кто к нам приходит в гости. Теперь у нас нет никаких недоразумений.

В-третьих, о воспитательной работе. Воспитатель у нас грамотный, эрудированный, с большим жизненным опытом человек. Она не читает нотаций, но тактично учит, ненавязчиво показывает, если надо, как следует поступать в той или другой ситуации.

У нас нет теперь принудительного «созыва» на лекции и другие мероприятия.

Созданы лектории по интересам:

лекторий «Школа молодой семьи», где проведены беседы и прочитаны лекции «Ради себя и первенца», «280 дней в году женщины», «Желудочно-кишечные заболевания» и т. д.;

лекторий «Прометей», который ведут девушки-коммунисты. Тематику взяли из журнала «Коммунист» (10 тем);

лекторий «Планы партии — планы народа». Лекции и беседы проводят лекторы общества «Знание», кандидаты наук.

Есть и многие другие формы работы. Университет культуры «В мире прекрасного», который ежемесячно проводит областная филармония и артисты оперного театра. Экскурсии «Челябинцы отдыхают в Челябинске». Клуб «Олимпия», который объединяет любителей спорта, путешествий и экскурсий.

Все мероприятия грамотно организуются и проходят очень интересно. У каждого жилья есть возможность выбора согласно своему вкусу, наклонностям. Вся эта работа ведется совместно с комитетом комсомола, помогает во всех вопросах и фабком.

Нам приятно сообщить, что живем мы дружно, что нет у нас сейчас ссор, недоразумений, хищений и других мешающих жить инцидентов.

Как-то сейчас и не верится в то, что в иных общежитиях не разрешают в комнате повесить картину или чеканку. Наш воспитатель говорит так: если картина хорошего художественного достоинства, то она должна занять лучшее место в комнате.

И, несмотря на то, что наше общежитие старого образца, коридорного типа, у нас тепло и уютно. Душ работает исправно, об очередности к плитам нет и речи и т. д.

Правда, в нашем молодежном общежитии по нашему согласию живут 10 матерей-одиночек с детьми. Они иногда чем-то недовольны, бывает, нарушают ритм жизни общежития, особенно сейчас, когда их дети подрастают. Но мы понимаем, что вопрос здесь сложный, и ждем, когда администрация переведет их в семейное общежитие.

Мы можем смело сказать, что наше общежитие — родной, уютный, теплый и ласковый дом. И заслуга в этом администрации фабрики, коменданта Надежды Николаевны, воспитателя Олимпиады Дмитриевны, всего коллектива общежития. Благодаря им мы имеем возможность хорошо отдохнуть после работы. Идем на смену с хорошим настроением.

Особо хочется отметить индивидуальную работу воспитателя. Основное в ее работе — идти в ногу с жизнью, своевременно проводить все мероприятия. Цель — воспитание человека с развитым собственным достоинством, с высокими нравственными качествами.

Характерно, что те, кто о нас заботится, знают всегда наше настроение, как мы жили, живем, работаем и учимся. Думают о наших нуждах и здоровье.

А к таким девушкам, как Куренкова, Галкина, Соловьева, Букина, воспитатель относится особенно внимательно, так как они воспитывались в детских домах, были лишены материнской ласки. У нее всегда найдется доброе слово для них. Она умеет заставить поверить в свои силы, в свое хорошее будущее. Можно еще написать много хорошего, но вы наверняка уже поняли нас.

С уважением
председатель совета общежития ПAVЛЕНКО,
староста АМИНОВА,

члены совета ЕСИКОВА, САИТОВА, СУФЛАРСКАЯ,
СЕРЕБРОВА, НОВОСЕЛОВА, ПАСТУХОВА, ХАЙБУЛИНА

Дорогие читатели!
Обращаемся к вам с просьбой
написать нам о своих мыслях и предложениях
по такой близкой всем теме,
как социальное развитие коллективов.

РОЗЫ В ПЫЛЬНОМ ГОРОДКЕ

Такое, наверно, и с вами бывает: идешь, занятый мыслями, по улице, вокруг гудки машин, толчея прохожих... И вдруг сердце споткнется, замрет — из торопящейся, кипящей этой сутолоки выхватывает взгляд знакомую сухонькую фигурку, одиноко, стороной обходящую бурные людские потоки. И пока рассеивается замешательство, пока вместе с вернувшейся остротой зрения приходит осознание, что это ошибка, разумеется, ошибка, — успеваешь всколыхнуться и окатить тебя изнутри легонькая волна щемящей тоски. Но одновременно странное, горькое и просветленное чувство посещает: будто и впрямь исполнилось, повидался, утолил тщетную свою маету. И еще сильнее душу растравливает.

Да что говорить. Радуетесь постороннему, если долго его не встречал, а уж близкому, родному...

Порой, особенно если неприятности или когда безотчетно скверно, одиноко, да мало ли, сон тяжелый приснится — и вот лежишь в темноте, ворочаешься с боку на бок, думаешь, стискиваешь зубы, и потихоньку поднимается из глубин, с самого дна, пронзительная, острая жалость — к себе и к тем, единственным тебя любившим, которых никогда уже не увидишь, с которыми не поговоришь.

Родители мои умерли рано, я их не знал почти. Так, отдельные картинки запали в сознание: мама играет со мной, сидит у швейной машинки, ну и уже вся закрытая цветами — а вокруг плачут соседи. Отец, всегда хмурый и серьезный, хлебает борщ, примеряет новые сапоги, снимает широченный ремень, чтобы наказать меня. Он, должно быть, догадывался о своей болезни, потому и был зол и угрюм.

А растила меня бабушка, добрая душа. И сухонькие ее руки, помню, постоянно они что-то чинили, штопали, шивали, месили тесто для плюшек, гладили меня по голове. Постоянно они были в работе.

Пенсия бабушке полагалась маленькая, никак ей не удавалось в пределах крохотной этой суммы обернуться. И она нанималась то квартиру кому убрать, то постирать и выгладить белье, а иногда под праздники ее приглашали в обеспеченные дома испечь пироги. Особенно удачно у нее получались сладкие: может быть, потому, что сама она сладкое очень любила. Пряники, леденцы, мармелад... Но куда как редко могла себе подобную роскошь позволить.

Я ей старался помочь. Устроился на почту разносить газеты, ловил в реке рыбку, ягоды на болотах собирал. Что я мог тогда, мальчишка? И чем дальше, тем трудней нам жилось. Я все старше становился и, значит, все больших расходов требовал, а бабушке лет прибавлялось. Какие уж тут стирки да мытье окон! Продавали сохранившиеся мамини вещи, а потом дошло до отцовских рыболовных принадлежностей — прекрасные у него были снасти: удочки и блесны, он их сам делал. И все на меня тратилось, чтобы как следует одеть, обути, накормить. Бабушка и зимой в тапочках на резиновой подошве ходила. Говорила, так ей тепло и удобно.

Думаешь, думаешь иногда об этом... И мысли невозможные, тяжелые. Неотступные. Едешь дышать в санаторий, и вдруг подступит: а ей вот не довелось, только мечтала о теплых краях, среди роз хоть несколько дней провести...

И вроде нет в той тусклой, полной всевозможных лишений ее жизни твоей вины, а вроде и есть. Ну ладно, мальчишкой был. А потом? Потом что же? Когда на работу пошел и зарплату стал получать — ведь о себе в первую очередь начал заботиться. Свои желания и прихоти взялся обеспечивать. Как бы чего в жизни не упустить, этого боялся. И первому себе ботинки купил — модные, остроносые, загляденье. Себе, себе... А уж потом бабушке. Купил красивый большой платок, не забыл. Но успела она обнове лишь порадоваться. Поносить не пришлось. И выходит, я со своей благодарностью к ней опоздал. Опоздал — и уж ничем не исправить.

Так на всю жизнь и останутся укором резиновые тапочки, старенькая кофточка, ненюшенный платок и — за толстыми стеклами очков — невозможно добрые, любящие тебя глаза.

Где-нибудь в скверике, на скамеечке, заметишь одинокую старушечью фигурку — неволью замедляешь шаги, приглядываешься... Только похожа — и все. Да если, допустим, и произойдет такое, доведется повстречать — что изменишь? Вовремя, вовремя все нужно делать. Из настоящего не дотянуться до прошлого.

Однажды по делам службы мне пришлось ехать в далекий захолустный городишко. Тамешний завод железобетонных конструкций производил панели, которые оказались позарез необходимы для строительства нового корпуса нашего учреждения. Командировка и по профилю и по месту нахождения предприятия была не моя. Но лето, пора отпусков. И начальник, очумевший от наплыва всевозможных дел, не долго думая, навьючил хлопоты на первую подвернувшуюся шею. Как назло, оказался под рукой я.

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Разумеется, я пытался отвертеться, и, разумеется, ничего у меня не вышло. Он к тому же представил дело таким образом, будто оказывал мне величайшее благодеяние. Напомнил с заговорщицким видом и подмигивая: там рядом море... И тут же подсыпал новых забот: оказалось, цель поездки выколачиванием панелей не исчерпывается, существует второе, официально не зарегистрированное, но от этого не утрачивающее своей важности задание — раздобыть на том же заводе, в транспортном отделе, заимообразно и на короткий срок, новые шины для нашей ведомственной автобазы. Тут я ничего возразить не мог: все, что касалось техники, — моя компетенция.

Смирился, поблагодарил шефа (он этого ждал), тут же отправился на вокзал, где с большим трудом раздобыл билет — ехать-то предстояло на юг. В довершение дома выдержал неприятный, муторный разговор с женой. Она меня обвиняла в том, что у нее из-за моего отъезда рушились планы уборки квартиры, а главное, в выходные она намеревалась навестить сына в пионерлагере, и я должен был ее сопровождать, тащить сумку с гостинцами. Все это я покорно выслушал, понимая: спорить бессмысленно. (С женой и начальством препираться — себе дороже.) И только вздыхал и уверял ее, что для меня эта командировка — тоже не подарок. Мало-помалу удалось ее успокоить. Она даже собрала меня в дорогу. Сделала бутерброды и набила портфель авоськами — обратно меня обявывали привезти побольше фруктов.

И вот я сел в поезд, ехал, читал на верхней полке книгу (уже год я ее осилить не мог), дремал и постепенно начинал даже радоваться, что вырвался из привычной и надоевшей карусели служебных и домашних забот.

Ранним утром прибыл на станцию назначения — в жаркий, запоросенный цементной пылью город. На перроне она клубилась в воздухе, залетала в рот, скрипела на зубах.

От вокзала до гостиницы довольно быстро добрался на городском автобусе и сразу юркнул в забронированный номер, тоже пыльный и душный, с выгоревшими занавесками на окнах, однако отдельный и довольно уютный. Открытую фрамугу захлопнул.

Побрелся, постоял под душем, перекусил тем, что жена дала с собой, заливая эту сухую мятку водой из графина, а затем, разузнав у коридорной, как попасть на завод, отправился прямо туда. На все поручения я положил потратить не больше трех дней.

Жара разлилась в воздухе, маревом дрожала над городом. Солнце светило тупо и расплывчато. Я упарился мгновенно и на завод, хотя он находился в десяти минутах езды, прибыл взмокший как мышь.

Заместитель директора, который меня принял, держался, напротив, бодро—благодаря шипящему кондиционеру, неумело врезанному в нижний угол большого светлого окна. Но хозяину кабинета мало было кондишн, на столе вращал лопастями гигантских размеров вентилятор. Сквозняк раздувал от стены к стене.

Замдиректора был в мятом черном костюме, при галстук, ветерок не мог расшевелить его слегка выходящие жесткие черные волосы. Вероятно, не только со стрижкой, но и с бритьем ему приходилось туго: подбородок и щеки отливали глянцевитой синевой.

Позевывая, с ленцой начал он проглядывать представленную мной документацию. Курил, небрежно стряхивая пепел куда-то под стол. За его спиной висела диаграмма роста производительности труда на предприятии. Читая, он строго шевелил мохнатыми бровями, похожими на гусениц. Угрюмый его вид заставил меня настроиться на серьезный лад. Но, отложив бумаги, чернотроу заулыбался, принялся шутить и похихатывать над нетерпеливостью иных заказчиков... Строгая его мина лишь усиливала комический эффект незатейливых замечаний—в основном касавшихся реального использования продукции их завода.

Я тоже шутиливо возражал, настаивая на срочности своего заказа.

— Вашу просьбу я удовлетворяю,—наконец, посерьезнев, сказал он.—Единственное: сейчас нет директора, а нужна его подпись. Завтра с утра все и оформим.

Я поблагодарил его и хотел идти, он меня задержал. Предложил минеральной воды, кстати, отаргументованно теплой и соленой, начал расспрашивать, как я добрался, как устроился.

— Чуть, чуть,—замахал он руками, услышав мои сомнения насчет взвешенного в воздухе цемента.—Да и где теперь идеальная атмосфера? Разве только в небесах?

— В таком случае буду стремиться именно туда,—пошутил я.

— Готов быть вашим посредником,—бросил он, и мы оба рассмеялись.

Затем чернотроу принялся рассказывать о городке, где вырос сам и где познакомился с будущей женой. Там, по его словам, химический завод действительно отравил воду и воздух.

— А тут благодать, курорт...

В его речах сквозили не только гордость патриота нынешнего своего места жительства, но и желание установить неформальные контакты.

Я с охотой на это откликнулся. Призвался, что хотел бы побыстрее закрутиться с делами. Спросил совета, где лучше купить фрукты.

Он отвечал обстоятельно. Взял лист бумаги и начертил, как ближе добраться до рынка.

С дружески настроенным собеседником легко было заговорить и об автопокрышках. Хотя шеф строго-настроено наказал мне обратиться с этим вопросом к уже известному и не раз помогавшему нам снабженцу, я все же закинул удочку. И встретил, пожалуй, чрезмерно заинтересованное понимание и поддержку, что, признаться, меня опять-таки удивило.

Впрочем, вскоре и это разъяснилось.

— У меня в вашем городе дочь в институте,—сообщил чернотроу.—Если не затруднит, я передам маленькую посылочку...

Конечно, я не отказал.

На том мы и простились, договорившись увидеться на другой день. С легким сердцем покинул я его кабинет.

Миновав долгий коридор со множеством стендов, плакатов и графиков выполнения плана, развешенных по стенам, и два залитых солнечным светом лестничных пролета, очутился на улице. Административный корпус был вынесен за огороженную территорию завода, но цементную пыль приносило и сюда, тонким слоем она покрывала газон перед входом, затуманивала лаково блестящую поверхность машин, выстроившихся вдоль фасада здания.

Жара как будто еще усилилась. Самое время было отправляться на пляж, тем более, намеченные дела я выполнил.

Все же я решил пройтись до рынка и попутно заглянуть в магазины—исключительно из праздного любопытства.

В первом же мне попались недорогие наборы шоколадных конфет. Один я купил, рассудив, что он может мне пригодиться: либо завтра же как презент секретарю директора (что всегда нелишне), либо для кассирши железнодорожных касс. Я уж поднатерел в подобного рода ухищрениях.

С завернутой в газету коробкой я зашагал дальше. Путь мой лежал через городской парк. Настоящий, большой парк с металлическими турникетами перед входом, аттракционами и музыкой где-то в глубине. Через парк, объяснил чернотроу, самая короткая и приятная дорога к рынку.

Я шел узенькой заасфальтированной аллейкой меж стволов старых деревьев. От них веяло дремной прохладой, ментолом, еще чем-то ядовито-можжевеловым, должно быть, отпугивающим мух, и одновременно сладко-курортным, приторным.

И здесь ощущался недостаток влаги: желтая, пожухлая трава, шуршащие листья каких-то крупных, отдаленно похожих на клены гигантов. Змеино шипели сухие ленты облывавшей с эвкалиптов кожицы. На клумбе посреди маленькой площадки, которая мне встретилась, повесили головы келье красные георгины.

По углам этой площадки стояли четыре выкрашенные в темно-зеленый цвет скамейки. Три из них были свободны. Естественно, возникла мысль передохнуть под душистыми эвкалиптами в тени. Взгляд мой скользнул по четвертой, занятой скамейке. На ней сидела старушка...

И сразу в сознании тревожно забрезжило то самое, о чем я уже говорил. Сухонькая фигурка. Очки. Палочка в руках.

По-страусиному вытягивая шею, я стал подходить ближе. Нет, странно, сомнение мое не рассеивалось. Напротив, я ощутил настоящее смятение. Не холодок неуверенности, а сковывающий холод заставил меня замереть на месте.

Я зажмурил глаза. Вновь открыл их. Что толку: сердце съеживалось, таяло, уменьшалось в груди. Все, все до мельчайших деталей совпадало. И безучастный, отрешенный вид, с каким она сидела последние дни у окна, и толстые стекла очков, и серый знакомый плащ... В такую-то духоту!

Единственное: я не мог разглядеть ее лица. Мне даже показалось, она специально хочет его скрыть, спрятать, для этого и опустила голову, опять-таки знакомо покрытую новым платком.

Я чуть не смалодушничал, не свернул к свободной скамейке, однако заставил себя выдерживать взятое направление. Опустился рядом с закутанной в плащ фигуркой... И едва вновь не вскрикнул, не вскочил, увидев стоптанные тапочки.

Старушка подняла голову, повернулась ко мне... Я притиснул ладонь к губам и прижался лопатками к ребристым брускам скамейки спинки.

Бабушка без тихонько и ласково рассмеялась. И шепнула:

— Ну что ты?

Я не мог вымолвить ни слова. Голова кружилась.

— Вот не думала встретить здесь никого,—произнесла она нараспев. И шелестяще повторила:—Да, да, не думала...

Поднялся ветерок и зашумел листвою, отшелушившейся змеиной бахромой эвкалиптов. Отчетливой, громче зазвучала музыка, подгоняемая ветром, словно волнами.

Я пытался заставить себя сосредоточиться. Стиснул виски ладонями. И снова уперся взглядом в тапочки. Стоптанные, порванные, запыленные... Рядом по расстрекавшемуся асфальту полз маленький черный жучок.

Украдкой бабушка поджала ноги, спрятала их под скамейку. Но и плащ был истрепан, особенно обода рукавов, и чулки истерлись, истончились почти до прозрачности.

— Почему ты здесь?—вытолкнув из горла словами душивший меня спазм, заговорил я.—Расскажи.

И протянул руку, чтобы дотронуться до ее сухонькой воспаленно-красной руки. Она чуть отодвинулась и жестом остановила меня.

— Я решила выбрать город, где никогда не бывала. Это самое легкое, поверь. Поначалу отправилась в знакомые места. Там невозможное. Мучительно.

Мысль моя ворочалась неуклюже.

— Погоди. Ты сейчас... одна?

Вновь она улыбнулась—едва приметно, одними уголками губ.

— Как тебе ответить? Ты вот со мной.

— Но ведь ты говорила о розах, о тихом уютном домике,—шепотом выкрикнул я.

Она успокоила меня легким движением руки. Осеняющим жестом, которым прежде не пользовалась.

— Я все выбрала сама. И город. И занятие.—Она очертила стершимися набалдашником палки полукруг на асфальте.—А розы... Подумаешь... Когда-то я любила сладкое. Ты не забыл?

— Какое занятие?—робормотал я.—О чем ты?

Я внимательно приглядывался к ее раскрасневшимся будто от холодной воды и ветра рукам. Это была болезненная, воспаленная, сухая краснота.

— Да, пыли тут хватает,—кинула она.—А я не люблю, когда пыльно. Но не это главное.

— Ты хочешь сказать...—начал я.

— Зато тут много солнца. Тепло,—торопливо, как бы боясь услышать окончание фразы, забормотала она.—Я выбрала то, что захотела. Поверь, поверь...

Виновата она загнулась.

— Ты...—Я нашел слова, но отчего-то не мог их вымолвить.

— А ты изменился,—решительно перебила меня бабушка.—Забавно. Я рада тебя повидать.

Мне показалось, она хотела еще что-то добавить, но тут, откуда ни возьмись, появился тот самый, чернотроу, с завода. Галстук его сбился набок, по лицу текли струйки пота. Он вытирал их несвежим коричневым в бежевую клеточку носовым платком.

— Хорошо, что я вас догнал,—отдышавшись, затараторил чернотроу и плюхнулся на скамейку, не спрашивая позволения. Убрал платок, достал из внутреннего кармана пиджака ворох моих бумаг.

— Да-да, с панелями может ничего не получиться. Вы все неверно заполнили.

Чуть он говорил, а я был настолько растерян, что не отослал его.

— Ну, я пойду потихоньку,—сказала бабушка.

Она поднялась. Шаркая износившимися тапочками и опираясь на палочку, медленно побрела по дорожке.

— Подожди,—позвал ее я.

—И вот, и вот—чернотроу дернул меня за рукав пиджака и начал тыкать пальцем в цифры на бумаге.—В подсчетах все налутано.

Лишь на секунду я отвлекся, а когда поднял глаза, ее серого плаща нигде не было видно.

Я вскочил. Позабыв о бесцеремонном соседе, бросился вдогонку. Я бежал во весь дух. Аллея расширялась и в центре парка переходила в просторную площадь, где толпились красочные павильоны аттракционов, мелькали качельные люльки, был раскинут цирковой шатер. Я промчался по кругу, бегло вглядываясь в лица людей и отыскивая среди ярких их одежд плащ, серый плащ, но только потерял дорогое время.

Я рванулся назад. Мне пришлось в голову, что бабушка повернула в какое-нибудь боковое ответвление аллеи. Таких тропинок и дорожек обнаружилось множество. И все до одной я промахнулся из конца в конец. Безрезультатно.

Я метался по парку, путаясь и потеряв ориентиры, тихонько звал ее, хотя уже понял: это бесполезно.

До вечера я продолжал бессмысленные поиски, не мог остановиться. В гостиницу вернулся уже затемно—измотанный, голодный, находясь в отчаянии и прострации. Долго не мог уснуть: стоило закрыть глаза, и всплывали ее лицо, плащ, истертые белесые чулки...

Лишь ночью меня пронзило: ведь когда она заговорила о сладком, то, конечно же, имела в виду конфеты, которые я купил. Это была просьба. А я не сообразил, не догадался...

Утром я побрился и специально поглядел бьюки, пожалел, что не захватил с собой второй сорочки. Я не хотел предстать перед коварным чернотроу поверженным и смятенным, не хотел демонстрировать своей слабости.

Как и накануне, он был медлителен и ленив, но уже не шутил. О странной нашей встрече в парке не заговаривал. И я молчал. Да и о чем было говорить, если я даже не был уверен, что это он меня преследовал? О посылке для дочери он тоже не заикнулся.

Признаюсь, однако: накануне я и точно кое-что напутал с документацией. Просмотрев бумаги, я вновь в этом убедился, хотя не мог с уверенностью утверждать, что путаница не была подтасована специально и не мной.

Быстро мы подписали требование у директора, затем чернотроу дал мне в провожатые какого-то молодого паренька, и с этим пареньком на машине я отправился утрясать вопрос насчет автопокрышек. У меня был искуса попросить шофера свернуть к парку, но опять я удержался. Где гарантия, что провожатый за мной не наблюдал?

Успешно завершился и заключительный деловой разговор: шины обещали отгрузить в ближайшее время. Затем состоялся товарищеский обед. На нем присутствовали мой провожатый и какие-то незнакомые лица. Чернотроу так и не появился.

Лишь вечером, уже перед отъездом, я вновь попал в парк, на заасфальтированную аллею. Горели фонари, под ручку гуляли воркующие пары. На скамейке, где накануне я заметил сухонькую фигурку, теперь расположилась группа ребят, они брэнчали на гитаре.

Я постоял, глядя на них, и хотел было уйти, но странное благоухание, коснувшись моих ноздрей, заставило меня приблизиться к клумбе. Я подошел и замер: вместо пыльных георгинов ее украшали большие, в человеческий рост кусты роз. Тяжелые тугие бутоны с выбивающимися наружу уголками лепестков и сглаженные темной плюшкой распустившихся цветов мерцали среди черной, влажной, поблескивающей в свете фонарей листвы.

Вместе с пьянищим запахом доброты и раскаяние вливались в мою душу.

Объяснить большие того, что она мне приоткрыла, бабушка не могла. Но дать мне успокоение было в ее силах.

В городе Лос-Анджелесе, на западном побережье США, произошел не совсем обычный случай. Мчавшийся на большой скорости «джип» проломил двери одной из городских больниц, влетел в вестибюль здания и остановился как вкопанный. Тотчас раздались оглушительные выстрелы, посыпались куски штукатурки, и бросились на пол перепуганные люди, оказавшиеся поблизости. По стенам и потолку палил водитель автомобиля — бывший морской пехотинец Джеймс Хопкинс. Разрядив обоймы винтовки и пистолета, он закричал не своим голосом, что сходит с ума из-за «эйджента оранджа»...

Американский парень Хопкинс никогда об «эйджен-

недавно по американскому телевизионному каналу Си-би-эс, всего на вьетнамскую землю было сброшено около 50 миллионов литров «эйджента оранджа». Его жертвами стали прежде всего сотни тысяч мирных жителей — вьетнамские женщины, старики, дети...

Нервные потрясения, различные психические расстройства — самые распространенные недуги среди американских ветеранов вьетнамской войны. В «Диагностическом и статистическом руководстве для случаев расстройства психики» (официальное периодическое издание Американской психиатрической ассоциации) было дано научное определение этих недугов — «послетравматические стрессовые расстройства». При таких расстройствах, указывается в «Руко-

память, сегодня она все чаще и неотступнее является к нему среди бела дня или в глухую полночь, и Сэмплз начинает мучительно осознавать, что повинен в смерти, может быть, совсем невинного человека. Врачи говорят, что психологическая травма у Сэмплза, как и у Хопкинса, останется на всю жизнь.

У болезни американских ветеранов, испытывающих «послетравматические стрессовые расстройства», есть еще один четкий симптом — полное равнодушие к внешнему миру.

Но еще большее равнодушие, как показывает практика, проявляет к самим американским ветеранам американское общество. У «джи ай», возвращавшихся из Вьетнама, еще не успели зарубцеваться раны, многих из них терзали чувство вины, горечь и душевный хаос. Однако эти проблемы, писал американский журнал «Тайм», вот уже несколько лет после окончания войны игнорируются обществом и административными институтами США. Ветераны сталкиваются с трудностями при устройстве на работу или поступлении в учебные заведения, в процессе лечения, при оформлении пособий.

Свидетельством безразличного отношения властей США к бывшим участникам проигранной войны является, например, такой факт, подмеченный с горьким юмором тем же «Тайм»... Когда 52 американских заложника, отсидев 444 дня в посольстве США в Иране, вернулись в Америку, им был оказан прием чуть ли не как героям. В патриотическом порыве президент Рейган распорядился выдать каждому бесплатный пожизненный билет на посещение бейсбольных матчей. Однако тысячи ветеранов вьетнамской войны, отслуживших по несколько лет на краю

В ДЖУНГЛЯХ ВЬЕТНАМА. ТАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ — ДЛЯ ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ «ДЖИ АЙ»... А ПОТОМ В АМЕРИКУ ОТПРАВЛЯЛИ ГРОБЫ ИХ НАКРЫВАЛИ ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫМ ФЛАГОМ, И МЕДЬ ВОЕННЫХ ОРКЕСТРОВ ПЫТАЛАСЬ ЗАГЛУШИТЬ ТРАГИЧЕСКИЙ ВОПРОС: «ВО ИМЯ ЧЕГО?»

Фото из журнала «Тайм» (США)

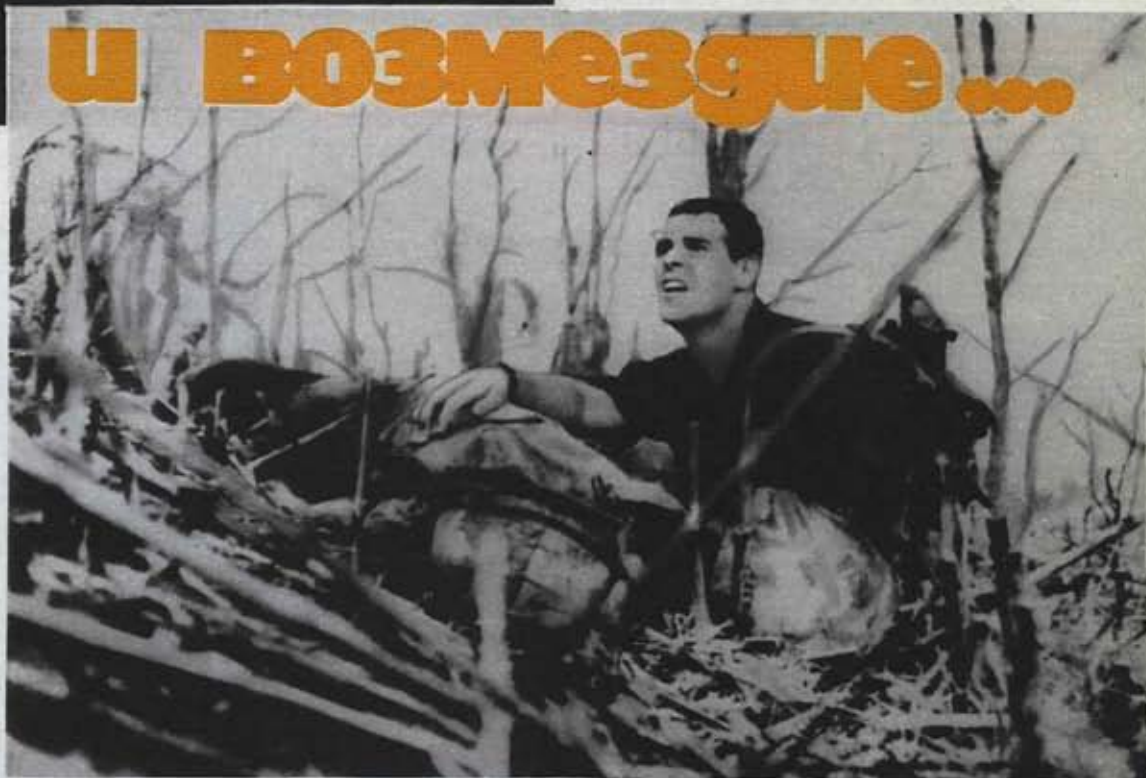
Свидетельствует
пресса США

преступление —

Николай МОЙКИН

и возмездие...

те» не слышал — до того, как судьба (в лице военного ведомства США, Пентагона) не свела его с этим сильнейшим ядохимикатом. «Рандеву» солдата с дефолиантом «эйджент орандж» состоялось за тысячи километров от границ США — в Юго-Восточной Азии, во Вьетнаме. Туда Пентагон перебросил свой номенклатурный груз — новобранцев а ля Хопкинс и средства массового уничтожения типа «эйджент орандж». Разумеется, для защиты американских интересов.

В течение многих месяцев «славный американский парень» Хопкинс с автоматом в руках охотился за «красными», а «эйджент орандж» уничтожал посевы крестьян и лесные массивы. Но, попадая на растения и поверхность земли, страшный препарат одновременно проникает в организм человека и вызывает тяжелые физиологические или психические расстройства. Одной из жертв «эйджента оранджа» стал помешавшийся морской пехотинец Хопкинс, участник грязной авантюры, развязанной правительством США против народа Вьетнама.

Многие американские ветераны вьетнамской войны стали жертвами не только химических препаратов. Сегодня, десятилетие спустя после позорного провала Вашингтона во Вьетнаме, многие из них поняли, что оказались жертвами неслыханного политического обмана; бывшие «джи ай» стали ходячей памятью трагических событий, которые еще не успела смыть беспощадная река времени; они превратились в живые сгустки издерганных нервов, скорби и бессильной ярости, влившихся в ряды миллионов «униженных и оскорбленных» американцев.

Через мясорубку вьетнамской войны Пентагон пропустил почти 3 миллиона молодых американцев. Из этого числа около 100 тысяч человек вернулись домой с тяжелыми физическими увечьями. 50 тысяч ветеранов считают, что у них стали развиваться те или иные формы рака вследствие заражения организма «эйджентом оранджем». Медиками установлено, что этот дефолиант действительно вызывает раковые заболевания. Есть первые жертвы. У людей, подвергнувшихся воздействию «эйджента оранджа», серьезно поражена кожа, внутренние органы, в первую очередь печень. Выяснилось также, что у родителей, отравленных этим ядохимикатом, появлялись на свет дети с жуткими дефектами. Как сообщалось

водстве», у человека развиваются ярко выраженные симптомы необычной болезни: он все больше замыкается в себе, становится подозрительным, постоянно нервничает, дергается, ему снятся кошмары, в которых навязчиво повторяется событие, вызвавшее фатальную травму.

Именно такие видения являются по ночам Митчеллу Сэмплзу. Во сне этот ветеран вспоминает, как однажды он с подразделением «джи ай» наткнулся в лесу на раненого «вьетконговца» — вьетнамского патриота. Тот лежал на спине, истекая кровью, и просил о помощи. Сэмплз радировал начальству и получил приказ «прикончить противника». «Славный американский парень» выполнил приказ...

Возвратившись в Америку, Сэмплз никогда ни с кем не говорил о совершенном им убийстве. Однако спустя годы сцена кровавой расправы над беспомощным, умирающим человеком стала беречь его

света в качестве «заложников Пентагона», ждало дома вознаграждение, которое не обошлось вайнстонской администрации ни в один цент. Их ждало презрение окружающих и полное равнодушие властей.

Впрочем, в последнее время кое-кто в Белом доме и Пентагоне зашевелился, кое-что там было предпринято с целью подкорректировать официальное отношение к ветеранам. И вот конкретный результат: администрация США дринала недавно решение соорудить в американской столице гранитный мемориал, где будут высечены имена всех 57692 американцев, убитых в годы «самой бессмысленной войны» в истории Америки.

Но что могут сделать в Вашингтоне для тех, кто не погиб в этой войне? Ведь живым мемориалов не воздвигают. Их трагедия — их собственная проблема...

Станислав ТОКАРЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Ольге Бичеровой известно достаточно много. О том, что ей 15 лет, она учится в 8-м классе 692-й московской школы. О том, что ее рост — 137 сантиметров, вес — 29 килограммов 700 граммов: эти данные она отчеканит в микрофон прилежным тоном отличницы на пресс-конференции после окончания московского чемпионата мира по гимнастике в конце ноября прошлого года, а позже, в несколько более интимной обстановке, абсолютная чемпионка поделится заветной своей мечтой — подрасти...

Впрочем, сейчас за точность приведенных цифр я не ручаюсь — растет девочка быстро и бурно.

Известно, что Ольга в самом деле круглая отличница, первое полугодие окончила сплошь на пятерки — к этой важной детали ее биографии мы еще вернемся.

Известно, что ее папа и мама — инженеры-электронники, что она очень их любит, что со слезами просила, чтобы они не приходили во время чемпионата в «Олимпийский», не нервничали, и их появление в зале было для нее секретом. Что в Подмоскovie живет ее дедушка, который научил внучку собирать грибы, отличая настоящие опять от ложных по кольцу на ножке. Что она коллекционирует марки — не просто, а по теме: «Растения и животные». Что выписывает журнал «Юный натуралист». Что любит приключенческие романы...

Достаточно много было известно автору этих строк умильных и трогательных подробностей Олиной жизни, короткой пока, как ее веснушчатый нос, и только одно оставалось непонятым: чем взяла на помосте девочка, чем превзошла сто двадцать других, из которых двадцать-то, во всяком случае, могли ей составить конкуренцию?..

— Так чем?
Тренер Борис Георгиевич Орлов раздумчиво провел ладонью по вольготной — артистической — седоватой своей шевелюре:

— Желанием.
— Стоп, стоп. Желание у всех было.
— Верно. Ну ... работой. Подготовкой — не месячной и не двухмесячной.
— И другие работали. И подольше, чем она.

— Тоже верно. Внешними данными? Так другие — тоже не уроды... А вот, может быть... Хотя, может быть, это чисто субъективное... Для нее чемпионат, как она сама говорила, был праздник. Веселый праздник. Ее ничто не угнетало... Такой, как на этом чемпионате, я ее вижу иногда только у себя дома. За столом. Жизнерадостной и уверенной — почти до нахальства. Я сидел на трибуне. Сидел далеко, мест не было свободных, я на лестнице примостился. Один: не люблю, чтобы видели, как я волнуюсь. Хотя в тот день... в финальный день... не волновался. Правда, руки-ноги тряслись. Попросил у кого-то бинокль. И в нем ее лицо мелькнуло. Красивое лицо, задорные глаза. Ее ничто не раздражало, она не пыталась ни от кого отвернуться, замкнуться... И я понял: вот он — ее звездный час.

В сущности же говоря, это был прежде всего звездный час 37-летнего мастера спорта по акробатике Бориса Орлова, для которого новая чемпионка — девочка из его первого тренерского набора.

Очень важное он мне сказал — о празднике, о радости. Важное потому, что при прочих равных побеждает действительно тот — это не только спорта, любого дела касается — кого влечет прежде всего (прежде всего!) не мучительное «надо», но ликующее «хочу», счастье самовыражения, «и пальцы просятся к перу, перо к бумаге — минута, и стихи свободно потекут».

Потому наше краткое исследование истоков победы Ольги Бичеровой следует начать с черт биографии Бориса Орлова. Наиболее многозначительных, я бы сказал, черт.

Он окончил радиотехнический техникум. Работал на заводе — техником группы разработчиков. Я спросил, в чем конкретно заключались его функции. Он ответил в своей несколько отстраненно-иронической манере: «Инженер изобретал новое приспособление, Орлов чертил посильную его уму и образованию электронную схему».

Позволено ли будет автору предположить в круге интересов героя наряду с увлеченностью диалектикой характеров полупроводников начала пристальности по отношению к электронным схемам души человеческой, смотрев это в любимых его писателях — Достоевском и Хемингуэе? Позволено ли приметить тут ростки той вдумчивости и гуманности чисто педагогической в сплетении с вдумчивостью методической, биомеханической, если угодно, которые сделали Орлова гимнастическим тренером новой формации? Как бы то ни было, внутренние обстоятельства наряду, естественно, с некими внешними привели нашего героя в спортивный зал — сперва в роли отчасти подсобной, специалиста по акробатике, потом в качестве «поддужного» у Алексея Ивановича Александрова, славного «деда», воспитавшего не одно поколение советских гимнасток, и, наконец, как самостоятельного мастера.

Позталность подчеркиваю не случайно. Когда сейчас Орлов приводит определение «современная женская гимнастика есть, в сущности, акробатика на снарядах», он, как выяснилось, даже не помнит, что услышал его от того, кто это впервые сформулировал, — от Ренальда Ивановича Кныша, создателя спортивной личности Ольги Корбут, родоначальника этой современной гимнастики. Ассистируя в сборной страны Кнышу, Юрию Штукману, другим выдающимся специалистам, Орлов и сформировался как новатор, а за его новациями технического свойства видится мне та нравственная основа, которая в конечном счете сообщила радость вольного полета выступлению Бичеровой в Москве.

Истины, о которых пишу, просты — странно,

что их пока не все понимают. Сложное многооборотное вращение тела в воздухе, составляющее основу сегодняшней гимнастики, достигается, как правило, многократным повторением движений — на полу, на жесткой опоре. Это и нервную систему угнетает и травмами чревато. А есть простой и поистине чудодейственный снаряд — батут. Прыгать на нем ребенку весело, легко, на нем все — игра. При умелом пользовании батут экономится время обучения, создается щадящий психологический режим.

А теперь еще кое-что нужно.

Знание основ, азов гимнастики, так называемых базовых элементов, из которых складывается обязательная программа. Этому Орлов научился у Александрова — мало кто в стране знает «школу» так, как «дед», — шустрый, непоседливый, властный, скрупулезный.

Нужна хореография — отточенная прелесть высокого носка, мягкая струистость кисти, и музыкальность, пластичность, выразительность, словом, свойства, столь обычно редкие в ребенке, чье сердце еще не проснулось для познания красоты мира и себя в мире, а голова заморочена необходимостью крутить «пируэты-сальто». В искусстве превращать гимнастику в искусство помогала и помогает Орлову Галина Саварина, в прошлом балерина, ныне известный постановщик вольных упражнений и, бесспорно, лучший в стране гимнастический хореограф-репетитор.

И еще кое-что нужно. Умение учиться, первостепенное в профессии учителя. Им Орлов, похоже, обладает. Способность задумать сложный элемент и логично, рационально разложить его на серию простых первоэлементов в профессии тренера. Этим Орлов обладает тоже.

**ВОЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ОЛЬГИ
НА МУЗЫКУ И. ДУНАЕВСКОГО
ИЗ ФИЛЬМА
«ИСКАТЕЛИ СЧАСТЬЯ».**

ВОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

И потом нужно, чтобы однажды к тебе в зал пришла девочка с серьезным круглым взглядом, которым она впитывает каждое твое слово.

Не за силу, не за ловкость такую уж особенную взял он ее — за эти внимательные глаза.

Нужно, хотя ей девять лет, что безумно много по нынешним меркам, терпеливо работать с ней над элементарнейшим каким-то фляком, когда ее одноклассники крутят двойные сальто, и учить бегать прежде, чем учить прыгать, и верить — успеем. И ровным голосом объяснять, что зачем, потому что ей надо это знать, она ничего на веру не принимает, хочет до всего дойти своим умом.

Надо еще умерять сверхстарание и честолюбие прирожденной отличницы, которая жаждет от жизни максимума и на первых порах теряет, когда жизнь дает подзатыльник. Прошлым летом, дебютируя на первенстве Европы, Ольга вышла на помост, только чтобы выиграть, на меньшее была не согласна, лезла вон из кожи и осталась в третьем десятке.

Нужно на тренировочном сборе ходить с ней по грибы, когда другие после обеда засыпают в постелях. Сезон сбора грибов, после которого комнату заставили банками соленых, завесили низкими сушеных (только маму ждали, чтобы увезла в Москву), для Оли казался развлечением, для Орлова же был — по плану — «компонент нервной разгрузки».

Нужно привезти ей из дома томик О'Генри, будучи абсолютно уверенным в том, что она за него возьмется только тогда, когда привычно проштудирует намеченную на день главу. «У нее на базе перед чемпионатом были с собой две сумочки: в той, что полегче, вещички, в той, что потяжелее, школьные учебники».

Нужно...
Да не только нужно, просто хочется гулять с ней и разговаривать обо всем на свете — о

И размять ее перед финалом, увидеть, какая она крепенькая, ладная, собранная. Сказать «ни гуха ни пера», услышать в ответ — естественно же — «к черту».

И — после всего — спрыгнуть с трибуны, протолкаться к ней, только одно сказать: «Ну, Ольга, ты даешь». Уехать домой за все дни отсыпаться, потому что — она об этом не знает, но он-то знает — очень долго еще предстоит отстаивать и доказывать право на титул, о котором она с такой очаровательной безапелляционностью скажет на пресс-конференции, когда спросят, согласилась бы утром его получить, а не вечером, не после борьбы, а без борьбы: «Не согласилась бы — что это за спорт без борьбы?»

Еще предстоит бессонница.
...Два раза в жизни автор этих строк брал интервью у Ольги Бичеровой.

До чемпионата — на первенстве страны в Минске — просто потому, что по жребью девочке достался № 1, и автору показалось

КОГДА ОЧЕНЬ ЛЮБИШЬ ЗВЕРЕЙ, СОЙДУТ И ИГРУШЕЧНЫЕ.

РАЗМИНКА. МЯГКОЙ, ИЗЯЩНОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ КИСТЬ.

В КОГО ПРИЦЕЛИЛАСЬ? НАВЕРНОЕ, ОПЯТЬ В БОРИСА ГЕОРГИЕВИЧА.

лидер, она об этом не думала, просто перед последним снарядом, прыжком, была абсолютно уверена, что прыгнет, что встанет. Если на тренировках все отработано, что тут сомневаться? Вообще все время была в себе уверена. И трудно ей не было. Весело, правда, было, а трудно не было.

Все это, повторяю, сдержанно, достойно. Единственно, когда автор сообщил, что у него есть щенок двух с половиной месяцев, она тоненько, восторженно воскликнула: «Ой, здорово, а как зовут?»

ЕЙ НАДО ВСЕ ОБЪЯСНИТЬ — ОНА ПОДУМАЕТ И ПОЙМЕТ. ОЛЬГА И ЕЕ ТРЕНЕР БОРИС ОРЛОВ.

своим колли и о ее морской свинке, которую, к сожалению, пришлось отдать в живой уголок, потому что у Оли от нее аллергия... О прилудной кошке с отрубленным хвостом, которая пробралась на балкон базы, долго не хотела идти к Оле в комнату, а когда пришла, уходить напрочь отказалась... И о том, какие они, два дурака, старый да малый, решили было отогреть замерзшего лягушонка — его же не на батарее надо было положить, просто на пол, в тепло...

И играть в снежки с ней и ее подругами по команде накануне финала, и самому подставляться под кругляши, чтобы девчонки друг в друга не угодили, и слышать, как хохочет Оля...

И ворочаться без сна, вспоминая ее детское, уверенное: «Ну, уж третьей-то я буду», — зная, что спит она пока (это его выражение) «хорошо, много и со вкусом».

заваным на этом поиграть: вдруг, дескать, когда-нибудь ребенок и в самом деле станет в гимнастике № 1?

Она тоненьким голосом объясняла тогда, что упала с бревна, поскольку ход набрала сильный после переворота, ногу не задержала, что вообще-то расстроилась, но потом успокоилась.

После чемпионата мира у гимнастки № 1 планеты даже голос был другой — грудной, низкий. С автором не ребенок говорил, но достойно-сдержанная девушка, изящно-пропорциональная в малости своей, естественная и разумная в ответах.

Да, на одни пятерки учиться трудно, да она за полночь сидела над уроками, да, папа отпуск за свой счет взял, чтобы помочь, но в классе все привыкли, что она отличница, и она привыкла, и она, честное слово, не понимает, как может быть иначе. Нет, во время соревнований она не знала, что она

ЗА УРОКАМИ. В КЛАССЕ ПРИВЫКЛИ, ЧТО ОНА ОТЛИЧНИЦА. И ОНА ПРИВЫКЛА.

А ЧТО У ВАС?

МАРТОВСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

В ДОМАШНИХ ДЕЛАХ ПОМОГАЕТ ШУБЕРТ

Роза РЫМБАЕВА,
заслуженная артистка
Казахской ССР,
лауреат международных
и всесоюзных конкурсов
артистов эстрады,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Казахстана

Слушаю своих «песенных учителей» — Аллу Пугачеву и Софию Ротару. Часто возвращаюсь к песням Мирей Матье. А еще у меня есть — старые уже — пластинки с записями Робертино Лоретти. Помните этого талантливого итальянского мальчика? Что и при какой домашней работе слушать, специально не подбираю, когда как, по настроению, однако всегда со мной наши казахские народные лирические песни. Под любимые мотивы спору идет даже не самая желанная хозяйственная работа, и тут же рождаются какие-то новые мысли, идеи для сцены...

Вот, кстати, вытирала недавно пыль и слушала «Аве Мария» Шуберта в исполнении Робертино. И как-то сама родилась необходимость включить эту прекрасную вещь в свой репертуар. Причем непременно на итальянском языке. Над этим сейчас и работаю...

«СМЕНА»: Напевае ли вы что-нибудь, когда занимаетесь домашними делами?

— О, если все время петь, когда занимаешься хозяйством, не останется сил для сцены. А все потому, что я очень люблю свой дом. Хорошая хозяйка чувствует себя в своей тарелке только тогда, когда дома все прибрано и есть хорошая кухня (я имею в виду национальные или фирменные семейные блюда).

Так что дома я в основном слушаю. Как начну, скажем, большую уборку с мытьем полов, непременно включаю магнитофон.

...НА ДВА СЛОВА!

У нас в Киеве на Брест-Литовском проспекте открылось замечательное учреждение — Дворец Радости. Отсюда теперь начинают путь многие молодые семьи. Дворец стал центром по пропаганде новых советских обрядов. Здесь в торжественной обстановке регистрируют новорожденных, выдают паспорта совершеннолетним и т. д. А специальная служба семьи фирмы «Свято» с помощью специалистов в области права, психологии, медицины, домашнего хозяйства всегда готова дать нужную рекомендацию желающим.

Николай МОСКАЛЕНКО,
Киев

МАРТОВСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

ЛОГИКА ПЛЮС ОПТИМИЗМ

Мая ЧИБУРДАНИДЗЕ,
чемпионка мира по шахматам,
депутат Верховного Совета
Грузинской ССР,
член ЦК ЛКСМ Грузии,
студентка Тбилисского
медицинского института

«СМЕНА»: Шахматы — ваша жизнь. Но каждому человеку свойственны увлечения. Признайтесь и вы в своем хобби. И еще: помогает ли шахматная логика в решении чисто житейских проблем?

— Ну, обязательно: раз Чибурданидзе, значит, разговор о шахматах. Да, да, в моей жизни они значат очень многое. Но совсем даже не все. Я, например, обожаю плавание, часами могу не вылезать из бассейна. А без зарядки просто не начинаю день.

...Очень люблю читать, особенно исторические романы. И ощущаю себя на седьмом небе, если удастся полистать какой-нибудь

древний манускрипт. Но это уже больше, чем хобби, это моя давняя любовь.

Теперь о проблемах и шахматной логике. Без проблем, думается, никто не обходится, но решать их можно по-разному. В таких случаях я предпочитаю улыбаться, даже если мне этого не очень хочется. Ну а логика, конечно, помогает. Логика плюс оптимизм.

МЫ ПОЛНОСТЬЮ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ ЭТИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СИЛЬНОЙ ПОЛОВИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. КОНЕЧНО ЖЕ: НАШИ МАТЕРИ, ЖЕНЫ, ПОДРУГИ, СЕСТРЫ — ЛУЧШЕ ВСЕХ! ПРИМИТЕ НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ ДНЕМ!

Фото ПЕТРА НОВИКОВА

«СМЕНА» — ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

«СПРАВКА О ВЕСНЕ И ЛЮБВИ»

Март 1932 года (книжки журнала №№ 5, 6). «На призыв «Комсомольской правды» о создании фонда экономической независимости откликнулись комсомольские организации всего Союза», — сообщает «Смена». Под Москвой строится плотина на реке Истре — первое звено на трассе будущего канала Москва — Волга. «Истринское водохранилище позволит ежедневно отпускать московскому водопроводу шестьдесят миллионов ведер воды, т. е. в два раза больше, чем потребляет Москва сейчас», — сообщают корреспонденты журнала.

Первого марта на ленинградском заводе им. Макса Гельца был закончен и опробован первый советский ленточный тип марки «За индустриализацию». На советском ленточном станке отлиты первые строчки.

Первый мощный советский 21-ковшовый экскаватор в час дает выемку до 100 кубометров земли. Раньше экскаваторы ввозились из-за границы и каждый стоил до 25 000 рублей.

Эти сообщения напечатаны в новом постоянном разделе журнала, посвященном борьбе за экономическую независимость СССР. Вместе с тем мы не случайно вынесли в заголовок это название: многие материалы, напечатанные в мартовских номерах пятидесятилетней давности, посвящены жизни девушек-комсомолок. «Мещанин ли я, — спрашивает один из молодых читателей, — если веду строгий учет своих доходов и расходов?» «Система постоянного «стрельяния» в поисках трешницы вовсе не свидетельствует о возвышенности и широте натуры», — отвечает журнал и предлагает подумать сообща: «Как мы расходим свой заработок?»

Еще одна проблема, вынесенная в заголовок статьи, — «Семья и фабрика». Не хватает работниц, а многие из них сидят дома. Почему? Не с кем оставить детей. «Давешь ясли!» — предлагает «Смена». Но как трудно это новшество входило тогда в жизнь! «Три раза приступали к толчке крепости старого быта передовые работницы Орехово-Зуевской ткацкой фабрики и три раза одерживали верх привычки прошлого. Но ясли прочно вошли в жизнь коллектива. Многие из тех, кто с ухватками, со скалками отстаивал неприкосновенность своих горшков, с улыбкой рассказывают теперь о своих прежних баталиях: «И смех и грех. Прямо сказать, глупость наша». Строилась страна. Строился новый человек, подлинный хозяин страны.

МАРТОВСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

ЧТО ТАКОЕ «КОДУЛИНН»

Тийна МЯГИ,
руководитель штаба
таллинской общегородской
постоянно
действующей операции
«Кодулинн»

«СМЕНА»: Насколько нам известно, ваше движение не имеет аналогов. Пожалуйста, расскажите о нем подробнее.

— Все началось около десяти лет назад с передачи эстонского телевидения, авторы которой призвали горожан в свободное время поработать на благоустройстве Старого города. Сейчас раз в две недели к особняку старгородского жилищного управления приходят по субботам и воскресеньям до двухсот — трехсот человек. Смысл работы определяется названием операции: «Кодулинн» (в переводе с эстонского означает «родной город»).

Школьники убирают улицы, проводят «ревизию» чердаков и подвалов. Девушки и женщины помо-

гают работникам многочисленных музеев оформлять экспозиции, работают в запасниках. Мужчины прошлым летом организовали специальные бригады каменщиков, которые перекладывали булыжные мостовые наших средневековых улиц.

Бригады добровольцев занимаются и реставрацией номерных знаков на домах, дверных витражей и самих дверей тоже. В этом тонком деле у нас уже есть квалифицированные специалисты. И каждый рабочий день операции «Кодулинн» заканчивается большой концертной программой.

СТРОЙПЛОЩАДКА

СТАВИМ СРУБ

Пожалуй, нет в России строительной конструкции древнее, чем всем известный добрый сруб крестьянской избы. И хотя сейчас мы говорим о коттеджах из кирпича, сборных конструкциях из древесностружечных плит и даже многоэтажных деревянных зданиях, сруб остается в числе реальных претендентов на обновленное крестьянское жилье.

Шемышейский лесокombинат в Пензенской области готовит срубы из сосны и осины с таким расчетом, чтобы в будущей избе можно было жить со всеми современными коммунальными удобствами. За год бригада плотников из пяти человек собирает около двухсот таких срубов, а по всей области их изготавливается до тысячи в год. Сборка — в присутствии и по желанию заказчика в одноквартирном или в двухквартирном варианте.

Василий ВОЛКОВ

МЕЖДУ ДЕЛОМ?

В дагестанском ауле Балхар открылся после реконструкции гончарный цех — филиал Магачкалинского комбината художественных изделий. Работать там, как и прежде, будут только женщины-горячки, жительницы аула. Ведь именно их подделки из глины, скульптурные миниатюры хранятся в республиканском музее изобразительных искусств.

Из поколения в поколение передают горячки секреты своего старинного ремесла. Причем сами они до сих пор не считают искусство лепки серьезной работой. Исстари повелось так, что всевозможные фигурки женщины лепили между делом, для отдыха, для забавы.

Балхарская глиняная посуда, богато изукрашенная росписью, скульптурными изображениями, — явление в прикладном искусстве не новое. На отечественных и международных выставках здешние мастера не раз отмечались наградами. Однако специалисты говорят сейчас о новом жанре в искусстве балхарской керамики — глиняной игрушке, созданием которой — между делом? — так успешно занимаются женщины аула.

Расул ОСМАНОВ

КТО ГОВОРИТ? ФОНЕМОФОН!

Хотя в советском павильоне выставки «Связь-81» демонстрировалось около 3 тысяч экспонатов, густая толпа зрителей никогда не редела около нового и необычного устройства — синтезатора речи, фонемофона.

Создать «говорящую машину» было давней мечтой многих, но осуществляться она стала лишь в наши дни благодаря успехам целого ряда наук: акустики, математической лингвистики, электроники. С помощью фонемофона любой печатный текст, предварительно записанный на магнитную ленту или в другое запоминающее устройство, может быть затем прочитан «машинным», синтезированным голосом.

Как конкретно это изобретение может применяться не в будущем, а в наши дни?

Возьмем, например, радиомонтажников и представителей подобных профессий. Он может получать во время пайки большого количества деталей речевые команды, не заглядывая в схему, что резко облегчает работу и повышает ее надежность.

С любого телефона с помощью подобного рода синтезаторов можно давать очень широкий объем справочной информации, резко уменьшая количество человеческого труда.

Фонемофон может быть использован и в системах массового информационного обслуживания — справочная служба транспорта, 09 и т. п.

Анатолий СЕМЕНОВ

...НА ДВА СЛОВА!

Тем, кто интересуется природой, голосами птиц и животных, рекомендую пластинки фирмы «Мелодия» — «Голоса весны», «Имитация голосов диких животных». «Голоса диких птиц и животных в природе», «Говорит попугай Гоша». Знакомство с ними поможет глубже понять жизнь обитателей полей и лесов.

Марина КУЗОВКИНА,
Красноярск

Уважаемая редакция!

В прошлом году я не смог использовать очередной отпуск. Могу ли я перенести его на этот или на следующий год?

С. ПАРМЕНЕНКОВ,
г. Зарайск

В соответствии со статьей 74 КЗоТ РСФСР, отпуск рабочим и служащим должен предоставляться ежегодно. Но если в связи с производственной необходимостью и обязательно с согласия работника и ФЗМК профсоюза отпуск переносится, он должен быть предоставлен в следующем рабочем году. Если же отпуск не был использован и тогда, то он предоставляется в другой год.

Работник не теряет права на ежегодный отпуск и в тех случаях, когда время отдыха не было использовано им по вине администрации. Денежная компенсация за неиспользованный отпуск выплачивается не должна, за исключением тех случаев, когда работник увольняется и с ним производится полный расчет.

Ссылаясь на то, что выполнение месячного плана поставлено под угрозу срыва, директор завода объявил выходной день рабочим днем. Имел ли он право так поступить?

В. СТРУМИЛИН,
И. ГОРБАТОВ, С. ЛАРИКОВ,
г. Ульяновск

Необходимость выполнения производственного плана не относится к тем исключительным случаям, когда допускается работа в выходные дни. Привлечение рабочих и служащих в выходные дни производится по письменному при-

О СОРЕВНОВАНИИ БУМАЖНЫХ КОТОВ, ОДЕЖДЕ ИЗ ОВОЩНОГО МАГАЗИНА И МАЛЕНЬКИХ СЕРЬЕЗНЫХ ХУДОЖНИКАХ

...В творческом конкурсе участвовало тринадцать самодельных котов (по числу авторов), но болели за участников все тридцать маленьких художников из кружка декоративно-прикладного искусства Московского Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской.

Болельщиками путем тайного голосования было решено: лучший бумажный кот самой оригинальной конструкции получился у третьеклассницы Оли Тарубаровой. Вот он.

Теперь постоянная выставка всех котов открыта в помещении кружка. Это уже четвертая выставка за год жизни кружка. Здесь учат ребят творить забавное из любого подручного материала. Из сеток, в которых мы покупаем овощи, и небольшого количества мягкой губки получаются отличные куклы обоего пола. Отличные гобелены получаются, если взять обычное белое полотно и украсить его разноцветной тушью, подождать, пока высохнет, и затем прогладить горячим утюгом. Руководитель кружка Ирина Корзун никогда не подсказывает своим питомцам идею будущего произведения прикладного искусства, помогает лишь освоить технологию производства, которую, кстати, часто изобретает сама.

Работы кружковцев получают на память малыши, только что принятые в октябрят.

А между делом Ирина Корзун планирует непременно походы с ребятами в Театр юного зрителя. Выставки работ кружковцев в фойе театра — память о прошедших спектаклях — обычная вещь. И встречи за кулисами — тоже. Ведь это зрителям там бывать, может быть, и необязательно, а здесь товарищ по искусству. И, быть может, совсем уже скоро осуществится совместная мечта театра и кружка: в первую Стопани даст первое представление театр, где актеров — бумажных кукол изготовят и придумают маленькие серьезные художники.

Сергей БАРОНОВ

ИЗОБРЕТЕНИЯ

ВОДА В ДВИГАТЕЛЕ

«Смена» уже сообщала (см. № 11, 1981 г.) об автомобиле «Москвич», работающем на водородном топливе. Разумеется, особенно интригующе для непосвященного выглядит процесс заправки, когда в качестве горючего в бак машины заливается... вода.

Среди несомненных преимуществ водородного топлива и то, что в результате его сгорания в кислороде образуется та же вода. Причем даже небольшие добавки водорода к бензо-воздушным смесям позволяют экономить значительное количество бензина. Таким образом, появилась возможность «убить двух зайцев сразу» — выигрывая в экологии, не поступиться и экономикой.

В СССР головным научным учреждением по водородной энергетике является Институт проблем машиностроения АН УССР. Вслед за «Москвичом» здесь конвертированы (переведены) на водородное топливо «Жигули» и «Волга». Кстати, харьковчане и гости города уже имеют возможность прокатиться в «водородном» такси. Любопытно, что чистота выхлопных газов конвертированного автомобиля оказывается чище, чем всасываемого городского воздуха. И трогательные сценки, когда желяющие, среди которых были даже академики, прикладывались к выхлопной трубе, чтобы лично засвидетельствовать этот факт.

Сейчас в ИПМаш АН УССР разработан двигатель микроваттосуба «Латвия» на водородсодержащем топливе. Сотрудниками института получен ряд патентов на водородные автомобили в различных странах.

Александр ПРИЙМАК,
научный сотрудник ИПМаш АН УССР.
Фото автора

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

УТРО ВЕСНЫ

В марте у весны три дня рождения — календарный, синоптический и астрономический. Первое числа, само собой, календарный день рождения сезона. Кругом снега и снега, намеков весны еще так мало, что о смене времени года можно говорить лишь с формальной точки зрения. Об этом и напоминает листок календаря.

Синоптический день рождения «снежной весны» отмечен двумя весьма яркими температурными показателями: в солнечный полдень приземный воздух теплеет до нуля градусов и выше, а суточная температура переходит рубежный порог — минус

казу (распоряжению) администрации предприятия, учреждения, организации и с разрешения ФЗМК профсоюза. Перенесение выходного дня для всего трудового коллектива возможно только в особых случаях по решению Правительств.

От редакции: юридическая консультация продолжает работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

пять градусов. Начинается разрушение зимнего покрова: днем снег сочится, подгорает, а за ночь покрывается ледяной коркой.

Астрономическое начало весны — равноденствие. Поравняется день с ночью — зиме больше не быть.

Именно в марте начинается сокодвижение у клена остролистого. Выделение сока хорошо прослеживается, когда температура воздуха днем в тени поднимается до плюс пяти градусов. Один из важнейших признаков весеннего пробуждения деревьев и кустарников — набухание почек. Это отмечают днем, когда почки, утолщаясь, раздвигают свои покровные чешуи, приоткрывая ткани молодых листочков.

К концу марта отлетят на север наши зимовщики: свиристели, снегири, чечетки, клесты. На смену им с южных широт начнут прибывать грачи, а затем скворцы и жаворонки. Они-то и открывают орнитологическую весну.

Александр СТРИЖЕВ,
фенолог

А ЧТО У ВАС?

**ЗА ЭТИМ СТОЛОМ
И. С. АКСАКОВ СОЗДАЛ
ОДНО ИЗ ЛУЧШИХ СВОИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ —
«БИОГРАФИЮ ТЮТЧЕВА».**

были приобретены Е. П. Энгельгардт. Екатерина Петровна была дочерью П. А. Татищева — московского богача, воеводы масонов, сподвижника выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова. Муж Екатерины Петровны, генерал-майор в отставке Лев Николаевич Энгельгардт, свою военную карьеру начал в 1783 году в качестве адъютанта князя Г. А. Потемкина — всекляного екатерининского фаворита, которому он доводился дальним родственником. Позднее участвовал в знаменитых походах русской армии, которыми руководил фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский, а в 1794 году служил под непосредственным начальством А. В. Суворова.

рада Настасье Львовне. В семью жены он вошел не только зятем. По признанию Л. Н. Энгельгардта, Евгений заменил ему сына, душевнобольного Петра. С сестринской любовью относилась к нему Софья Львовна. Ей поэт посвятил несколько теплых, дружеских стихотворений. Большой радостью для Боратынского была женитьба С. М. Энгельгардт и его близкого друга Н. В. Пугача. Семью Энгельгардт

Хотя Л. Н. Энгельгардт — первый мурановский литератор (он автор известных «Записок» о временах Екатерины II и Павла), хотя он и был близким другом поэта Д. В. Давыдова (организатор партизанской войны 1812 года был первой литературной знаменитостью, посещавшей Мураново), воспоминания современников и семейные предания представляют его по преимуществу человеком военной складки. Так, например, Сережу Аксакова (будущего автора книг «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника») он уверил в том, что тот должен служить «со шпагой, а не с пером», шутя грозил, что силком возьмет его на военную службу. Младшую дочь Сонечку заставлял в «царские дни» поджигать фитили трофейных турецких пушек, стоявших перед мурановским домом, и бедная девочка, с трудом преодолевая страх и жмурия глаза, поджигала их. Мемуарные записки — плод продолжительного вечернего досуга отставного генерала, наезжавшего зимой в Мураново для более любезной его сердцу утех — охоты на зайцев.

Иное отношение к литературе было у зятя Л. Н. Энгельгардта Евгения Боратынского, который в 1830-е годы, годы наступления эры «промышленных забот» и утраты поэзией былого места в литературном процессе, влбко задумывался над судьбами искусства.

С Энгельгардтами Боратынского познакомил Д. В. Давыдов. В 1826 году поэт женился на старшей дочери гене-

называл своей «настоящей семьей» и изнывал, когда находился вдали от нее.

30-е годы были временем тяжелых испытаний для поэта, временем утрат, разочарований и духовного одиночества. Тяжело переживал он неуспех поэмы «Наложница», холодное и даже недоброжелательное отношение литературных критиков («гг. журналистов») к его стихам, становившимся все более глубокими по мысли и все более далекими от литературной моды. К тому же сложная позиция Боратынского в споре между славянофилами и западниками (критическое отношение к современной Западной Европе и вместе с тем отказ от идеализации допетровской Руси), неприятие увлечения гегельянством в кружках Станкевича и Герцена лишили его сочувствия многих друзей, сделали, по словам Н. В. Гоголя, «для всех чуждым и никому не близким». Да еще смерть А. А. Дельвига, гибель А. С. Пушкина и А. А. Бестужева, ссылка многих «братьев»-декабристов... Оторванный в эти годы от оставшихся друзей-петербуржцев, поэт начинает ощущать себя все более и более одиноким представителем и продолжателем пушкинской традиции, «звездой разрозненной плеяды».

Он решает посвятить себя по преимуществу мирным сельским занятиям в Муранове. К этому вынуждали и другие обстоятельства. В 1836 году

умер Л. Н. Энгельгардт. Боратынский взял на себя управление мурановским хозяйством. А хозяйственные навыки у него, осиротевшего в десятилетнем возрасте, были сформированы еще в отрочестве. Они вместе с интересом к садоводству и огородничеству пригодились ему в Муранове.

Скромность, какая-то сердечная простота мурановского пейзажа с его долиной и холмами пришлись по душе поэту, хотя в его стихах и письмах мы не встретим восторженных возгласов о Муранове, подобных, например, отзывам Пушкина о Болдине или Михайловском. Его голос возвышался, когда шла речь о счастливом доме, о мурановской семье, звавшей его к себе сильнее, чем голос крови к родным местам.

А там — счастливый дом...

*Туда душа летит,
Там не хладел бы я
и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на все, что в нем горело,
И снова для любви,
для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.*

В этой «милой стране» он хотел обрести вечный покой, избавиться от тягчущего его «груза печалей», от «недуга бытия».

*Есть милая страна,
есть угол на земле,
Куда, где б ни были:
среди буйственного стана.*

*В садах Армициных,
на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам
предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть
когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.*

В Муранове Боратынский хотел построить давно желанный

*Приют, от светских посещений
Надежной дверью запертой,
Но с благодарною душой
Открытый дружеству
и девам вдохновений.*

Мураново было для поэта не райским уголком, а единственным — до времени — убежищем для больного сердца. Оно соединило для него детскую привязанность к степной шире со взрослой потребностью в узком домашнем круге, размыкающемся только для друзей и воодушевляющих проявлений жизни прочей.

На поверхности, казалось бы, совсем другое: материальные заботы помещичьей жизни, строительство пыльной мельницы по финскому образцу и нового дома для разросшегося семейства (детей уже семеро!); мечты о поездке в Крым (надо поправить здоровье свое и жены) или за границу (надо наконец ознакомиться с центрами европейской культуры); тинет и в Петербург (там друзья — Плетнев, Пугача, Вяземский, Одоевский, Соболевский, Жуковский, салон Софьи Карамзиной; там русское радушие, общительность, благораспо-

Тебе, Родина

Я воздухом чистым наполнился твоим, Родина.
Я пью родники твои, жаждой томим, Родина.
Песок золотой — в нем мир стал золотым, Родина.
Прижался к тебе я, тобою любим, Родина.
Зовемся мы именем гордым твоим, Родина.
Мы славу твою нерушимо храним, Родина.
И я довожусь тебе сыном родным, Родина.
И все, что велишь ты, мы в жизнь претворим,
Родина.
Взрастил я цветы для тебя — нет алей, Родина.
Я знамя взметнул на вершине твоей, Родина.

Первооткрывателям
ворот в космос

Эпическая вера была у человека:
Открыть ворота в космос
Мечта была от века,
Но за семью замками ворота оставались,
Ни разу человеку они не открывались.
Вот найден ключ чудесный,
И вот уже с орбиты

Советским человеком ворота те открыты.
Для эры коммунизма ключ этот отковали,
Открыли всей планете
Космические дали.
Вот так открыта эра космического века,
Ликуй, Страна Советов,
Славь подвиг человека!

Проспект Ленина

Вот шагают всюду внуки Ленина
По проспекту Ленина.
Иду
С теми,
Кто сумел открыть уверенно
Новый век в семнадцатом году.

Тот шагает здесь,
Кто в сорок пятом
От чумы фашистской землю спас.
Кто прошел войну

простым солдатом
Умирал и воскресал не раз.
Тот шагает здесь
В весеннем дыме,
На кого взирает шар земной.
Год шестьдесят первый,
Вот он — с ними,
Крылья давший космосу весной.

С ленинскими внуками шагаю
По проспекту Ленина
Средь дня
Ясного, распаханного мая.
Все они мне — близкая родня.
Говорю с почтением им:
— Брат!
— Друг! — они с любовью говорят.
Вот шагает он землю вольной
Среди нас,
Бессмертьем знаменит.
И бежит вприпрыжку
С сумкой школьной
Тот, кто к новым звездам полетит.
Мир его дела
Еще узнает.
В сердце его — светлые слова.
По проспекту Ленина шагает
Это Революция сама.

Варшавский
стадион

Было время беды, было время потравы,
Мир засыпало пеплом
Сожженной Варшавы.
Было время — и шесть миллионов
Стали прахом и пеплом.
И было не просто
Из руин города поднимать, из разрухи,
Но у вас, варшавяне, были крепкие руки.
И в Варшаве воздвигли

стадион

варшавяне
Из руин, из останков разрушенных зданий.
Из домов, где сто тысяч семей проживало.
По кирпичику взяли — ни много ни мало.
Стадион этот стал общим делом и домом.
Вечной памятью стал он о граде сожженном.
Эту землю, что встала из пепла, из праха.
Берегите, поляки. И это есть правда!

Песня
большой семьи

На боку у шара золотого
Создал мой народ семью большую.
На груди страны моей бескрайней
Юрту мы поставили с тобою.
Из огня Отчизны,

взяв искринку
Красную, зажгли мы наше пламя.
Из реки, просторы бороздящей,
Зачерпнув воды,
Чай вскипятили.

Стройками украсив землю нашу,
Чудеса Република свершила.
С маршем миллионов шаг сверяя,
Мы познали счастье трудовое,
И из моря счастья мы испили
Счастья золотого полной чашей.
И из ласки моего народа
Получают ласку дети наши.
Волшебством друзей,

навек любимых.
Создала жизнь светлую Отчизна,
Создала, поспавши в космос сына,
В сказочные, солнечные дали.
От друзей поддержку получая,
Край монгольский колыбелью счастья
Стал отныне...

Радости лучами
Юрта здесь наполнена любая.

Перевел с монгольского
Владимир ЦЫБИН.

ложе — куда они девались в Москве?). Но «обстоятельства удерживают», «средства не позволяют», и пока ни Крыма, ни Италии, ни Петербурга. А Москва и деревня уже порядком надоели.

Что касается кипучей хозяйственной деятельности поэта, то она, в общем, не была самоцелью. Это было средство для скорейшего возвращения к свободной и плодотворной литературной работе. Недаром именно в 1842 году, когда заканчивалась постройка нового дома, поэт решил подвести итог написанному в 1835—1841 годах, со взыскательностью мастера отобрав для сборника — он окажется последним — только 25 стихотворений.

Если мы зададимся вопросом: что написано Боратынским в Муранове? — окажется, что с полной уверенностью можно говорить только об одном стихотворении — «На посев леса», написанном, по-видимому, уже по выходе сборника «Сумерки». Но это стихотворение — одна из вершин лирического творчества Боратынского.

В стихах вся боль утрат и литературного одиночества, боль непонятого и отвергнутого современниками поэта, ненужного одним и преследуемого злобой или молчанием других. Но в этих

же стихах и исповедание новой веры, веры в то, что «нет на земле ничтожного мгновенья», что не услышанный современниками глас «таинственных скорбей» потомки услышат в шуме деревьев, посаженных поэтом.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог
меня на бой кровавый;
Но, подо мной сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!
Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал
их пустоцветный колос;
Я дни извел, стучась
к людским сердцам,
Всех чувств благих
я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да кряж другой
мне будет плодоносен!

И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.
И пусть! Простая с лирою мой,
Я верую: ее заменят эти
Поззии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Осенью 1842 года Боратынские наконец поселились в новом доме, где были целиком отделаны только несколько комнат. В остальных продол-

жалась работа. Построенный по чертежам самого поэта, знавшего толк и в архитектуре, дом был и с внешней и с внутренней стороны полным соответствием его тогдашнему состоянию и взглядам на жизнь. Строгий и строгий, без каких-либо вычур, свойственных архитектуре русского барства того времени (вместо мезонины — башня, вместо портика — оранжерея, «зимний сад», вместо колонн — трехгранные эркеры), дом отличается оригинальным расположением комнат, создающим особое удобство и уютность. Центральная зала первого этажа — Большая гостиная — пересекает его с юга на север, выходя в эркеры. Две анфилады, проходящие мимо эркеров, отделены от средней части залы двумя арками, составленными из четырех замаскированных печей, топки которых находятся в соседних комнатах, менее парадных.

Недолго прожил поэт в новом доме — только один год. Осенью 1843 года он с семьей уехал за границу. Здоровье Настасьи Львовны к тому времени сильно расстроилось, да и сам он нуждался в лечении: годы испытаний ослабили нервную систему. Надо было показаться европейским врачам.

Зиму провели в Париже в тесном общении с кругом русских политических эмигрантов — Н. И. Тургеневым, Н. П. Огаревым, Н. М. Сатиным, Н. И. Сазоновым, И. Г. Головиным, с французскими писателями и политическими деятелями — Ламартином, Мериме, Гизо... В новой обстановке у Боратынского рождается много планов на будущее, его обуревают «жажда дел». Поздравляя Путья с новым 1844 годом, поэт с несвойственным ему ранее оптимизмом пишет: «Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменят здешние науки; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодря и блистательна и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживем их, быть может 12-ю столетиями».

Конечной целью заграничной поездки была Италия — «земной элизий», — увидеть которую поэт мечтал еще в молодости. Парижские врачи не советовали Боратынскому ехать в Италию в разгар лета... 29 июня 1844 года он скончался в Неаполе от разрыва

Розалия ЕРМОЛЬЕВА

На дворе капель,
Ярко светит солнце.
На дворе капель,
Громко сердце бьется.
Первый день весны,
Мартовские трели.
Первый день весны,
Люди, настезь двери.
Пусть идет весна,
Пусть звенит сосульками.
Пусть идет весна—
Ручейками булькает.
Пусть все горячее
Припекает солнце.
Пусть с ее приходом
Громче сердце бьется.

Художник кистью, как холста,
Коснулся неба надо мною,
И облака поплыли вдаль
По своду бледно-голубому.
В них пышность и величие муз,
Они, как странники в пустыне.
То обернутся вместе в круг,
То разбредутся врассыпную.
Они могли бы рассказать
О многом, что видали сами.
Но не умеют, только плачут
Они дождинками-слезами.

Тебя увидела во сне

Другу,
не вернувшемуся с войны

Тебя увидела во сне.
Ты дорогой,
да жаль, что дальний.
Ты вновь во сне пришел ко мне
на зов мой тихий и печальный.
Друзья, вы в прошлом, в тишине.
В сегодня вам дороги нету.
Навек оставшись на войне,
спасли страну,
спасли планету.

Любви весенняя пора

Разноголосый лес,
твоей восхищена я новью,
Лишь только за окном
забрежит свет,
И сердце наполняется любовью
Такой же юной,
как в семнадцать лет.

Проснувшись на рассвете майском,
Хожу по утренней росе,
И хочется кричать от счастья:
«Проснитесь все!
Проснитесь все!»

Над лесом, вижу, словно факел,
Горит заря, красива и добра,
Вещая всем, что наступает
Любви весенняя пора.

Когда я слышу
Шум ручья весеннего,
Когда я вижу
В луже солнца свет,
Я чувствую,
Как пробуждаюсь заново,
И забываю,
Сколько же мне лет.
Весна бурлит
И пробуждает к жизни
Природу,
Что давно устала спать.
И человек
Становится моложе,
Когда весна
Приходит к нам опять.

Мухаммад АЛИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола Узбекистана

У свадьбы в гортани воркует
«Ёр-ёр»,
И дойру нервозную заколотило.
Ее возбужденье усиливал двор,
А улица, перекинув, поглотила.
Бесстрастно и ровно гудело извне,
И громко опал лепесток базилика,
А мать, очутившись в такой тишине,
Себя ощутила большой и безликой...
У свадьбы в гортани воркует «Ёр-ёр»,
«Ёр-ёр»,—напевает любимый
любимой.
Так в юности плакал и так до сих пор
Все плачу, услышав припев
голубинный.
Как мать наслаждается тихой тоской,
Как видит любовь не заносы, а розы...
Нет слов и мелодии нету такой,
Но есть мои слезы...

Полет

Грудью на ветер и град
Над землей летит Гират.
Путь свой выверил Гират,
Потому что он крылат!
Их крылья—паруса,
А в глазах—и небеса,
И ущелье, и аул.
Понизу—дорог узор,
И кишлак прирос к земле,
И молчанье озер
В свете утра и во мгле.
Гон безвольный облаков,
И на фоне, в глубине
Конских выпуклых белков—
Смысл движения вовеки.
По долине голубой
Пролетает мой Гират.
Верен путь его благой,
Потому что он крылат.
На широкое чело
Сели Семь Разбойных Звезд,
И Меркурий тяжело
Перешел, как через мост.
Может, Семь Разбойных Звезд
Думают унять коня?..
Конь пускает в дело хвост,
Самого себя гоня.
Может, Пери, дочь звезды,
Песню сфер ему поет,
Что пространственной узды
Этот конь не признает?
Или на ухо ему

Луч Венеры говорит:
«Свет рассеивает тьму:
Погляди, заря горит!»
Ты лети, мой миф, мой конь!
Что там вспыхнуло вдали?
Это высек ты огонь,
Зацепивши край земли.
Мчишься, будто Гороглы
Слил с тобой свой тонкий стан
И стремительней стрелы
Входит в город Туркестан.
Соскочил с седла герой
И поцеловал коня:
«Ты мне мил, как сын второй,
Ибо веришь ты в меня».
Ты летишь—творит поэт,
Происходит чудеса:
Как Гират, поэт одет
В звезды, в ветер, в небеса.
В невесомости времен
Он летучий, как и ты.
Крыльями обременен,
Он любитель высоты!
Конь, рождающий стихи,
Мчит на уровне орла.
Так стихает гнев стихий,
Так сдвигается скала!
Но тайфун конем смирен,
И потоптана беда.
В лете осень слышит он,
Чует май сквозь холода.
«Мне полет не по плечу»,—
Не скажу, осилил страх,
Но Гирата не хочу
Потерять в иных мирах.
Он летит со всех сторон,
Эхо крыл его поет:
«Не для иноходи он,
Бытие его—полет!»

Тоска

Не угонишься, не воротишь!
Я зову тебя: «Детство, детство!»
Нынче в памяти, как младенца...
Не угонишься, не воротишь!
Я с тоскою тогда не знался—
Со степным удалым простором,
За спиной—сквозняк коридора.
Я с тоскою тогда не знался...
Все мне грезились, что я всадник!
Я носился верхом на палке,
Мои вымыслы были пылки,
И мне грезились, что я всадник.
Детство, дай стихам свою дерзость!
Меня за руку не водили,
Ложной дружбой не убедили...
Детство, дай стихам свою дерзость!

Перевела с узбекского
Марина КУДИМОВА.

сердца. Через год его прах в кипарисовом гробу был перевезен по морю в Петербург и перезахоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Время не пощадило многих реликвий, связанных с именем Боратынского. Большинство личных вещей поэта утрачено. Но сохранилась главная, пожалуй, если не считать архитектурного детища поэта, реликвия—письменный стол-бюро, сделанный мурановскими крепостными умельцами по чертежам самого Боратынского. За этим столом Евгений Абрамович редактировал сборник «Сумерки». Название сборнику, по преданию, подсказала речушка Сумерь, приток Вори, протекающая в тенистых зарослях мимо соседней деревни Артемово—имения Пальчиковых, в котором поэт жил в то время и откуда почти ежедневно он ходил или ездил наблюдать за строительством нового дома. На столе—немногочисленные письменные принадлежности, походный шкафчик, альбом поэта—все, что оставила его вдова, не увезла после семейного раздела в родовые казанские поместья Татищевых. Эти богатые поместья так или иначе полагались ей—старшей сестре и матери

семерых детей. Но была и еще одна причина, почему Настасья Львовна не сохранила за собой Муранова: здесь все—от воспетых мужем окрестностей до мельчайших деталей планировки и отделки дома, от флажка на башне и восьмигранного фонаря, венчающего дом, до цветочных клумб и огородных гряд—все так мучительно напоминало о невозвратности прошлой жизни, все «жило и дышало» им, так внезапно и роковым образом ушедшим...

В 1845 году усадьбу посетил Н. В. Путьята, приехав вместе с вдовой поэта. «Тут все живо напоминает покойного Евгения,—писал он Софье Львовне.—Все носит свежие следы его работ, его дум, его предположений на будущее. В каждом углу, кажется, слышим и видим его. Я не мог удалить из памяти его стиха:
Тут не хладел бы я

и в старости глубокой!
Я не пишу тебе о том, что должна была чувствовать Настасья Львовна. Ее печаль так глубока, так истинна, что я смотрю на нее с каким-то благоговением, не смею говорить с ней, не смею даже замечать ее...»

Н. В. Путьята открывает новую страницу литературной истории усадьбы. Сам он не писал художественных про-

изведений. Однако его перу принадлежат воспоминания о Пушкине и Боратынском, труды по русской истории времен Екатерины II и Александра I, многочисленные историко-литературные и критические заметки и статьи, опубликованные по преимуществу в журнале «Русский архив».

Получивший хорошее образование в Московском училище для колонновожатых, готовившем офицеров Генерального штаба, общительный и благожелательный, Путьята постоянно собирал вокруг себя оживленное общество и сам был членом многих литературных кружков, завсегдаем московских и петербургских гостиных. С 1862 года он состоял членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, а с 1866 по 1872 год был его председателем.

Многие из обширного круга литературных друзей Путьяты были гостями мурановской усадьбы. Среди них—Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, С. Д. Полторацкий, Е. П. Ростопчина, С. А. Соболевский, М. Н. Лонгинов, А. Д. Абамелек... Конечно же, чаще других бывал сосед, хозяин Абрамцева, старик С. Т. Аксаков, с которым

Путьяту познакомил Гоголь в августе 1849 года.

С Ф. И. Тютчевым Путьяты познакомился еще в юности. В начале 1820-х годов они были членами известного литературно-философского кружка С. Е. Раича. Кружок собирался по четвергам и чаще всего в доме покровителя кружка—московского губернатора Д. В. Голицына—на Тверской. Знакомство было прервано более чем двадцатилетней дипломатической службой Тютчева за границей, но по возвращении поэта оно было вновь установлено и перешло в искреннюю дружбу. В 1869 году на единственной дочери Путьяты Ольге Николаевне женился сын Тютчева Иван. «Ничто не могло мне быть более отрадным,—писал по этому поводу Тютчев невестке,—как укрепить и освятить эту старую, более нежели двадцатилетнюю дружбу новыми отношениями, которые теперь установятся между нами».

Через год или два после смерти Тютчева, скончавшегося летом 1873 года, сын поэта перевез в Мураново обстановку кабинета отца из петербургской квартиры и обстановку его спальни из царскосельской дачи, на которой поэт жил незадолго до смерти.

По решению Ивана Федоровича обстановка кабинета была размещена в аншланг, которую некогда Боратынский избрал для своих литературных занятий. Так встретились вещи двух поэтов, очень близких по духу творчества, по основному его философско-психологическому направлению, двух лириков, равных по масштабам дарования, двух почти сверстников, представителей одной и той же великой пушкинской эпохи в русской поэзии, но... никогда не встречавшихся друг с другом. Им при жизни не довелось увидеться в силу чисто внешних — биографических и географических — обстоятельств: до 1822 года Тютчев — в Москве, Боратынский — в Петербурге и Финляндии, после — Тютчев в Германии и Италии, затем опять в Германии; в 1843 году Тютчев приезжает в Петербург для подготовки своего перевода в Россию, Боратынский той же осенью уезжает за границу; наконец в 1844 году Тютчев переселился в Россию, в Петербург, а Боратынский скончался в Италии. Но не диво ли, что встреча поэтов — пусть посмертная — все-таки состоялась? Не чудо ли, что души их встретились в мурановском «земном эллипе», чтобы уже не расставаться никогда? Не знаменательно ли, что реликвины двух величайших лириков уже давно и навсегда неразлучны, как неотторжимы друг от друга их стихотворения, печатавшиеся в одних журналах и альманахах, как неразрывны их поэтические облики в восприятии читателя, осознающего кровнородственные узы явлений литературного процесса?

Обстановка царскосельской спальни поэта заняла отдельную комнату в деревянной пристройке, ставшую второй комнатой домашнего музея. Основа будущего литературно-мемориального музея была заложена.

В конце века в домашний музей двух поэтов приезжают в основном литераторы тютчевского окружения, близкие

друзья Тютчева — Я. П. Полонский, А. Н. Майков, И. С. Аксаков... Известный поэт и публицист-славянофил Иван Аксаков был женат на дочери Тютчева Анне. Посещение Муранова, общение с вдовой поэта Э. Ф. Тютчевой (лето Эрнестина Федоровна обычно проводила в Муранове, жила во флигеле, построенном специально для нее сыном в 1879 году) многое дали Аксакову как первому биографу Тютчева и посмертному публикатору его стихотворений. А. Н. Майков же помогал Эрнестине Федоровне разбирать сохранившиеся рукописи Тютчева при подготовке первого посмертного собрания его сочинений (оно вышло в 1886 году).

В эти годы домашний музей активно пополняется семейно-литературными реликвиями. Этому способствовало то обстоятельство, что Иван Федорович пережил (если не считать сына Тютчева от Е. А. Денисьевой Федора) всех своих бездетных братьев и сестер, став единственным наследником. Вдова и сын поэта сосредоточили в Муранове все, что осталось от заброшенного Овстуга — родового имения Тютчевых в Орловской губернии. Затем сюда попала обстановка московского кабинета Ивана Аксакова, который можно было бы назвать «штаб-квартирой» второго поколения славянофилов. Затем — часть обстановки московского салона Н. В. Сушкова, женатого на сестре Тютчева Дарье Ивановне, обстановка имения дочери поэта Е. Ф. Тютчевой Варварина Владимирской губернии, где Иван Аксаков находился в 1878 году в ссылке, наконец — после смерти последней дочери поэта Дарьи, — вся оставшаяся в Петербурге обстановка квартиры Тютчевых.

Возникла проблема размещения накопленных ценностей. Дом был жилым, а задачи вставали уже чисто музейные, экспозиционные. Решить их до поры до времени было трудно.

Хотя Иван Федорович бережно от-

носился ко всем реликвиям, для него бытовое, обиходное не было еще окончательно отделено от «музейного», неприкосновенного. Так, например, письменный стол поэта продолжал служить и его сыну. Отношение к домашнему музею внука поэта Н. И. Тютчева уже можно назвать подлинно профессиональным. Еще до революции Николай Иванович Тютчев стяжал себе известность среди искусствоведов и коллекционеров как знаток русской усадьбы и собиратель фарфора, живописи, предметов быта. Поэтому неудивительно, что в 1919 году, когда коллегия Наркомпроса по охране памятников истории и старины приняла постановление об открытии в Муранове государственного музея, Николай Иванович был назначен его пожизненным хранителем.

Музею решено было присвоить имя одного из любимых поэтов В. И. Ленина — Ф. И. Тютчева. «Из старых поэтов и писателей... писал В. Д. Бонч-Бруевич — мы всегда могли видеть у Владимира Ильича и Пушкина, и Лермонтова, но особенно кого он ценил — это был Ф. Тютчев. Он восторгался его поэзией. Зная прекрасно, из какого класса он происходит, совершенно точно давая себе отчет в его славянофильских убеждениях, настроениях и переживаниях, он говорил о стихийном бунтарстве гениального поэта, предававшего величайшие события, назревавшие в то время в Западной Европе. На этажерочке около стола Владимира Ильича в его кабинете в Совнаркоме, а нередко и на самом столе мы могли видеть томик Тютчева, который он перечитывал, перелистывал и вновь и вновь читал любимые им стихи».

Уже в августе 1920 года ставший достоянием народа «Дом поэтов», как окрестили мурановский дом еще в XIX веке, принял первых посетителей.

Проходя по мурановскому дому, современные экскурсанты невольно испытывают одно и то же главное ощу-

ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ПЕТЕРБУРГСКИЙ КАБИНЕТ Ф. И. ТЮТЧЕВА.

щение — ощущение того, что дом все еще живет, как будто хозяева где-то рядом, в соседних комнатах или вышли в парк. Такое же естественное впечатление мурановский художественно-бытовой ансамбль производит и на посетителя 1920-х годов. Так, например, М. В. Нестеров, бывший другом Н. И. Тютчева и создавший в Муранове немало пейзажей и портретов, писал в 1927 году: «Мураново поражает меня тем, что в нем все живет, все дышит подлинной жизнью. Люди, творившие здесь большое культурное дело — поэты, писатели, публицисты, — Тютчевы, Боратынский, Аксаковы, — все они, так любившие свою Родину, еще здесь, еще с нами».

Но было бы совершенно неверно и несправедливо считать, что подготовка этого «живого» дома к открытию в нем музея состояла только в изготовлении официальной вывески. Н. И. Тютчев в 1920-е годы провел огромную научную работу по созданию экспозиции музея, освободил ее от всего случайного, второстепенного, эклектичного, наносного. Он знал, что истинные ценители захотят увидеть в Муранове прежде всего дом поэта пушкинской эпохи, захотят ознакомиться с картиной быта культурнейших представителей дворянства 1820—1870-х годов, с художественными ценностями эпохи наивысшего расцвета русской культуры. Поэтому, разрабатывая экспозиционный план, Николай Иванович, думая о целостном впечатлении, тщательно продумывал и отдельные детали, исходя из того разнообразного и разновременного материала, что был накоплен за десятилетия. Каждая комната, сохраняя свое исконное назначение в цикле парадных, вместе с тем становилась относительно самостоятельным звеном

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕННЫ
СЫН И ВНУК
Ф. И. ТЮТЧЕВА.

экспозиции: большая гостиная в значительной степени воспроизводила красную гостиную петербургской квартиры Тютчева, зеленая гостиная — уголок сушковского салона, литературная гостиная, где находится мебель из Варварина, — обстановку, в которой проводили свой досуг гости Н. В. Пютяты, и т. д. Этот замечательный экспозиционный замысел, возникший, по-видимому, задолго до открытия музея, позволил представить в одном музейном комплексе все пласты русской культуры XVIII—XIX веков, с которыми были связаны обитатели Муранова. Кроме того, были уже готовые или почти полностью «укомплектованные» экспозиционные единицы — кабинет и спальня Тютчева, кабинет И. С. Аксакова, столовая, библиотека, спальня О. Н. Тютчевой, прихожая... Внимательный и знающий посетитель не может не заметить контраста, переходя, например, из прихожей, скромная обстановка которой сделана руками крепостных столбров, в большую гостиную, а тем более — в столовую с ее роскошным гарнитуром павловского времени и большими портретами Павла и его супруги Марии в золоченых рамах. Но даже самый знающий посетитель не заметит, не отличит того, что было привнесено, что называется, «для типологии», для замены, восполнения утраченного (например, рояль-миньон в большой гостиную). Экспозиционный замысел Н. И. Тютчева позволил органически соединить деревенское, среднепоместное с городским, столичным, салонным, даже дворцовым, мемориальное с типологическим, накопленное благодаря счастливым обстоятельствам с тем, что было собрано сознательными усилиями коллекционеров (кстати, свою коллекцию фарфора Николай Иванович подарил музею). Изделия деревенских умельцев и первоклассных французских мастеров легко уживаются в музее, так же, как портреты идейных противников, славяно-

филов и западников (например, Тютчева и Чаадаева, которые при противоположных убеждениях были друзьями), декабристов и царей, победителей и побежденных (Александра I и Наполеона), жен Тютчева и Е. А. Денисьевой (в литературной, конечно, а не в мемориальной экспозиции). Н. И. Тютчев на долгие годы определил основные направления творческой работы музея. Советское правительство по достоинству оценило его заслуги. Недавно в мурановском доме по фотографиям и известной картине М. В. Нестерова был восстановлен подлинный облик кабинета первого директора — заслуженного деятеля искусств РСФСР, кавалера ордена Трудового Красного Знамени. Дело Николая Ивановича продолжил его племянник, родной правнук поэт К. В. Пигарев, начавший свою научную деятельность 17-летним юношей. В 1932 году Кирилл Васильевич стал первым научным сотрудником музея. За 50 с лишним лет им написаны книги о Суворове, Рылееве, Фонвизине, Тютчеве, Муранове, русском образительном искусстве, более 100 статей по русской истории и литературе XVIII—XIX веков. Ученый с мировым именем, кандидат исторических и доктор филологических наук, Пигарев и выдающийся музейный деятель, заслуженный работник культуры РСФСР. Он обогатил фонды музея, довел до ювелирной отделки замысел Н. И. Тютчева, создал две новые литературные экспозиции, без которых сейчас невозможно предметное изучение жизни и творчества Боратынского и Тютчева. Он воспитал достойных продолжателей мурановских традиций, создал костяк внешнего научного коллектива, седьмое поколение мурановской «семьи» (шесть научных сотрудников с гордостью называют себя учениками Пигарева). Страстный пропагандист русской литературы, Пигарев знает цену не только печатному, но и живому слову. Культура

устной речи ценится в Муранове не меньше, чем обширные познания. Неутомимый исследователь и популяризатор, Пигарев превратил Мураново во всесоюзный и международный центр по изучению мурановских поэтов. Недавно ему исполнилось 70 лет. В декабре 1980 года состояние здоровья вынудило Кирилла Васильевича оставить систематическую работу в музее. В заявлении об уходе на пенсию он просил сохранить за ним право продолжить музейную работу — на общественных началах. И мог ли поступить иначе тот, кто трехлетним ребенком ступил впервые на аллею мурановского парка, кто отдал Муранову всю свою жизнь? И могут ли ученики обойтись без своего учителя, который до сих пор остается для них высшим авторитетом? Мураново, мурановская семья, мурановские традиции... Что это за социокультурный феномен? Попробуем подвести итог. Мураново — это прежде всего сложное переплетенные литературные и семейные отношения, связующие воедино разнообразнейшие явления русской литературы; это живая диалектика истории, из которой не вырвано и не вымарано ни одной странички. Мураново — это сокровищница произведений живописи и графики, картин, пастелей, акварелей и рисунков Рокотова, Сердюкова, Рослина, Кипренского, Тропинина, Брюллова, Орловского, Барду, Гау, Айвазовского, Саврасова, Макарова, Нестерова; ценнейшие коллекции русского и иностранного фарфора, мебели, часов, свечейников... Мураново — это уникальная сохранность, ибо в нем не было варваров — ни французов, ни немцев, ни «внутренних турок». Мураново — это и 60 лет плодотворной работы научного коллектива; это многочисленные научные и массовые издания сочинений Боратынского и Тютчева; выставки, музыкально-поз-

тические вечера, научные чтения; пу-теводители, буклеты, библиографии, картотеки, летописи; лекции, выступления в печати, по радио и телевидению и экскурсии для всех (!) посетителей; постоянная собирательская, реставрационная и фондово-хранительская работа; это блеск прошлого, от-ливающийся и на тех, кто беззаветно хранит эту культуру и несет ее в будущее. (О деятельности коллектива музея подробно рассказывает специальный раздел экспозиции «История усадьбы Мураново», развернутой в здании домашней церкви Спаса Нерукотворенного.) Мураново — это несотворенность и рукотворность, легендарность и неот-вязный «эффект присутствия», нераз-дельность быта и искусства, архитек-туры и пейзажа, природы и поэзии, литературы и жизни. Всякая активная общественная жизнь не обходится без шума, без внешних проявлений, часто заглуша-ющих глубокое внутреннее течение общественной и художественной мы-сли. Ничего подобного не знало Мура-ново. Мураново с внешней сторо-ны — это уют, покой, благодать, с внут-ренней — это полнота бытия, воздус-щий дух творчества (в отдалении от салонов, общества любителей и ревни-телей, кружков, «сред», «четвергов», прочих «гнезд» и «очагов культуры»). И сверх того... Мурановский му-зей — это воплощение гармонии сти-хов, поэтической мысли, эстетическо-го идеала, до конца не сбывшейся при жизни Боратынского мечты о со-гласии жизни и лиры. Страстей порывы утихают, Страстей мятежные мечты Передо мной не затмевают Законов вечной красоты. Поэтического мира Огромный очерк я узрел И жизни даровать, о лира! Твое согласие захотел.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ НАТАЛИИ ГУНДАРЕВОЙ

Марина ПОРК

Такие женщины каждый день встречаются нам на улице, на автобусной остановке, в магазине. Проскочишь мимо и не заметишь, кто попался навстречу...

Дверь открыла сама хозяйка — невысокая, полноватая женщина, по-домашнему одетая, на лице никакой косметики, в общем, на актрису не похожая. Об этом подумалось как-то невольно, несмотря на то, что я не раз видела ее на сцене, смотрела фильмы с ее участием.

Пока мы беседовали, не прекращались телефонные звонки: предлагали почитать новый сценарий, уточняли время, когда присылать машину, чтобы ехать на Мосфильм, в перерыве между репетициями звонил муж, актер Виктор Корешков, тот самый, что играет вместе с Наташей в новой работе театра имени Маяковского — спектакле по повести Николая Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» — Сергея.

Наталья Гундарева — одна из популярных актрис. Но, конечно же, не сразу пришел успех, не сразу родилась в ней актриса. Ведь у таланта тоже есть биография.

— Меня часто спрашивают, увлекалась ли я театром. Увлекалась, конечно, но не более, чем все. В школе на смотрах и утренниках все, кто умел читать «с выражением», читали стихи. Мне это нравилось, не скрою. Я даже пыталась петь, правда, плохо получалось и не получается до сих пор.

Родилась я в Москве, на Таганке, в 1948 году. Мы жили вдвоем с мамой. Она была инженером-проектировщиком — руководителем группы, человек, конечно же, очень занятый. Поэтому, чтобы не оставаться дома одной, я начала ходить в кружок художественного слова в Доме пионеров. Наверное, и им не особенно подходила, так как даже в детстве не была худенькой, выглядела старше всех девочек. Но мне давали читать стихи...

Потом несколько лет Наташа занималась в театре-студии при Московском Дворце пионеров. Там встретила с удивительным человеком — Евгенией Васильевной Галкиной, выступавшей многих актеров. В свое время у нее, к примеру, начинал Сергей Никоненко.

Дальше — учеба в вечерней школе и работа в конструкторском бюро.

Пробовала поступать в школу-студию МХАТ, прошла два тура, но потом срезалась. Решила, что в театральные курсы больше не пойдет. Боялась, что не поступит и со второй попытки.

Мать хотела видеть ее инженером-проектировщиком, и Наташа начала заниматься на подготовительных курсах строительного института. Тем более, что работала по этой специальности, работала неплохо. В конструкторское бюро пришла учеником чертежника, а за два года стала помощником главного инженера проекта — должность, которую поручают не каждому дипломированному инженеру.

Она подала документы в строительный институт, сдала два экзамена, но... Мать в то время проводила отпуск на юге. Приехал старый друг их семьи,

который, увидев Наташу в спектакле театра-студии «Король-Олень» по пьесе Карло Гоцци, где у нее была роль Смеральдины («Я там интересно, необычно проявилась: танцевала, прыгала, пела; мне даже аплодировали», — вспоминает актриса), отсоветовал поступать в строительный. Когда мать вернулась из отпуска, Наташа была уже студенткой Театрального училища имени Щукина.

— Хотя меня и зачислили, — вспоминает Наташа, — я видела, что педагоги сомневались. Все-таки для актрисы я была чересчур полной. Очень скоро и я начала понимать, что мне предстоит довольно тяжелая жизнь в театре.

В самом деле, что мне было играть? Молодых героинь? С такой-то фактурой! Дочерей и не могла играть, поскольку смотрелась со сцены уже совершенно сформировавшейся женщиной. А женщин? В каждой труппе есть актрисы такого возраста, это их «хлеб».

Я думала, что буду играть много только к старости...

Готовила себя к трудностям невероятным. Поэтому сейчас, когда получаю даже небольшую роль, всегда радуюсь.

Курсом, где училась Наташа, руководил актер театра на Малой Бронной, заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Это был первый его педагогический опыт.

— На нас влияла поразительная доброта этого человека. Казалось, что он не замечает в нас ничего плохого, видит только прекрасное. Иногда, случалось, мы пользовались этим. Сейчас даже стыдно вспомнить.

Мы часто говорим, что учителя относятся к нам по-отечески. С ним было не так. Он был нашим другом, который вместе с нами переживал наши беды, вместе с нами радовался нашим удачам. Причем в этом не было ни капли панибратства. Мы бесконечно уважали его как старшего друга, всегда зная, насколько он выше нас.

Из педагогов училища Гундарева с особой теплотой вспоминает актрису театра имени Вахтангова народную артистку РСФСР Дину Андреевну Андрееву.

Ей никогда не надо было долго объяснять Наташе, что из себя представляет героиня, роль которой они репетировали. Достаточно было жеста, взгляда, чтобы Гундарева все поняла. Такое взаимопонимание, созвучие двух людей редко.

В том, что уроки Андреевой, что называется, не прошли для актрисы даром, я убедилась, разговаривая с ней. Гундарева не столько рассказывает что-то своему собеседнику, сколько показывает, играет. Точно схваченный жест, выразительная интонация прерывают ее рассказ в маленький спектакль, действие в лицах. Причем в этом нет ни капли любования собой, нарочитой театральности, игры «на публику».

В суждениях своих разумная, трезвая, всегда остроумная. В какие-то моменты я забывала, что передо мной актриса, и мы пускались в обсуждение проблем житейских, повседневных, стоящих за каждой ее героиней. Тем удивительнее «эффект Гундаревой», чудо ее актерского превращения.

Сразу после училища Наташу пригласили работать в театр имени Маяковского. И хотя она пришла туда, имея в руках «красный диплом», успешно сыграв в нескольких спектаклях выпускного репертуара, где была русская классика, водевиль, современная зарубежная драматургия, все-таки Наташа трезво смотрела на вещи.

Молодая актриса понимала, что попала в один из лучших театральных коллективов, в уже сформировавшуюся труппу, где «роли» были распределены, где были свои «звезды», на которых «ходила» публика.

И еще, по словам Наташи, над ней все время, как дамоклов меч, висело убеждение, что внешность против нее, что играть она будет мало, что нужно терпеливо ждать своего часа.

К счастью, она ошибалась. Главный режиссер театра народный артист СССР Андрей Гончаров заметил ее и решил испытать, поручив сразу три «ввода». Один из них был в спектакле по пьесе Найденова «Дети Ванюшина».

Это был в полном смысле слова подарок для начинающей актрисы. Несколько лет спектакль шел под несмолкающие аплодисменты. В нем были заняты лучшие актеры театра, поэтому, выходя вместе с ними на сцену, чувствуя рядом их «плечо», Гундарева, по ее словам, каждый вечер снова и снова держала экзамен на профессиональную зрелость.

В пьесе было много действующих лиц, но режиссеру удалось так построить спектакль, так подобрать актерский ансамбль, что исполнитель любой, даже самой маленькой роли, выделялся, запомнился зрителям. Это было очень дорого всем участникам постановки, особенно молодым.

С этим спектаклем Наташа первый раз поехала на гастроли. С него началась профессиональная биография актрисы Гундаревой.

Первую свою уже большую роль Наташа сыграла в спектакле «Дума о Британке». Когда я спросила об этой ее работе, в ответ актриса процитировала мне один из монологов своей героини: «И я верю, Грицко, что республика над нами будет цвести, веселым советским цветом зацветет!»

За этой работой последовал спектакль, который многими сейчас воспринимается как театральный дебют Наташи Гундаревой. Я говорю о спектакле «Банкрот, или Свои люди — сочтемся», поставленном Гончаровым по пьесе А. Н. Островского.

Хотя режиссер обратился к русской классике, он прямо адресовал свой спектакль сегодняшнему зрителю.

Помните «зеркало» на авансцене — массивную золоченую раму, «отражающую» в котором, герои одновременно смотрят в зрительный зал. А зрители, находясь по другую сторону «стекла», наблюдают за отражением персонажей.

Так перед «зеркалом» происходит наше знакомство с купеческой дочкой Липочкой. Гундарева играет ее сочно, полнокровно, «с нажимом». Кустодиевская палитра, коснувшись внешнего облика героини, ее туалетов, сродни павлиньему оперению интерьеров, потрясающе безвкусных в своей живописности, помогает актрисе, выступая одним из пародийных элементов спектакля.

Вначале Липочка — тупая, перезревающая барышня, одуревшая от желания поскорее «выскочить» замуж за военного. Взрывы смеха не смолка-

ют в зрительном зале: Гундареву принимают сразу же, с первого ее выхода.

Но постепенно актриса приводит нас к другой Липочке — бессердечной мещанке, спокойно перешагивающей через родного отца во имя собственного благоденствия. Такая Липочка уже не смешна, а, скорее, страшна в своей жестокости. И традиционное «моралитэ», которым заканчиваются почти все комедии Островского, звучит в то время, когда разодетая в пестрящие красками кимоно Липочка самодовольно разглядывает себя в зеркале.

Проблема бездуховности, затронутая в спектакле, актуализируется еще одним актерским приемом. Гундарева произносит текст пьесы, насыщая его современными интонациями, жестами. Получается это у нее очень естественно, а потому не выглядит в спектакле чем-то инородным, напротив, «освежает» пьесу, публицистически заостряя ее содержание.

После премьеры спектакля Гончарова поздравляли с тем, что он открыл новую актрису.

— Когда я сыграла в «Банкроте», — вспоминает Гундарева, — то, как принято говорить, в одно прекрасное утро проснулась знаменитой. О спектакле много писали, отмечали мою в нем работу. Это был, пожалуй, самый счастливый момент в моей жизни, когда все задуманное сбылось. Я выходила на сцену и ощущала, что мне все удастся. Так бывает очень редко, но зато после я могу жить этим счастьем.

После успеха, сопутствовавшего «Банкроту», легче всего было эксплуатировать комедийное дарование актрисы. Гончаров же предложил ей роль Люськи, «походной жены» генерала Чарноты в «Беге» по пьесе М. Булгакова.

Можно спорить о том, насколько удалась эта работа актрисе, можно принимать или не принимать Гундареву в этой роли. Очевидно одно: стремление актрисы в содружестве с режиссером по своему прочесть, переосмыслить этот образ.

— Я очень рада, что судьба свела меня с таким режиссером, — говорит Наталия Гундарева о Гончарове. — Я бесконечно доверяю ему, нахожу в нем много такого, что созвучно мне. Бывают моменты, когда у нас с ним не все получается. В таких случаях я стараюсь предъявлять больше претензий к себе. Я вижу свое назначение как актрисы в том, чтобы помогать ему. Пока мы с Гончаровым работали только над классикой. Но недавно он сказал, что хочет предложить мне современный материал, что мне это сейчас необходимо. Значит, я ему интересна, он внимателен ко мне, ищет для меня новую работу.

Гундарева рассказывает, что как-то исподволь, почти неожиданно пришла острая жажда попробовать себя в современном драматургическом материале. В театре ей пока не представилось такой возможности.

На помощь пришло кино. Большинство киногероинь Гундаревой — наши современницы.

Ее кинодебют состоялся в картине Виталия Мельникова «Здравствуй и прощай!». Помните Надежку, подружку главной героини, безответно любящую своего Васку Сильора, который изредка удостаивает ее своим благосклонным вниманием?

За Надежкой последовали героини, которых Гундарева называет «мои деревенские». В этих работах проявилось социальное чутье актрисы. И хотя все «деревенские» в чем-то похожи друг на друга, ей удалось ни разу не повториться.

Совсем не такая, как Надежка, к примеру, Катя Никанорова из фильма «Вас ожидает гражданка Никанорова» режиссера Леонида Марягина.

Рассказывая нам незамысловатую историю простой деревенской женщины, ее неудавшейся любви, Гундарева продолжила свою тему в кино. Но как жизнелюбива ее Катя Никанорова! Сколько раз, потерпев фиаско с очередным кавалером, возвращалась она назад, собирала по соседям раздвоенную домашнюю утварь и начинала все сначала, не стесняясь пересудов деревенских кумушек.

Несмотря на комизм многих ситуаций картины, Гундарева не старается рассмешить зрителей. Все свое внимание она сосредоточивает на раскрытии непознанной душевной красоты героини, пытается разгадать загадку обаяния гражданки Никаноровой: «Катя — максималистка, поэтому жизнь ее состоит из крутых выражей».

— Я никогда не берусь за то, что уже играла. Часто, прочитав сценарий, отказываюсь. Мне интересно каждый раз играть другой характер, другую судьбу. Для меня важно даже, чтобы внешне это был другой человек. Я люблю внешнюю характерность.

С поисков портретной характеристики началась для Гундаревой работа над ролью Анны Доброхотовой в фильме режиссера Владимира Фетина «Сладкая женщина». Ролью, которая некоторое время была «визитной карточкой» актрисы.

Наташа рассказала мне, как однажды, возвращаясь с актером Петром Вельяминовым в Москву (их утвердили на главные роли), где-то в привокзальном ресторане увидела женщину. Газовая косынка с люрексом, розовая мохеровая шапка с подложенной в нее ватой, золотые зубы — вот что врезалось в память. Этот подсмотренный актрисой типаж и стал точкой отсчета в работе над ролью. На съемки Наташа привезла газовую косынку. Мечтала, чтобы на самом видном месте у нее был золотой зуб, но не удалось убедить режиссера. Роль Анны Доброхотовой по праву считается одной из лучших ролей в творчестве актрисы. В самом деле, сыграть по сути своей отрицательную героиню, не вызывая к ней неприязни, не отталкивая, под силу лишь одаренному человеку. Гундаревой это удалось.

Материальное благополучие — вот главная жизненная цель ее Анны, осуществляя которую та не боится потерять друзей, мужа, сына. Прозрение наступает, когда от Анны отказывается человек, которого она впервые по-настоящему полюбила. Актриса, до тех пор игравшая сочно, густыми мазками, решает финальную сцену тонко, на полутонах. Помните, как бредет по предраздничному городу яркая, разодетая женщина, но такая одинокая, жалкая, брошенная.

Гундарева из тех актрис, которые, выходя на съемочную площадку, заранее знают, что и как они будут делать. Она любит играть по-своему, нередко предлагая свое решение образа.

Так было у режиссера Георгия Данелия, когда снимался «Осенний марафон», где у Гундаревой была роль Нины, жены Бузыкина. Сцена, в которой Бузыкин приносит домой подаренную любовницей куртку, переснималась много раз, и всякий раз актриса находила какие-то новые, неожиданные нюансы поведения своей героини. Ситуация, по сути, комическая. «Горестный плут», чтобы оправдать свой приход домой под утро, да еще и в новой куртке, договорился до того, что ночевал в выгрезвителье. Его обманутая жена в ответ отрывает у куртки рукава и выбрасывает в форточку. Водевильная сцена, но смеяться не хочется. Так играет этот эпизод Гундарева — вызывая сочувствие к оскорбленному достоинству героини.

Данелия даже посоветовал ей заниматься режиссурой — высшая похвала, которой, на мой взгляд, может удостоить актера режиссер.

Пока Гундарева всерьез не задумывается об этом, все ее планы в первую очередь связаны с актерскими работами.

— Мечтаю сыграть в фильме о войне. Особенно остро ощутила эту необходимость после того, как посмотрела «Двадцать дней без войны» Алексея Германа. Меня поразило, как ему удалось рассказать с такой пронзительностью о войне без войны, без традиционных ее атрибутов: танков, снарядов, грузовиков с солдатами. Мне даже показалось, что я там была. Но пока ничего такого не предлагают...

А вот другая мечта актрисы осуществилась. Гундарева давно хотела сыграть современную не деловую женщину, поспорить с армией рафинированных особ, говорящих только о научно-технической революции. Кино предоставило актрисе возможность сказать свое слово о деловой женщине. Героиня Гундаревой из фильма режиссера Юрия Егорова «Однажды, 20 лет спустя» «работает... мамой». Надя Круглова, или просто «мама Надя», — роль, которая снискала актрисе всеобщее признание и необычайную популярность. На IX Международном кинофестивале в Варне Наталия Гундарева поделила приз за лучшее исполнение женской роли с прославленной Роми Шнайдер.

Наталия Гундарева — одна из интереснейших, ярких наших актрис. Ей по плечу роли наших современниц, русская и зарубежная классика, водевиль, мюзикл. Вот лишь некоторые из ее работ последних лет: Дульсинея Тобосская в одноименном фильме, гризетка из картины «О бедном гусаре замолвите слово», веселая проказница в «Труффальдино из Бергамо»... Не ошибись, утврждая, что ни в одной из этих ролей актриса не повторяется, не играет «отыгранного», «обкатанного». В этом творческая позиция Гундаревой.

На пути к экрану новые работы актрисы, новые встречи с героинями лауреата премии Ленинского комсомола, заслуженной артистки РСФСР Наталии Гундаревой.

Когда я уходила, Наташа начала готовить обед. Она не переключается домашние обязанности на других, считая, что это обеднило бы ее и как актрису. Любит вязать, рисует акварелью цветы, мечтает научиться ткать ковры, но все никак не выберется в Ригу, которая славится своими мастерами в этом деле.

Я не случайно начала рассказ о Гундаревой со сравнения. Может быть, в узнаваемости — такая, как все, — и заключается обаяние ее искусства.

Открылась дверь — и мне протянули портрет. В простой деревянной раме, размером с обычную книгу. С 1920 года хранится он в фондах Русского музея. И только недавно обнаружилось: это портрет Анны Петровны Керн. Работа датирована 1840 годом.

Время остановилось.

Потому что это была она, сорокалетняя Керн...

Кто-то не согласится: полно, дашь ли эти годы молодой прелестной женщине? Но взгляните внимательно. Эти едва обозначившиеся морщинки на лбу и у рта. Эта строгость простого, украшенного лишь длинной цепочкой платья. Эта печать знания превратностей жизни на нежном овале лица.

Она долго оставалась молодожавой благодаря неизбывной молодости чувств. Такой вспоминают Анну Керн ее современники. Спустя два года после встречи с портретистом Анна Петровна выйдет замуж и будет наконец-то счастлива во втором браке. Безумно влюбленный муж был немногим старше ее дочери. В эти годы Керн дружила с лучшими людьми своего времени, писала мемуары, переводила Жорж Санд...

Они не могли не встретиться в ту зиму в Петербурге: девятнадцатилетняя Анна Керн и двадцатилетний Александр Пушкин. Пути их пересеклись в доме А. Н. Оленина, президента Академии художеств, директора публичной библиотеки. Дом, куда Пушкин стремился с новыми стихами, где читал свои басни И. А. Крылов, где просвещенный хозяин ценил и дорожил только науками и искусствами. Жена его, Е. М. Оленина, была родной теткой Анны Керн.

Надо ли говорить о том, как рвалась сюда молодая генеральша, вынужденная жить в глуши с мужем-солдафоном, общество которого терпела по необходимости. Единственное, что ей оставалось, — это книги. «Она влюблялась в обманы и Ричардсона, и Руссо» со всей безоглядностью романтической, цельной натуры.

В пестрой толпе приглашенных они «узнали» друг друга. Долгое время помнили эту встречу. В письмах к А. К. Вульф, двоюродной сестре Керн, Пушкин замечал: «Она была слишком блестяща». Он вспоминал ее как «образ, мелькнувший перед нами, который мы видели и который никогда более не увидим».

Ну, что значит это первое мимолетное ощущение в сравнении с тем шквалом чувств, что настигнет его в Михайловской ссылке в июне 1825 года, когда он узнает: Анна Керн здесь, на берегу Сороти!..

А она-то наивно полагала, что едет к своей тетке в Тригорское, к милым сестрицам Вульф, наперсницам в самых рискованных и веселых затеях. Нет, она ехала к тому, кто написал «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказского пленника», «Разбойников» и первую главу «Евгения Онегина».

Не так-то просто было Пушкину и Керн

Наталья
КОРКОНОСЕНКО

«ТВОИ НЕБЕСНЫЕ ЧЕРТЫ...»

обрести желанную свободу в обращении друг с другом. Но Прасковья Александровна — то ли мать, то ли добрая соседка, то ли лучший друг Пушкина — в который уже раз прочла его мысли: «Алеша, Алина, Пушкин, едемте в Михайловское».

«Погода была чудесная, — напишет потом в своих мемуарах А. П. Керн, — лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я — в другом. Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называя ее луною, а говорил (по-французски. — Н. К.): «Я люблю луну, когда она освещает красивое лицо».

Тетушка Прасковья Александровна просто и уверенно дирижировала дальше: «Милый Пушкин, покажите же, как любезный хозяин, ваш сад!»

«Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться...»

Это было фантастическое кружение по лунным пятнам аллея. Старые могучие деревья цепляли за ноги, тянули к ним свои ожившие под свежим ночным ветром ветви.

**ТЕПЕРЬ ЭТА КАРТИНА
КРЕПОСТНОГО ХУДОЖНИКА
АКИМА АРЕФОВА-БОГАЕВА
НЕ НОСИТ
ЗАГАДОЧНОГО НАЗВАНИЯ —
«ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ».
НА ПОРТРЕТЕ —
АННА КЕРН.**

Камень, о который споткнулась спутница, Александр незаметно подожил в карман, он потом займет свое место на письменном столе поэта.

Наутро она уезжала в Ригу. На прощание Пушкин протянул Керн экземпляр второй главы «Евгения Онегина», в неразрезанных листках которого она найдет вчетверо сложенный прямоугольник почтовой бумаги со стихами:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Итоги Конкурса эрудитов

Мог ли смятенный Пушкин предположить в ту минуту, что написанные А. П. Керн «Воспоминания о Пушкине» специалисты признают потом одними из лучших мемуаров современников поэта? Достоверность и точность (многочкратно подтвержденные пушкинистикой) сочетаются в них с непосредственностью изложения и тонкой наблюдательностью.

Вернемся же к «чудному мгновению», за которым последовали дни и месяцы хандры, острой тоски, бессильной ярости заточенного в деревенской неволе поэта. «Все это, если хотите, очень похоже на любовь,— писал Пушкин А. И. Вульф.— но клянусь вам, что это совсем не то... И все же мысль, что я для нее ничего не значу... нет, эта мысль для меня невыносима... Скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного меланхолического влечения, то я презираю ее— слышите? — да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно вызвать в ней столь непривычное для нее чувство».

Напряжены были чувства поэта. Ушли боль и потрясения внезапно настигшей любви—осталась спокойная нежность. Анна Петровна на долгие годы сделала корреспонденткой поэта, высылала ему нужные книги. «Пишите мне, вдоль, поперек и по диагонали»,—шутя и всерьез требовал он. И, со своей стороны, до конца дней принимал в Керн участие. Помогал улаживать расстроенные финансовые дела. Протезировал ее издателю Смердину как хорошего переводчика с французского. Утешал, когда она потеряла мать...

— Пушкин, как никто, умел слушать женщину,—говорит мне Нина Ивановна Грановская, в недавнем прошлом заведующая литературно-монографической экспозицией Всесоюзного музея А. С. Пушкина, заслуженный работник культуры РСФСР.— Но его отношения с Керн не просто роман, один из многих.

Именно так ей казалось раньше. Даже в те прекрасные давние времена, когда Нина Ивановна работала в Пушкинском заповеднике в Михайловском. Мешал стереотип восприятия Керн как вполне заурядной в своем женском естестве красавицы.

И вдруг, занимаясь лет 15 назад пушкинской иконографией в запасниках Русского музея, она берет в руки этот портрет... Он сразу же приковал к себе ее взгляд, вселил смутное беспокойство. В музейном каталоге значился как «Портрет молодой женщины» кисти крепостного художника Акима Арефова-Богаева.

Но ведь Аким был крепостным дальней родственницей Керн по линии тригорской тетушки П. А. Осиповой! Это он написал прекрасный портрет Евпраксии Николаевны Вревской-Вульф. Той самой Зизи, которой Пушкин посвятил стихи «Зизи, кристалл души моей...» и другие.

В изданном Пушкинским домом «Временнике пушкинской комиссии» за 1974 год опубликована статья Н. И. Грановской, доказывающая, что богаевский портрет молодой женщины не что иное, как портрет А. П. Керн. Четвертый на счету у пушкинистики.

— Пока я доказывала, что на знаменитой миниатюре Керн работы неизвестного художника, на сиденье 1825 года, на профильном рисунке Пушкина в его рукописи 1829 года и портрете Богаева одно и то же лицо,—говорит Н. И. Грановская,—я узнала об Анне Петровне много такого, что в корне изменило мое к ней отношение. К ее личности я шла от вновь найденного портрета. Близкий друг семьи Дельвигов и Пушкиных, общительная и непосредственная, доброжелательная и сострадательная. Плюс ко всему немалый литературный дар, который в полной мере раскрылся уже после гибели поэта.

Взгляните на это милое, освещенное каким-то внутренним светом лицо. Лицо человека, умеющего быть самим собой. Не этот ли талант Пушкин чтит в людях прежде всего?

Очередной тур Конкурса эрудитов, объявленный журналом «Смена» в № 20 за прошлый год, показал, что интерес к нему не ослабевает. Наоборот, он привлекает все новых участников.

Мнение большинства читателей хорошо выразила в своем письме одна из победительниц предыдущего тура, и на этот раз показавшая высокую настойчивость, правильно ответив на 13 вопросов,—Евгения Ивановна Шипилова из г. Дубовка Волгоградской области. Поблагодарив жюри за высокую оценку ее труда, она говорит о новом туре:

«Как интересны были вопросы! С превеликим удовольствием прочла о жизни П. М. Третьякова, перед мудростью и добротой которого низко склоняю голову. Удивительный П. Пикассо, не всегда прежде мне понятный, теперь стал ближе».

Как всегда, дороги вопросы, посвященные В. И. Ленину и Лениниане. Сколько интересных воспоминаний перечитала!

Попутешествовала по нашей прекрасной стране, преклонив голову перед памятниками героям гражданской и Великой Отечественной войн, перед великим творческим трудом советских людей—Нововоронежской атомной, Днепрогэсом...

Даешь новый конкурс эрудитов—ведь так жаль с ним расставаться,—дорогой журнал «Смена»! Благодаря конкурсу «рыться в книгах» стало непреодолимой желанием и счастьем. Узнала ближе многих людей. Итак, да здравствует новый конкурс!»

Редакция «Смены» ула желание читателей: просим присылать вопросы для нового конкурса «Наша Родина», посвященного 60-летию образования СССР. Изучив все присланные письма с ответами на

Ответы на вопросы очередного тура Конкурса эрудитов таковы:

1. Как называлась первая поставленная на сцене пьеса, в которой создан образ В. И. Ленина? Кто в ней был исполнителем роли вождя?

— Впервые эпизод с образом В. И. Ленина был дан в пьесе «Апофеоз», сыгранной армянскими актерами в Тбилиси в 1919 году. Роль вождя исполнил А. Мхитарян. Но первый по-настоящему сценический образ В. И. Ленина был показан в пьесе-хронике «Гибель самодержавия», поставленной актерами-любителями в Москве в феврале 1924 года. Роль вождя в ней сыграл Ю. В. Тарич (настоящая фамилия—Алексеев).

2. Девизом какого предприятия нашей страны является лозунг «Пусть атом будет рабочим, а не солдатом»?

— Нововоронежской атомной электростанции.

3. С какой картины началась знаменитая Третьяковская галерея?

— С картины Н. Шильдера «Искушение».

4. Хребет Московский и гора Кремль находятся в одном месте. Кто их открыл? Где они расположены?

— Русский путешественник Н. М. Пржевальский. Они находятся на северной окраине Тибета.

5. Когда и где сооружен первый в СССР памятник в честь героя Великой Отечественной войны?

— В 1942 году во Фрунзе генерал-майору И. В. Панфилову. Памятник установлен на улице Панфилова, у входа в парк, который также носит его имя.

6. Назовите полное имя художника-коммуниста Пабло Пикассо.

— Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Криспин Криспильяно де ла Сантисима Тринидад Руиу и Пикассо.

7. Кто автор и когда впервые опубликовано стихотворение, начинающееся словами: Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять...

— Это стихотворение русского поэта Ф. Миллера было опубликовано в 1851 году.

8. Сколько в прежние времена было порогов на Днепре? Назовите их.

— Основных порогов было семь: «Не спи», «Остров», «Шум порога», «Ненасылец», «Заводь», «Кипящий», «Малый порог».

9. Какому дереву не страшна температура абсолютного нуля?

вопросы очередного тура, жюри определило восемь победителей. При этом учитывалось и число правильных ответов и трудность вопросов, на которые они даны (самым трудным оказался 7-й вопрос). Называем победителей:

М. БИСЕНГАЛИЕВ из Актюбинска,
Е. ЕГУНОВА из г. Полевской Свердловской области,

М. КНИЖНИКОВ из села Ольгово Витебской области,

В. КОЖЕВНИКОВ из Новосибирска,
Ю. КУЛЮКИН из г. Апатиты Мурманской области,
А. КУЧЕРЯВЫЙ из Ульяновска,
М. УМУРКУЛОВ из Караганды,
Е. ШИПИЛОВА из г. Дубовка Волгоградской области.

Каждый победитель получит приз из комплекта таких книг: М. Пуйманова. Романы; А. Герцен. Сорокаворовка; Стендаль. Пармская обитель; Д. Лондон. Повести.

Кроме того, 12 участников конкурса удостоены Почетного диплома: это **В. ВАЩЕНКО** из Днепропетровска, **И. ВОРОНЦОВ** из села Санники Хабаровского края, **В. ГУРКО** из Николаева, **Н. ИГНАТЕНКО** из Донецка, **Н. КАЛАБИН** из г. Юрьев-Польский Владимирской области, **В. ЛЕВИНЗОН** из Чернигова, **Т. РЫБАЛКО** из Киева, **В. СКИБА** из Черкасс, **Н. СОКОЛОВ** из Воронежа, **В. ТИЛИШЕВСКАЯ** из Ростова-на-Дону, **Л. ФРОЛОВА** из Рязани, **В. ХВОРОСТЯНОЙ** из г. Губаха Пермской области.

Редакция сердечно поздравляет победителей и благодарит всех читателей, принявших участие в Конкурсе эрудитов.

— Березе. Ее ветки ученые поместили в условия, близкие к температуре минус 273 градуса. Когда их через некоторое время вынули и поставили в воду, на ветках появились листья.

10. Кто явился прообразом Митрофанушки в «Недоросле»? Как повлияла на него постановка пьесы Фонвизина?

— 18-летний дворянин Алексей Оленин. Увидев пьесу, он был потрясен и засел за учебу, став одним из самых образованных людей своего времени. Он был президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки в Петербурге.

11. Из какой ткани были паруса на каравеллах Колумба? Почему она названа именно так?

— Из джинсовой ткани. Ее делали во французском городе Ним. В своей колонии в Северной Америке французы называли ее «де Ним» — нимская. Позже английское произношение превратило эту ткань в джинсовую. По другим версиям, название ткани произошло от города Генуя, где ее тоже ткали, или от старого английского названия ткацкого станка.

12. Кто и где издал самую короткую в мире книгу— всего из двух слов? Прочитайте их.

— Книгу издал в 1965 году в Белграде на личные сбережения И. Стефанович. Ее содержание: «Война? Нет!»

13. Есть только одна страна в мире, на разных сторонах государственного флага которой разные изображения. Назовите эту страну. Что изображено на ее государственном флаге?

— Парагвай. На одной стороне флага изображен национальный герб, на другой — печать казначейства.

14. Кто и когда первым в мире прыгнул с парашютом? А кто первым в России? Назовите также первую парашютистку.

— Первым настоящий прыжок с парашютом совершил осенью 1797 года французский воздухоплаватель Жак Гарнерен. Его племянница Елизавета Гарнерен была первой парашютисткой. В России парашют первым применил в 1891 году Юзеф Древницкий, а жена одного из его братьев, Ольга Древницкая, стала первой в нашем отечестве парашютисткой.

15. Кому из космонавтов Французская Академия наук выдала завещанные 100 тысяч франков? Кто, когда и с каким условием оставил это завещание?

— Американскому космонавту Н. Армстронгу. В 1991 году вдова богатого промышленника Анна Гюзман завещала 100 тысяч франков «человеку, который когда-нибудь ступит ногой на любое небесное тело, кроме Марса».

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Заметки к некоторым рассуждениям о воспитании бывшего детдомовца по кличке Шаман, с воспоминаниями эпизодов детства и лирическими отступлениями

Виктор ШАЛАТОНОВ

Биографию Виктора Шалатонова не назовешь простой. Воспитывался в детских домах, сменил чуть ли не два десятка специальностей, исколесил весь Союз. С 1963 года он братчанин. Работал на стройках Братска, затем на БАМе, сейчас экскаваторщик на строительстве автодороги.

Писательская же биография Шалатонова пока коротка: он автор одного сборника рассказов. Представлял прозу Сибири на VII Всесоюзном совещании молодых писателей.

Пolemический очерк, который мы публикуем, во многом автобиографичен. Автор сам был «трудным» подростком и испытал на себе воздействие «педагогических приемов».

Приглашаем читателей высказать свое мнение по затронутым в очерке вопросам.

К РАССУЖДЕНИЮ «ЭТА НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ»

Как только солидный товарищ на телеэкране закончил перечислять сугубо хозяйственные достижения и перешел, по его же словам, к успехам «в деле воспитания трудновоспитуемых подростков», бывший Шаман напрягся внутренне, словно знал заранее, что сейчас товарищ на телеэкране коснется его больного места.

Так оно и случилось. Поговорив о чуткости, о том о сем, разумеется, с педагогическим уклоном, солидный товарищ для наглядности проделанной работы приводит пример (живой, понятно, пример): был-де у них во дворе парень, ну проосто-таки страшно трудновоспитуемый. Что только не выделял этот парень! А все почему? Товарищ даже от листка бумаги отрывается и смотрит в глаза бывшему Шаману. Выдержав многозначительную паузу, с видом первооткрывателя законов педагогики товарищ назидательно тычет указательным пальцем в зрителя: «А все потому, что семья у парня неблагополучная!»

Бывший Шаман, а теперь вполне нормальный человек, не выдерживает и в ответ уже своим указательным пальцем крутит себе у виска: «Вот где у тебя неблагополучно, дядя! Занимался бы взиманием квартплаты с должников, ремонтом да благоустройством! А то все туда же, в дядьки-воспитатели!»

Не успел бывший Шаман закончить, а автор этих заметок уже тут как тут — ему это очень легко сделать, потому что Шаман и он, автор, — одно лицо. «Что же вы, товарищ, думаете о неблагополучной семье сами? Не станете же вы отрицать...»

— Нет, не стану, — перебивает бывший трудновоспитуемый. — Наберитесь терпения и послушайте.

Педагогические стенания замерли на одной ноте. Цепочка «неблагополучная семья — трудновоспитуемое дитя» трактуется как аксиома, то бишь истина, не требующая доказательств. Однако давайте повнимательнее взглянем: аксиома ли такая «цепочка»?

Для начала представим себе, что семьи вообще нет никакой. В смысле — папы, мамы, дитя. Есть детский дом, есть очень правильные воспитатели, непьющие педагоги с высшим образованием. И живут дети в детдоме с пеленок... Выходит, все они должны быть идеальными? Паиньками? Как бы не так! Спросите любого детдомовского педагога.

— А теперь давайте оглядимся вокруг: не найдем ли мы примеров, когда у отца-пьяницы вырастает отличный сын, и наоборот, у самых почтенных и благовоспитанных родителей сын — пьянчужка и лентяй? Найдем. И не так уж редко, заметим, чтобы не учитывать это вообще.

Думается, что ссылки на неблагополучную семью и игнорирование противоречащих этой «аксиоме» фактов распространены и так утвердились только потому, что это нам выгодно. Если вдруг отобразить у нас эту «аксиому» — о, сколько ЧП случится в педагогике! Сколько диссертаций разных степеней окажутся не совсем состоятельными! Мы станем в тупик, и нам не о чем будет говорить. Во всяком случае, у меня такое впечатление.

«Аксиома» очень удобна. Она оправдывает, к взаимному удовольствию, и педагогов, и трудновоспитуемых.

Заговорите с любым учителем и спросите о любом из трудновоспитуемых. И первым, и последним, и самым козырным ответом будет приблизительно такая фраза: «Ну, что мы в состоянии сделать, если у этого ученика неблагополучная семья?» Дальше начнется перечисление недостатков родителей трудновоспитуемого. И чем беспомощнее педагог, тем больше неблагополучных семей у него в запасе на случай предполагаемого отчета за работу, тем больше недостатков находит он у родителей своих подопечных. Даже если родители трудновоспитуемого оказываются вполне порядочными людьми, и то кое-кто из педагогов не против отмахнуться от непривычного сочетания и заявить: «Видимо, эта семья не так уж благополучна, как кажется на первый взгляд. Видимо, родители этого ученика просто-напросто умеют скрывать неблагополучие, а оно все равно проявляется в ребенке».

А как служит «аксиома» самим трудновоспитуемым?

Чутко улавливая выгодные для себя моменты, насыщаясь новыми и новыми примерами, когда родители бывают «виноватыми», уменьяющее современное дитя при случае поступает просто: чтобы оправдать свои трюки и свою лень, ищет неблагополучие в семье, ищет плохие черты характера у папы с мамой. А так как все мы не ангелы, то практически любое теперешнее дитя, подученное рассказами о неблагополучных семьях, может найти недостаток у родителя и оправдаться обидой на него, а то и срочно начать презирать «предков», «страдать» (через газеты!) по поводу их несовершенства и на этой почве с легким сердцем становиться трудновоспитуемым.

В конце концов все это может произойти и несознательно. А почему бы, скажем, ребенку в силу детского максимализма не начать считать пьяницами своих родителей после одного-двух праздничных застолий? Тем более если к этому уже будут вынуждать обстоятельства — сниженная отметка по поведению или двойка по математике в табеле, которые просто нечем оправдать...

В том, что трудновоспитуемые могут поступать именно так, нет никаких сомнений. Хотя бы потому, что мы всеми силами и всеми средствами массовой информации учим видеть недостатки пап и мам и как можно острее реагировать на них — двойками, плохим поведением в школе, на улице.

На Братской телестудии до ее закрытия как-то «сварганили» очень воспитательную передачу. Представьте себе на экране парня лет четырнадцать, разумеется, трудновоспитуемого, и журналиста-ведущего, у которого за душой только одно — «аксиома», ее он и собирает «прокатить» как можно эффективнее.

Свалив вину на мать, журналист пытается втиснуть трудновоспитуемого подростка на свое место в «цепи»:

— Ты сегодня ел что-нибудь? — заранее сочувственно, побуждая очернить мать, спрашивает ведущий.

— Ел, — отвечает парень.

— Что ты ел? — Телезрителям совершенно ясно, какого ответа ждет ведущий от парня.

— Колбасу ел, молоко, яйца... (Господи! Нам бы такую пищу в сороковые да пятидесятые!)

На лице ведущего мелькает растерянность, он всеми извилинами ищет выход из положения, уже жалеет о тех «блестящих» выпадах и выводах против неблагополучных родителей, которые заготовил, а посему цепляется за соломинку.

— А горячее, вареное ты что-нибудь ел?

— Ел. Суп...

— И все?! — деланно удивляется журналист, как будто ему самому в детстве не приходилось есть горячее, вареное — иногда один раз в день.

Парень пожимает плечами. Он еще не совсем потерял совесть, чтобы воспользоваться предложением ведущего свалить свое преступление на мать — женщину, которая воспитывает троих детей одна и просто-напросто физически не успевает готовить ежедневно многообразные трапезы.

Но ведущему парень уже не нужен. И тот исчезает. Оставшись один, журналист с жалостным подвывани-

ем выдает все, что заготовил на тему: несчастные дети и изверги-родители, в частности, матери!

И смех и грех: парень украл колбасу, так это, оказывается, оттого, что ему пришлось в тот день есть колбасу, молоко, яйца и только один раз «горячее, вареное».

Исправляет ли такая передача трудновоспитуемого? Или помогает сваливать вину на своих родителей, то есть становиться подлецом?

Сколько же подросткам подсунили «чистое алиби» телестудия и журналист-ведущий своим горячим супом? Не опрокинул ли журналист этот «суп» на себя как воспитуемого, а в общем, и на все наше воистину трудное дело воспитания?

Вот еще пример с натуры.

Как-то к бывшему Шаману зашел друг, но прежде чем войти в квартиру, пропустил впереди себя парня лет семнадцати с раскрашенным кровью лицом, в разорванном демисезонном пальто — спинка была вырвана по швам до подмышек.

Друг снял с парня пальто, спросил:

— Ты разрешишь нам умыться?

Шаман, естественно, поинтересовался:

— Кто его так?

— Я... — И, видя недоумение на лице хозяина квартиры, друг рассказал:

— Дохожу до торца твоего дома — этот навстречу. Я влево — он влево, я вправо — он вправо! Сначала подумалось, что это, ну, как бывает, на широком поле не разойтись. Остановливаюсь, предоставляю ему возможность обойти меня. Так он шагает снова наперерез и размахивается, чтоб поддеть меня под подбородок! Я не стал размахиваться... Поднимается — и снова на меня. Мне уж и неловко драться — пацанва кругом. Хватил за загривок, крутанул — пальто по швам. В общем, пока я ему коленкой на грудь не надавил — все прыгал. Когда же придавил: «Все, — говорит, — мужик. Твоя взяла!» Отпустил я его. Поднимается, грозит: «Мы тебя все равно козлой добьем!»

Вышел парень из ванной. Ничего себе детинушка: и рост, и плечи. Бывший Шаман спрашивает: «Полез чего?»

— Настроение такое было — подраться. Хотелся иной раз себя проверить. Хотелся, чтобы боялись, — отвечает парень и, в свою очередь, спрашивает своего победителя:

— Ты чего не добивал, когда я лежал?

— Лежачих не бьют.

— Темнота. Приходи к нам на танцы — посмотришь.

У нас, если упал, запинают, как пить дать!

Оказалось, что парень нигде не работает, что его «вот-вот увезут лечиться» от алкоголизма, что он с двенадцати лет на учете в милиции и этим невероятно гордится.

— А что ж так? — интересуется бывший Шаман.

— У меня семья неблагополучная. Отец не родной.

— Пьет? Бьет?

— Ты что-о-о?! Я бы ему такую плюху закатил!.. Он у меня паинька. За все детство не огрызнулся.

— Так чем же неблагополучная семья?

— Я же говорю — отец не родной. Я в двенадцать лет узнал...

— Так он со скольких лет с тобой мается? — спрашивает парня друг бывшего Шамана.

— С девяти месяцев.

— Чего же тебе еще надо?!

— Да я не на него, я на мать злой.

— На мать?!

— А чего она замуж вышла? Другие вон про детей думают, всю жизнь, так сказать, посвящают, а моя старуха — замуж!

— Сколько же твоей старухе теперь?

— Тридцать шесть.

— Так ты хотел, чтобы твоя мать с девятнадцати лет только тобой и занималась?! — удивляется бывший Шаман.

— А что?..

Хозяин квартиры сует парню иголку, нитки:

— На, зашей пальто.

— Ну, да! Этого еще не хватало! Мать зашьет!

— Ругаться, небось, будет?

— Я ей поругаюсь... Они у меня оба вот где. — Парень вытягивает руку и сжимает пальцы в кулак. — Чуть что, я им сразу же — сяду в тюрьму!.. Так они оба на колени падают! Стыда бояться.

Бывший Шаман заволновался:

— На их месте я бы тебе пинка под зад, и катись ко всем чертям!

Парень заулыбался самодовольно:

— Я не дурак. Тебе я и не стал бы так грозить...

Итак, резюме к первому рассуждению.

Аксиома в педагогике?! Пожалуйста, докажите!

К РАССУЖДЕНИЮ «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ»

Автор просит читателей вспомнить, что бывший Шаман продолжает лицемерить на телеэкране солидного товарища, а товарищ продолжает рассказывать, как за того парня, с которым никто не мог справиться, взялся он сам. И представьте себе, враз воспитал парня! Применит, знаете ли, простой педагогический прием — проявил душевную доброту и чуткость!

Бывший Шаман не выдерживает снова, вскакивает и становится в воинственную позу перед самым телевизором, не замечая, что это смешно:

— Эй, ты! С каких пор душевная доброта и чуткость стали педагогическим приемом?!

Солидный товарищ на телеэкране, разумеется, не отвечал бывшему детдомовцу. Ну, а мы сейчас узнаем, почему так взволновали поставленные рядом слова «душевная доброта, чуткость» и «педагогический прием». К стати, автору пора выполнить обещанное — вспомнить эпизоды детства героя. Итак...

Светит солнце, и голубеет небо. Кукует за посадками кукушка, а в другой стороне орет кем-то встревоженный старый ворон, который, может быть, все свои триста лет живет на одной и той же сосне.

Этот ворон — реликвия Желдачанского детдома, и не одно поколение самых отчаянных детдомовских храбрецов делало попытки разделаться с этой реликвией. Но никому не удавалось это сделать — гнездо ворона было на такой толстой сосне, что и четверым не обхватить, к тому же ветки на ней начинались только в семи-восьми метрах от земли.

«Уделаю!» — решает окончательно Шаман о гнезде ворона. Зачем? Он не задает себе этого вопроса. Он знает зачем.

Да, ему надоело воевать с воспитателями, дебоширить в школе, надоело драться, бегать из детдома по три раза в год и по два месяца мотаться по стране в ляге и вое длинных товарняков, глотать и размазывать по лицу паровозную копоть. Нет, он не собирается становиться примерным воспитанником, он будет просто мирным, нормальным, ибо когда-то надо начинать жить по-настоящему. Шаман прекрасно понимает, что стать летчиком не так просто и нужно основательно браться за учебу, чтобы после семилетки его отправили не в «ремеслуху», а в другой детдом, где можно закончить десятилетку (в Желдаках пока десятилетки нет).

Но Шаману хочется в государстве, именуемом детдомом, остаться на той высоте, которой он достиг невероятно трудным путем.

Шаману заранее становится жутко. Он знает, что такое забраться в гнездо птиц теперь, когда там должны быть птенцы. Один этот хриплый хищный крик, похожий на крик птеродактиля, чего стоит! У воронов мощные, толстые в основании клювы... Этим птиц не испугаешь криком или сучком там, сверху, не отобьешься, как от сокола или даже ястреба, хотя он не хотел бы пережить во второй раз тот момент, когда тащил из гнезда птенца, похожего на голую, обшпанную курицу с огромными лапами...

Воронов Шаман «уделяет» — и все тут. Завтра или послезавтра. А сегодня он забывает о них и лежит на спине, разомлевший и благодушный, в высокой долине, пахнувшей горько, до цоколки в носу.

Шаман поднимает вверх дрыгающегося изо всех сил Цмока, прижимает его передние лапки к его же груди, чтобы не царапалась, тычет бельчонка носиком в кончик своего носа... Цмок достает-таки до подбородка задними лапками, но не больно. «У-у-у! Злюка!» — говорит бельчонку Шаман и отбрасывает его в сторону.

Кувыркнувшись в воздухе, Цмок исчезает в траве, а еще через несколько секунд появляется на стволе ближайшего клена. У первой ветки Цмок резко останавливается и, распластавшись, поворачивает мордочку к хозяину. Глаза-бусинки бельчонка блестят от азарта и вдохновения. «Носись!» — машет рукой Шаман, и Цмок исчезает в ветвях.

Одиннадцать бельчат было в конце мая у Шамана. Десятых роздал — все равно одному с ними не управиться. Цмока оставил себе. Он был самым старшим, совсем ручным и даже теперь оправдывал свое имя — цмокал молоко из бутылочки с соской так, что оно выступало в уголок рта.

Шаману становится жарко. «Сходить окунуться, что ли?» — Он садится, чтобы потом встать, кликнуть Цмока и отправиться на берег Сейма — теплой ленивой реки, едва движущейся среди зеленых заливных лугов, желтых, как яичный желток, песков.

Шаман уже предчувствует, как он, спрятав штаны и майку в зарослях ивняка, заберется на старую, совершенно пустую в середине вербу, нырнет глубоко-

глубоко, а там, на дне, уцепившись за скользкую корягу, будет смотреть на солнце сквозь воду. В детдом Шаман явится только к ужину.

Других за такие штуки ругают и строго наказывают. Шамана — нет. Уже не ругают и не наказывают. Теперь это — одна из его привилегий. И даже директор детдома Валентина Константиновна не удивится, если увидит его пустую постель во время мертвого часа. Впрочем, как не удивится она, увидев его с папиросой в зубах. «Кури, бог с тобой! Только других не учи!» — сказала однажды обессилевшая директриса пятнадцатилетнему воспитаннику после того, как он в десятый, должно быть, раз зашел в ее кабинет с пачкой папирос в кармане — посчитал ниже своего достоинства отдавать их кому-нибудь на сохранение на время визита в канцелярию.

Все дело не в равнодушии педагогов: курение, нарушения режима дня были сущей мелочью по сравнению со способностями Шамана делать беспокорной жизнь всего детдома. Вот почему по молчаливому согласию воспитателей и всех остальных считалось, что пусть уж лучше курит и не спит во время мертвого часа, чем уводит детдом в набеги на колхозный сад, или начинает опять войну с одним из соседних пионерлагерей, или убегает вообще на три месяца, прихватив с собой одного-двух попутчиков.

Шаман поднялся, сделал два шага в направлении клена, чтобы снять Цмока, и уже поманил его, звучно прищмокнув несколько раз, как вдруг вспомнил: «Педсовет!»

Сегодняшний педсовет обошелся без него! Как-то даже непривычно.

Нужно отдать должное, Шаман всегда являлся на педсовет, когда его туда требовали. Скорее всего из жалости к взрослым. Что, спрашивается, они станут делать, если он еще и на педсовет не явится? И не согласится с тем, что будет горячо доказывать воспитатели во главе с Валентиной Константиновной? Нет, он ведет игру честно, воспитателей сильно не обижает — они слабые. К тому же он стыдился и вообще чувствовал себя неловко, когда по неосторожности обижал взрослых.

Директора Валентину Константиновну он обидел впервые еще три года назад, когда его привезли сюда из Копотопского детдома. Тогда еще никто не мог предположить, что этот новичок спустя два с половиной года станет первой фигурой в детдоме.

Директриса часто наминала воспитанникам: «Вы должны быть благодарны государству за то, что оно кормит, поит, одевает, учит вас». И вот однажды после этих слов, в той самой паузе, которая по замыслу директрисы давала возможность воспитанникам хорошо прочувствовать услышанное, в полной тишине раздался дерзкий голос:

— Это оно ради себя старается!

— Кто старается? — не поняла Валентина Константиновна.

— Государство! — В глазах новичка-крепыша сиял откровенный вызов.

— Это как же понимать прикажете? — Валентина Константиновна сделала несколько шагов к третьей группе.

— Если распустить все детдома, если не кормить, — бойко отвечал новичок, — то из каждого детдома получится несколько банд. Не хватит тюрем!

На виду у всех Валентина Константиновна смешно ловила воздух ртом и не находила, что ответить пятикласснику.

— Ужас! — наконец произнесла она — Ужас! — И распустила линейку.

Во второй раз, после очередного длительного побега Шамана из детдома, Валентина Константиновна заявила воспитаннику:

— Сил моих больше нет! Отправляю тебя в трудколонию!

Шаман пожал плечами.

— Отправляйте. Мне этот ваш детдом осточертел.

В тот момент Шаман и в самом деле ничего не боялся. Это — одно. А второе заключалось в том, что он знал и воспитателей детдома и директрису лучше, чем они его. Он прекрасно понимал, что Валентина Константиновна вряд ли решится остаться без своего самого крупного козыря в жизни, своей гордости, как педагога, специалиста. А этим козырем, этой гордостью как раз и был тот факт, что она за всю свою педагогическую деятельность не отправила в трудколонию ни одного воспитанника, хотя попадались ей крепкие орешки, прокаленные войной и беспризорничеством.

— Так, может быть, тебе и жизни не жалко? — Шаману показалось, что наконец-то директриса задала искренний, не педагогический вопрос.

— Конечно, не жалко. — Шаман не рисовался, и Валентина Константиновна поняла это, испугавшись. Она встала, пробежалась по кабинету.

— Да ты знаешь, кто так думает? — Директриса только хотела было перечислить тех, кто считает жизнь копейкой, но стоявший перед ней пятнадцатилетний человек сделал это за нее:

— Воры, бандиты, отпетый народ...

Если бы даже теперь Валентина Константиновна признала в воспитаннике взрослого человека, по опыту жизни не уступающего многим, даже взрослым людям, если бы она сказала Шаману просто по-человечески: «Может, хватит издеваться, мучить?» — он пожалел бы ее и таким образом себя тоже.

Но директриса не почувствовала всего этого — продолжала воспитывать его как несмышляныша, мучительно пытаясь найти выход из создавшегося тупика.

— Сядь сюда, — показала она на диван, назвав Шамана по имени, которого он давным-давно не слышал, да еще с ласкательным суффиксом.

Переход от криков, угроз к ласке был настолько неестественным, неловким, что Шаману стало стыдно за директрису.

— Не нужно, — отвернулся он. — Меня на этот крючок не поймать. Я знаете сколько перевидел таких ласковых!

...Показался Цмок. Пошел винтом вниз по стволу, остановился на уровне роста своего хозяина, подмигнул глазками-смородинками. Шаман хлопнул себя по левому плечу и тут же почувствовал острые коготки бельчонка, которые всегда оставляли на теле белые царапинки. Оказавшись на плече, Цмок стал заигрывать с хозяином, легонько покусывать мочку уха.

Шаман сделал было несколько шагов в сторону леса — лес окружал территорию детдома с трех сторон, — как услышал, что его окликнули.

Подбежал запыхавшийся Колька-Заяц.

— Ты знаешь, что про тебя говорила на педсовете Нинушка?!

— Откуда я могу знать?

— Она сказала, что применила к тебе это... как это... значит, доброту и это... ласку. Прием, мол, такой педагогический. И ты, мол, теперь стал хорошим, исправляешься.

Шаман задохнулся... Все! Конец миру! Все испорчено! Теперь ему ворон не поможет!

Шаман отбросил в сторону лунувшего к нему Цмока.

— Сам слышал? — мрачно спросил у Кольки-Зайца.

— Сам. Я на коленках стоял, ухо к щелке приставлял.

— Кто еще слышал?

— Когут и Цыган! Остальных мы поперли, чтобы не шукарили.

Колька-Заяц внимательно наблюдал за лицом Шамана, и Шаман понимал его, понимал, чего тот ждет теперь от него.

Может быть, при другом детдомовце Шаман действительно облегчил бы душу руганью и угрозами — жестче удара для его самолюбия не придумать, — но при Зайце?

Нет, Шаман не был бы Шаманом, если бы всегда выкладывал своим подданным то, что думал.

Детдом — сложное государство. Это государство невидимо для большинства взрослых, и только сильные потрясения в нем выплескиваются на видимую поверхность, да и то они остаются зачастую непонятными, ибо чаще всего алогичные, с точки зрения взрослых, связи в событиях почти не прослеживаются, не мотивируются.

Шаману власть в этом государстве досталась невероятно трудно. Хотя бы потому, что в детдоме в его правление было около десятка воспитанников старше его на два-три года, а трое из них явно превосходили его физически. Опять же нужно было быть Шаманом, чтобы твой сильный противник так и не узнал, что он сильнее тебя, чтобы боялся тебя наравне со слабыми, более того, ходил в твоих подручных и помогал тебе держаться у власти.

То, что сообщил Шаману Колька-Заяц, было неожиданным и страшным, ибо то одно, что не позволялось ему, как раз и было похвалой воспитателя, директрисы или школьных педагогов! Здесь к тому же была не просто похвала! Тут — продажа за ласку! Само это слово было чуждым детдому, оно было из другого мира, мира недостижимого и завистливо-презираемого, мира, в котором есть отцы, матери, мамочкины сынки — «домашняки»!

Вот почему встревожился Шаман, вот почему так выжидательно смотрел на него один из тех, кто только притворялся, что был предан властителю. Шаман не верил Зайцу, несмотря на то, что тот месяц назад ел землю вместе со всеми теми из второй группы, кто вздумал поднять восстание, вздумал сбросить его, Шамана, и поставить над детдомом своего — Кацапа.

— Ну, я поканал, — заспешил Заяц.

— Топай. — Шаман прекрасно знал, как тому не терпится выложить все своим.

Как только Заяц исчез, Шаман сел в полынью: уже после мертвого часа детдом будет присматривать на него с любопытством, а в глазах его тайных противников будет поблескивать ехидство: чем ты, властитель, оправдаешься? За такую провинность нужна хорошая цена, чтобы остаться на высоте! А если ты дашь эту цену — трудколонию тебе обеспечена! Хоть в лоб, хоть по лбу! Тебя не будет!

Шаман не раздумывал, мстить или нет. «Это же надо?! — восклицает он мысленно. — Ласка! Педагогический прием!»

Ведь все было по-другому.

Месяц назад в детдоме появилась молоденькая воспитательница: совершенно беспомощная, краснеющая, когда воспитаннику нужно было сделать замечание, похожая скорее на детдомовку, чем на воспитательницу.

От пацанов, естественно, это скрыть не удалось, и они сразу же принялись издеваться... Чего только не придумывали!

И вот, когда Нинушка расплакалась в очередной раз прямо за обедом, что-то такое шевельнулось в задушевной душе Шамана. К тому же ему все время казалось, что она просит-молит его о помощи. В этом не было ничего необычного — не одно поколение даже опытных воспитателей первым делом старалось наладить кой-какие отношения с властителями. Но это было чрезвычайно тонкое дело, его нужно было вести так, чтобы и властителю не повредить, и свои проблемы уладить.

Шаман принял кой-какие меры, хотя этим самым страшно нарушал детдомовские законы. Он чувствовал себя настолько крепко, что уже мог позволить себе даже это. И стало получаться так, что всякие ЧП проходили на дежурстве других преподавателей, а не у самой неопытной Нинушки.

Молодая воспитательница догадалась что к чему. Но восприняла все по-своему. Она вдруг решила провести индивидуальную беседу с Шаманом. Хотелось ли ей еще больше? Хотелось ли ей приручить самого трудного воспитанника? Или она просто-напросто была слишком забывчива?

Воспитательница лепетала то, что Шаман знал наизусть, такие же беспомощные слова, как и вся она сама. Шаман, хотя и изнывал от тоски, выдержал беседу. Оказывается, напрасно! Теперь бывший Шаман понимает, зачем воспитательнице нужно было все это: она уже заботилась о моральном праве сказать «воспитала», о том, чтобы исправление Шамана не произошло само собой. «Дура!» — в который раз мысленно восклицает Шаман.

Да, это тебе не Валентина Федоровна! Он вспоминает воспитательницу, которая вообще не проводила с ним индивидуальных душевительных бесед, очень редко улыбалась, но зато, когда это происходило, Шаману хотелось смеяться. Иногда, не говоря ни слова, она касалась мимоходом его головы, но он очень многое чувствовал в этом прикосновении — его вдруг покидала вся его взрослость, весь его опыт, и он чувствовал себя тем, кем он был, — ребенком. Он ждал этого прикосновения.

Валентина Федоровна не мешала ему добиваться власти, хотя и ругала за драки, наказывала так, как и всех остальных. А потом, когда он стал входить в силу, она ни разу не переступила той грани, где своим поступком или словом могла бы поколебать его возмужавший авторитет среди пацанов в том самом невидимом государстве. Иногда Шаману казалось, что Валентина Федоровна вот-вот усыновит его.

Теперьшний, взрослый Шаман, понимает, что это было только его собственное желание, такое сильное, что желаемое ему казалось совсем близким — чуть ли не действительностью.

Шаман по-настоящему почувствовал себя еще раз сиротой, когда Валентина Федоровна уехала куда-то лечиться и больше не вернулась в детдом. Она умерла в санатории.

Как только закончился педсовет, к Шаману прибежали Цыган и Когут и подтвердили слова Кольки-Зайца. Правда, добавили, что выступавшие после Нинушки сказали, что, мол, еще совсем рано говорить о перевоспитании самого трудного воспитанника детдома.

С Цыганом и Когутом Шаман был совершенно откровенным, ибо, во-первых, они вместе кочевали из детдома в детдом (не по своей, конечно, воле) вот уже лет семь, во-вторых, потому, что все благополучие этих пацанов зависело от благополучия в государстве «Детдом» Шамана в роли властителя.

— Когда дежурит эта? — спросил Шаман.

— Через два дня, — подсчитал в уме Цыган.

— Значит, через два дня... — уже тоном приказа заговорил Шаман. — Как только стемнеет, все тихонько через окна... Собираться за посадкой. Малышей не брать. Слабаков — тоже. Взять с собой у кого что есть...

Шаман видел, как обрадованно заблестели глаза его первых друзей. Они были очень обеспокоены его симпатией к Нинушке и с тревогой вслушивались в ворчание влиятельных пацанов за углами.

— Пойдем на лагерь? — попытался уточнить Когут.

— На лагерь, — подтвердил Шаман.

— У них там теперь и барабан и горн новый. Директор тоже... В поемке не бывал! — захлебнулся от предвкушения «дела» Цыган.

— Совсем обнаглели, — подливал масла в огонь Когут, как будто боялся, что Шаман может переду-

мать. — Баран у них вчера на речке два с мелочью вытряс, так их десять на троих наших бросились!

Друзья рвались начать подготовку похода, но Шаман еще не все договорил.

— Сегодня в полдник ты, Цыган, станешь у двери столовой и отберешь у двоих-троих пацанов что там дадут — пряники или хлеб с повидлом... Только так, чтобы Нинушка увидела. Когда запричитает, сделай так, чтобы она тебя в канцелярию повела. Скажи что-нибудь интересное, царяпки. А когда будешь в канцелярии... Ты помнишь все, что было в кузове, когда мы прошлый раз по торфу в Коготоп ездил?

— Вроде помню, — неуверенно проговорил Цыган.

— А то, как инженер, который к директорше ездил, Нинушку от дождя укрывал, помнишь?

— Фу ты, ну ты! Понятно, понятно!

— Так вот, в канцелярии Нинушка скажет, что подло отбирать полдник у малышей, а ты тут же ответишь: «Подло с дяденькой инженером обижаться, который к Валентине Константиновне ездил!» Уловил? Да глаза опускай... Вроде бы тебе стыдно. Обязательно скажи потом, что и мы с Когутом все видели...

— Ух ты! — нашелся наконец Цыган. — Да она же ее — на куски!

— На куски не на куски, а «воспехой» ей в нашем детдоме не быть. Это я говорю, Шаман! (Властитель позволял себе так говорить даже в присутствии своих друзей.) За инженера директора права не имеет выгнать. Ну, да мы ей поможем зацепиться. Я не зря устраиваю набег в дежурство Нинушки...

Все случилось так, как задумал Шаман. Разве что с некоторыми непредвиденными осложнениями. Так, когда, выполнив программу, то есть захватив все пионерские регалии и закрыв директора смены в мусорном ящике, возбужденная мужская половина детдома возвращалась к себе, сторож выпалил в них с обоих стволов прямо под окном девчачьей комнаты, где как раз находилась Нинушка — дежурная воспитательница. Она тут же упала в обморок. Две недели потом болела. И в детдоме больше не появилась.

Шаман торжествовал победу, легко перенеся очередные взбучки и наставления. Таков итог педагогического приема, примененного молодой воспитательницей. И теперьшний Шаман, со стыдом и болью вспоминая тот момент в своем бурном детстве, все же призывает: не путайте душевную доброту, чуткость с педагогическим приемом. И пусть будет даже так, что вы все же применили этот прием, спрячьте это глубоко-глубоко, стыдитесь похвалиться этим. Помните, что ребенок может проглотить вашу наживку, но, прочитав вашу статью, где вы будете «делиться опытом», услышав об этой статье, он поймет, что это была наживка. Пусть вы там и наставите Борю К. или Валю Н. Что будет тогда? Во что превратится ваша «чуткость», «душевная доброта»?

Вот почему солидный товарищ на телеэкране кажется теперьшнему Шаману чуть ли не чудовищем, которое захватило душу доверчивого паренька, а может быть, и не одну душу, и корежит их, пытаясь изобразить на лице своем доброго дядьку-воспитателя.

Вот ведь, смотрите, что получится, если взглянуть на выступление дядьки с его похвальбой по-другому.

Сразу же после его выступления кто-то из невидимого государства «Двор» обязательно скажет исправившемуся пареньку: «Купили тебя! Вокруг пальца как последнего лопуха обвели».

И, окончательно поняв, что значит душевность, доброта по домоуправу, он уже завтра станет в десять раз трудновоспитуемее (почему бы от «красивого» прилагательного, вернее, уже существительного, не образовать еще нечто более «красивое»?).

И уж непременно этот паренек подумает: «Значит, в этом мире нет просто доброты, просто чуткости? Это, выходит, только видимость? Только педагогический прием в отношении детей и хитрость в отношении взрослых! Нет уж! — скажет сам себе паренек. — Чем быть вот так опозоренным, вот так обманутым — лучше вообще не верить этим фиглям-миглям с добренькими в кавычках душами! Тогда меня никак уж не проведешь!»

И на пробиться тогда к душе подростка ни родному отцу, ни родной матери, ни самому доброму человеку. Все отменит, не поверит, ибо кому приятно бывает быть обманутым? А подростку не просто неприятно, ему страшно быть обманутым. У него как раз время пика тщеславия, самолюбия. Он обязательно не такой, как все, в своих собственных глазах!

То, о чем здесь идет речь, может кое-кому показаться чепухой, но всмотритесь в жизнь. И вы увидите, что не всегда подростки теряют самые чистые душевные качества только на явном отрицательных примерах — чаще и глубже на обыкновенных, будничных, едва заметных.

Мы упорно идем к тому моменту, к тому рубежу, когда между воспитателями и воспитуемыми могут установиться отношения, подобные «игре» следователя с матерым рецидивистом: кто кого — и все тут. А это страшно.

Так давайте же основательно и до конца прочувствуем и продумаем ту аксиому, которой начинаются и просто выступления на педсоветах, и ученые трактаты, и... выступления домоуправов по телевидению, аксиому, в истинность которой теперь, похоже, и сами говорящие не верят, потому что не понимают, насколько она верна: «Сложен мир подростка». И она не единственна. «Теперьшний подросток — тот же взрослый человек и в то же время еще не очень взрослый», — изрекает, например, педагог с трибуны, а возвратившись в шквал, тут же начинает воспитывать этого условного взрослого человека как детсадовского несмышляка. «В переходный период душа подростка — это тончайший инструмент (организм, мир и т. д.)», — слышим мы глубокомысленное и очень заинтересованное и тут же становимся свидетелями того, как воспитующий лезет в этот «тончайший инструмент» так, как если бы шофер с мотриковой полез в электронный мозг вычислительной машины.

Автор рассказал о сложном мире трудного подростка-детдомовца в невидимом для взрослых государстве «Детдом» в полной уверенности в том, что существует и невидимое государство «Двор», и невидимое государство «Класс», и невидимое государство «Улица»... И пусть в наше время не так остры конфликты, не так сильна власть предводителей, не так жесток мир, да и время другое, — невидимые государства существуют. Их законами живут трудные подростки.

А ХОРОШО БЫТЬ ТРУДНОВОСПИТУЕМЫМ!

Вернемся в третий раз к упоминавшейся телевизионной передаче, к солидному товарищу, теперь уже вошедшему в педагогический экстаз и досказывающему, в чем, собственно, проявилась его доброта и чуткость, которая якобы мгновенно перевоспитала трудновоспитуемого подростка.

Да, оказывается, что все эти самые-самые человеческие качества обрели материальность в виде фотоаппарата «Смена».

«И пусть он недорогой, этот фотоаппарат, — умиляется своей добротой и проникновенностью домоуправ, — важно не это, важно...» Следует перечисление положительных качеств человека.

И, конечно же, уже знакомому вам, дорогой читатель, бывшему Шаману снова приходится возмущаться: «Это же выходит — купите мое хорошее поведение! Это ведь каждый ребенок может подумать: зачем мне просто так, задаром вести себя хорошо, если можно за хорошее поведение кое-что получить? Да и только ли дело в том, чтобы получить? Дело еще и в том всеобщем внимании к трудновоспитуемому, которое уже явно «лезет боком»!

Вот, например, информация о морском походе, организованном в лагере «Варяг», прозвучавшая в свое время по Братскому радио. Самое ударное ее место звучит так: «В морском походе участвовало тридцать два трудновоспитуемых». Не больше, не меньше. Видимо, уже есть такие мерки, шаблоны... Примерил к подростку, ага, трудновоспитуемый!

Интересно, как восприняли эту информацию сами участники похода. Не стали ли меряться, кто трудно, а кто легковоспитуемый?

Да и разве только телевидение, радио, газеты? А кинофильмы для детей и подростков? Разве обходится без трудновоспитуемого — главного героя? И где положительные герои — положительные только сверху. А так они, как оказывается в финале, и подлещи, и задавалы, и маменькины сынки, и трусы. В результате настоящий герой все же трудновоспитуемый! Он зачастую не просто исправляется, а только через подвиг или благородный поступок.

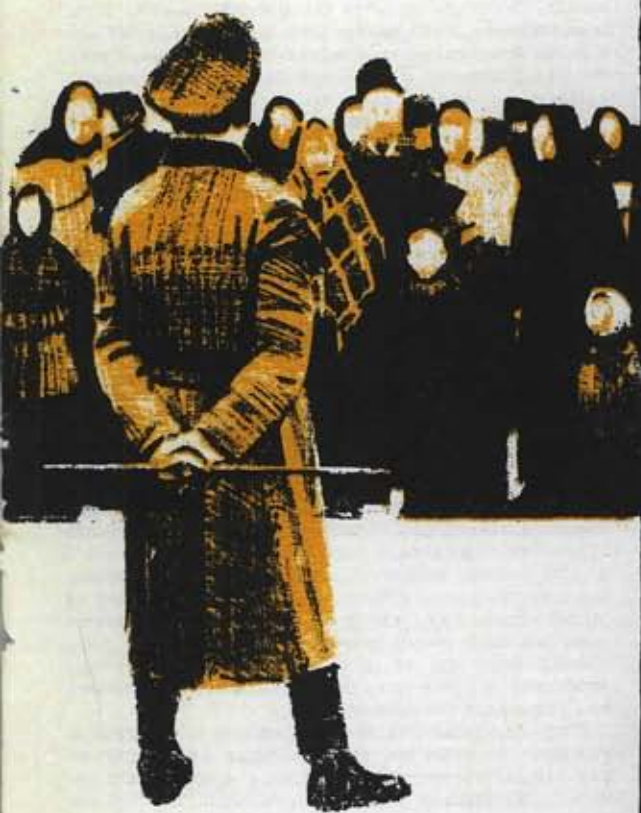
Что ни говори, а трудновоспитуемым быть лучше в наше время. Ну, что за жизнь у дисциплинированных середнячков и даже отличников? Зубрежка? Хожение по струнке? Ни внимания к ним, ни интереса. Хорошие они — и все тут!

Что ж удивительного в том, что многих тянет походить сначала в трудновоспитуемых. Потом исправиться... Гром аплодисментов! Известность!

Бывший Шаман предлагает поразмышлять и на эту тему. Нет, он не думает, что нужно бросить трудных на произвол судьбы, но и делать из них (невольно) героев дня, видимо, тоже не следует. Ведь в том, что у нас теперь «хорошо быть трудновоспитуемым», есть ненормальность. К тому же сплошь и рядом, на улице, во дворе, у подъезда, все чаще видишь этаких мелкотравчатых геростратов, готовых делать что угодно, лишь бы выделиться, лишь бы обрести на себя внимание.

Закончив этот очерк, я пошел в аптеку за таблетками от головной боли. На одной из стен прочитал такие призывы: «Надежно прячьте лекарства от детей! Помните! Всякое лекарство в большой дозе — яд! Не занимайтесь самолечением!»

«Эх, дядя!» — вздохнулось мне при воспоминании об управдоме с телеэкрана.

Авторизованный перевод с украинского
Владимира СЕРЕДИНА

Виктор ПОЛОЖИЙ

РОМАН

НА ПЕРЕДАЧЕ НАД ПРАВИМ

1

22—23 сентября 1942 года наши войска вели упорные бои с пехотой и танками врага в районе Сталинградского вокзала.
(Из сообщений Совинформбюро).

— ...Так вот, Михайлич, ваше молчание меня, собственно, и не удивляет. Если вы уж так упираетесь, хорошо, поговорим о молчании на допросах. Вернее, я буду говорить, а вы слушать. Я разговариваю за двоих с определенной уверенностью: все сказанное так или иначе на вас воздействует. И пусть покажется нескромным, но мне не составляет труда предугадать ваши мысленные ответы, а поскольку я еще и немного психолог, то смогу зафиксировать реакцию вашей души. Позволю себе по этому случаю заглянуть в будущее. Представьте: наступит время, когда люди — каждый в отдельности — до такой степени познают законы развития, что индивид легко сможет самостоятельно вычислить поведение своих побратимов. Уверю вас, отклонения, обусловленные индивидуальными особенностями, окажутся незначительными, тут как в математике: дважды два — четыре; вот где настоящая передача мыслей на расстояние — мыслить одинаково! Ясно, такое время еще далеко и таких индивидуумов, можно сказать, одинаково мыслящих, разумеется, не в шаблонном понимании, маловато, их можно сосчитать по пальцам. И, не скрою, у меня какая-то мания, хобби, что ли: я хочу найти человека с такими же, как у меня, наклонностями среди врагов. Вы мне импонируете. Высокий лоб, волосы прямые, не курчавые, безо всякой цыганщины или других примесей, череп без неврастенических шишек, нос прямой, кожа на скулах натянута, этого не скрывает и отросшая в камере щетина, линия губ четкая, размышляя, вы их не жуετε, а подбородок свидетельствует о характере неординарном. Одним словом, у вас хорошая наследственность. Вы родились

приблизительно в семнадцатом, и, прежде чем вас зачать, ваши родители не успели разрушить свой организм монополькой, которой в царской России вышивалось на душу населения по два ведра в год, включая грудных детей и каторжников, обходившихся без водки. Кроме того, вы воспитывались в новых условиях, а они-то заставляли ваш мозг не дремать. Вам дали военное образование, короче, возможность пошевелить извилинами была. Пусть они и закручивались в другую сторону, но вовсе не дремали, работали. Главное, не лениться мыслить, а поток мыслей сам найдет правильное русло. Я, как видите, клоню к тому, что двое умных людей могут прийти к согласию — подчеркнуть! — умных; когда же один из них упрямо называет черное белым — значит, разговор идет на разных языках, или, точнее, на разных исторических уровнях.

Словом, у меня о вас представление сложилось, я мысленно сконструировал ваш образ, вижу его структуру, словно схему радиоприемника, со всеми входами и выходами, и, собственно, даже подключился к вам, помимо вашего желания; если бы ничего интересного не нашел, стал бы я терять время? Только этого мне и не хватало! Нет и нет! Да я не собираюсь вас агитировать или ободривать в свою веру. Я же сказал: ваша структура способна саморегулироваться, приходить в соответствие с вашими законами природы, которым все мы подвластны. Стало быть, рано или поздно — но лучше раньше, чтобы иметь возможность лично убедиться в своей правоте, — вы должны достичь той точки, где пересекаются силовые линии сильного мира сего, тех, кто познал собственную цену и где мерцает зелененьким и моя скромная линия. Такое соседство вам не нравится? До определенного времени, мой дорогой, до определенного. Какой же смысл тогда в жизни, если не оставить после себя даже следа? Кому хочется, чтобы история, словно пылинку, стяхнула его со своих сапог?

Убить вас проще простого, но я без малейших сомнений раскрываю свои карты; убить, говорю, просто, одну смерть

среди миллионов никто и не заметит, кроме исполнителя, а ему-то абсолютно безразлично, кого отправлять к пращурам. Убить совсем просто, но когда враг становится первым моим другом, на него-то отныне можно положиться до гроба. Нет, напрасно вы считаете это предательством, — предателей я терпеть не могу, их можно перекупать, как вздувается. А к иному человеку испытываешь не презрение, а уважение: какую колоссальную работу пришлось совершить его уму, какие противоречивые чувства преодолеть, чтобы в итоге выбрать единственно правильный путь! Так что ваше молчание меня не обескураживает, я вас прекрасно понимаю, другого я не ожидал, а обманываться не хотелось бы. Но размышлять вы начнете. Да нет, не о том, как мотивировать переход к нам — такой переход вовсе без надобности, использовать вас, по крайней мере сейчас, никто не собирается. Настраивайтесь на другой уровень! И не пытайтесь мне возразить: моя речь не содержит ничего, дающего основание для открытого дискуссионного клуба. У вас просто заработает мысль, ведь ваш мозг зафиксировал сказанное, — насколько мне известно, старший лейтенант Михайлич, комиссар партизанского отряда имени Шорса, глухотой не страдает, — и хотите или нет, а вы будете это переваривать. Для начала вполне достаточно. Я вас уморил? Ладно, немного развлечемся, к тому же я обещал вам рассказать о молчании на допросах. К предыдущему оно прямого отношения не имеет; так, для более близкого знакомства, как говорят у вас, малость потренируемся.

Хотел бы сразу же наглядно продемонстрировать вам, то есть не наглядно, не бойтесь, никаких экспериментов не будет; хотел бы сразу же к примерам перейти, примерам молчания на допросах, из небольшого собственного опыта. В мире все так тесно взаимосвязано, сплито, зашнуровано, одно влечет за собой другое, поэтому прежде чем приводить достаточно красноречивые примеры, приходится немного потеоретизировать. Вот допрос. Чтобы он получился как таковой, нужны предварительные условия: скажем, кто-то должен попасть в плен. Пленные бывают разные. Кто сдался сам, на допросе не молчит, — это понятно. Остальных берут силой — в рукопашной, при необычайных обстоятельствах, как в вашем случае, извините, что невольно причиняю боль. Эти, как правило, вначале молчат, собственно, они могут кричать, стонать от боли, отделяться враньем, проклинать, но не сообщают того, что от них требуется. Некоторые молчат в буквальном смысле — презирают врага: я, мол, проиграл, но вас за людей не считаю. Главное же, что их держит, — присяга, долг, самоуважение... Вещи похвальные. Но вот начинают бить, или что там другое, с целью развязать язык. На каком-то этапе эти примитивные истязания оправданы. Дело не только в сведениях, вытязываемых у пленного вместе с жилами.

Истязания нужны больше тем, кто мучит: надо же каким-то способом убеждать себя в своей необходимости самоутверждаться, только бы не мучил комплекс неполноценности. Откровенно говоря, с точки зрения ценности получаемой информации пытки бессмысленны. Это откровенно, опять же из опыта. Конечно, кое-кто, сломавшись, начинает выдавать всех — и виноватых и невиновных. Присяга, долг, самоуважение — все это внешнее, если бы не время, нужное можно вытянуть из них и без битвы, вскрыв оболочку, оголив психику. Времени, времени не хватает, и потому приходится бить. А на сильных духом это не действует.

У человека, попавшего в когти врага, организм удивительным образом перестраивается, возможно, срабатывает реакция самосохранения. Человек считает, что попал к антиподам. И то, что в обычных обстоятельствах представлялось ему ужасным, в необычных уже не пугает. Его бьют, а он не чувствует, ему не так больно, это я знаю точно. Его как будто разрывают на части, он и застонет и закричит, но боль воспринимается как-то отчужденно, не затрагивая сознания. Тигру не завистишь о каких-то мотивах, интересах и тому подобное? Так и здесь. Психическая, бессознательная настроенность организма на противодействие. Естественно, есть предел, после которого становится невыносимым. Все ломается. Но и сознание тоже. Готовенький сумасшедший. А с такого какие взятки?

Но парни все равно вынуждены бить — для самоутверждения, да и время не ждет. И у меня его маловато — и сейчас и вообще. Поэтому сам допрашиваю редко, разве что попадаетесь весьма любопытный экземпляр. Остальные проходят через руки костоломов. И с гордостью могу сказать: почти не случалось, чтобы я не узнавал того, что хотел узнать. Хлопотно, однако интересно, особенно в научном плане когда-нибудь пригодится.

Заканчиваю теоретическую часть, хотя какая это теория, одни фрагменты, при случае познакомлю подробнее, а сейчас вывод из сказанного и на будущее: молчание на допросах я считаю абсурдом. Я полагаю, что его не бывает и быть не может, стойкость человеческая не беспредельна, от любого пленного, пусть он будет трижды героем, можно получить все. Не хватает только умения у тех, кто допрашивает. Надо не зубы выбивать, а разрушать в сознании сложившиеся представления о том, что в человеке настоящее: для одних — совесть, для других — гордость и так далее.

Допрос — процесс творческий! Достаточно в общих чертах изучить тип человека, разработать сценарий и подобрать исполнителей, тогда и зрителя — пленного — так можно запугать, что он сам себя, пребывая в здравом уме, провозгласит императором Наполеоном.

Вот случай, происшедший в Бельгии. Попал ко мне один связанной-подпольщик, Ван Беверен, человек стальных убеждений, исключительной порядочности и доброты, в придачу имевший незаурядную силу воли. И думать долго не надо — такой не проболтается, возиться с ним — пустое дело, хоть сразу расстреливай. Ван Беверен знал очень многое. А тут еще и я со своим тяготением к экспериментаторству. Начали мы, как и положено, обыкновенно, с пыток — с того, к чему он и приготовился. Поколотили осыпательно. Следующий ход тоже не был для него неожиданным. Привели жену и двоих ребятшек: пяти и трех лет. «От ваших показаний зависит жизнь вашей жены». Он ей лишь прошептал: «Прости, Мари, — или там, — Кари, иначе я не могу». Мы не стали ни мучить, ни насильствовать ее у него на глазах — зачем разжигать ненависть? — просто убили, одним выстрелом в плечную. Была и нету, и вернуть ее невозможно. Была и нету. Вот лежит, а минуту назад еще разговаривала. Такая жизнь. Зачем? Кому от этого лучше? Была, и нету! Поскольку Ван Беверен оказался человеком умным, я незамедлительно схлестнулся с ним в вопросе о сущности эгоизма. Кому была нужна смерть вашей жены? За какое такое дело она умерла? Разве те товарищи, которых вы спасаете, став причиной гибели жены, не будут испытывать укоры совести, и разве каждый из них в отдельности не согласился бы умереть вместо нее? А если не согласился бы, какие же они товарищи, какое же тогда дело, что за молох, беспрестанно требующий жертвоприношений? И еще — читали у Достоевского? — о том, стоит ли мир детской слезинки. Нет, не думайте, я не убеждал, мне важно было вывести Ван Беверена на определенный психологический уровень, привести его сознание в такой режим, чтобы полыхал лишь ад антагонизмов. Когда Ван Беверен созрел, принялись за детей. Мы поставили их рядом и сказали: «Бог с тобой, Ван Беверен, молчишь, ну и молчи, но коль довел, вынуждены на тебе же злость сорвать; взгляни на детей, минуту даем тебе на размышления, одного из них сейчас расстреляем, а другого, так и быть, передадим родственникам на улицу Спинозы, № 12, квартира 13. Выбери. Внимание, время! Поехали!» Стало очень тихо. Ван Беверен взглянет то на мальчика, то на девочку. Минута истекла, ждем еще пять секунд, — может, у человека губы запеклись, — потом бах! — и девочка — почему-то наши парни сначала стреляют именно в девочку — падает с пробитым сердцем. И Ван Беверен падает без сознания. Когда в камере он приходит в себя, первое, что видит сквозь решетку: свою дочь, которая играет возле клумбы, в глубине тюремного двора. Он прикипает к окну, включаем усиленное тикканье часов, и снова — бах! — девочка только встряхивает своей беленькой головкой с розовыми бантиками. Понятно,

вместо дочери Ван Беверена девочка одного нашего сотрудника, ее просто загримировали и научили, как себя вести, такая себе кукла, двигающийся манекен.

И так повторяется второй, третий раз. Ван Беверену кажется, что он сходит с ума. И борется с собой, чтобы не стать сумасшедшим. Тогда устраиваем ему концерт: салют пушечных выстрелов и вообще небольшую пальбу. Однажды Ван Беверен просыпается и понимает: он — безумец. «Значит, я действительно сошел с ума», — родная речь, знакомые слова, соответственно нами подготовленные, мимо окон мчат грузовики, а в кузове английские солдаты напевают: «Британия, владычица морей...»; да, да, высиделись союзники, конец оккупации, конец смертям и мучениям, видите, во дворе ваш сынок с тетей, они улыбаются и машут руками, встретитесь с ними позже, главное — все живы, у вас, к сожалению, некоторое нарушение психики, но время лечит, мы вас поставим на ноги. Знакомьтесь — лучший специалист, профессор, на него вся надежда. И профессор, он и в самом деле профессор-психиатр, начинает свою вольнку под собственную мелодию и наши слова — у человека всегда есть слабые места, так вот, уважаемый, чтобы лечить, надо установить причину, с чего началось... А с чего началось? Что в первую очередь на допросах было зажато в железные клещи и чего не имел права выдать? И тому подобное. Вспоминайте, вспоминайте все, пусть придут товарищи, надо восстановить целостную картину, чтобы мозг смог сказать: вот я! Само собой, все это с предельной осторожностью. Никому не хочется быть сумасшедшим, но ведь редко кто не заподозрит себя в этом, пройдя наши застенки. Клубочек размотался.

Дорогое и хлопотное удовольствие. Можно позволить себе, ну, раз-два... Будни наши не дают возможности поставить такую практику на широкую ногу: война, маневр, быстрота. Когда-то пригодится. Театр? Ваш Марк говорил, что при коммунизме начнется настоящая история человечества! Я и еще десяток-другой считаю, что история не человечества, а сверхчеловечества начнется! Театр этот и в самом деле закроется: зрители исчезнут, актеры станут добывать уголь и растить хлеб и так далее. А пока что... разве история не театр, не комедия, где сильные мира сего тормозили и тормозят исполнителей, а подавляющее большинство их с умилением да всякими прочими чувствами созерцает все это, глаза вытупив? Такой театр закроется, останутся одни режиссеры — мы.

Вот. Несколько отвлёкся. О том в другой раз. Но я доказал, что молчания для меня не существует. Человек слаб и ничтожен. Он не может заранее вычислить, что сотворит против него, чтобы столкнуться с сооруженного самому себе пьедестала. Так вот, он — ничто, а коль так, значит, ничто все, чему он служит, за что умирает. Это не касается лишь нашего дела. Здесь совсем особая статья, мы противопоставили себя всему существовавшему до сих пор.

Я утверждаю: человек как таковой, этот, по вашим словам, продукт истории — ничто, он не способен защитить себя, даже собственной смертью. И то, что среди вас развелись герои, в этом вовсе не заслуга вашей системы, а вина и беда наших дураков от фашизма, которые не способны поставить дело на научную основу. Наконец, даже вас, Михайлич, можно напичкать наркотиками, и вы мне, как отцу родному, словно командиру вашего любимого партизанского отряда, поведаете не только ваши секреты, но и то, как минуло ваше детство и какие глаза у вашей матери. Видите, как все просто? Только массовое применение этого обойдется слишком дорого, и прошу извинить, даже вы не столь большая птица, чтобы на вас расходовать дефицитные средства влияния. По крайней мере сейчас. А в будущем это войдет в практику. И тогда идеалы прометизма полетят к Черту. Когда нет человека, зачем все остальное?

Я обещал вам рассказать о молчании на допросах. Идите и подумайте. И знайте, что здесь, в кабинете, вы вовсе не молчали.

2

Комиссар партизанского отряда имени Щорса Владимир Михайлич попался немцам в руки настолько глупо, что и теперь никак не мог прийти в себя. Переход из одного состояния в другое казался ему диким и случайным. Нет, память не отшибло — наоборот, чувства обострились до предела. Он упрямо молчал, не отнекивался и не сознавался, Михайлич он или нет. Испытывал, словно привидевшаяся во сне: стоишь на краю пропасти; тебя уже толкнули в спину, а ты, прежде чем сорваться, невероятно долго клонилась, это длится целую вечность, и даже инстинктивный крик не в силах вырваться из горла. Зельсманн встретил Михайлича как долгожданного гостя, вышел из-за стола, руку протянул для приветствия; его большие черные глаза блеснули, как будто их нарисовали углем на выпуклом, с зальсинами лбу. Сразу же стал напускать туман, надеясь, что он, Михайлич, растеряется, но болтовню Зельсманна он пропускал мимо ушей. Комиссар мысленно отметил, что в одном у полковника все же есть резон: разговор, тот монолог, невольно отложился в памяти. Михайлич не принимал серьезно разглагоствования полковника, только однажды глубоко в подсознании шевельнулась мысль: если бы сегодня дискуссии вели не автоматы и пушки, уже сами по себе исключавшие возможность любого философского спора противников, а к

услугам были трибуны, — полковник напустил бы яда изрядно.

Уже уходя, — «сюда, пожалуйста», — он подумал: может, следовало что-нибудь ответить? Но дискутировать здесь, решая Михайлич, значило бы принять правила игры, предложенные Зельсманном, ведь полковник сделал первый ход. И теперь ему надлежало только действовать; знал, что пытки вынесет, а пока смерть не взглянула безжалостным оком, о ней не стоит и думать. Если же попытаются растоптать, впрыснув наркотик, он успеет их опередить, действия врага всегда надо предусматривать, хотя бы на полшага, не ожидая, не надеясь, что кто-то посторонний избавит от мучений; достаточно полшага, чтобы не плясать под его дудку. Пока впереди Зельсманн.

Только об этом Михайлич и успел подумать, мысли его снова закрутились вокруг нелепого плена; переход из одного состояния в другое произошел мгновенно, не контролируемый сознанием, словно это произошло не с ним, и надлежало все поставить на место, восстановить реальную картину.

Они возвращались от белорусских партизан, ходили договариваться о совместных действиях на линии Брест — Ковель, а главное — о том, как расширить зону партизанского влияния на оккупированной территории, заодно узнать, как там на Большой земле; радиоприемника у щорсовцев не было до сих пор. Ходили сговариваться с Бородаем, командиром, известным во всей округе. Бородай принял их сдержанно, с достоинством, сказал, что его в первую очередь заботит Оршанское направление, немец, как известно, рвется к Волге, наши отступают, поэтому он решил уйти на север, где леса более густые. Что касается зоны действия, то его правило: где отряд — там и зона; слышал, будто бы на этот счет имеются конкретные директивы, но лично он их не получал, пока будет исходить из собственных возможностей.

В глубине души Михайлич на большее и не надеялся, учитывая хотя бы то, что у Бородаи настоящий отряд — свыше трехсот человек, отлично вооруженный, нет обоза с женщинами и детьми, мобильный, а у них все наоборот, да и людей меньше сотни.

Настроение было угнетенное. Ночью продрались сквозь заросли и болота, днем позволяли себе укрادкой соснуть. Совсем уставшие и вымокшие в грязи, наконец, добрались до знакомого хутора Дикого, куда заходили не один раз, всегда встречая радушие, — распластались на чердаке у тетки Марты и вымг уснули; часовой, Петр Шлепак, тоже уснул; а очнулись уже связанными.

Селяне, жившие на хуторе в нескольких хатах, собрались вокруг и молча наблюдали, как два полицая берут их и, словно снопы, по одному кладут в ряд на широкий воз. На них невзначай наткнулась какая-то жалкая команда: пожилой, с седой шевелюрой немчик, деятель Ратновской комендатуры, постоянно развезавший по селам, расследуя кражи, поправки, одним словом, наблюдавший за общественным порядком, с ним находились хромой переводчик, который, вообще ни во что не вмешиваясь, механически передавал населению содержание распоряжений немчика, да два полицая — парень и пожилой мужик.

— Михайлич? Ага, Михайлич, — сказал немчик без переводчика, не радуясь и не сокрушаясь, мол, если Михайлич сам попался в руки, он, так и быть, отвезет его куда следует.

Уезжая, немчик с помощью переводчика еще долго втолковывал хуторским, как поступить с сеном, какая его часть принадлежит немецкой власти, сказал, что поскольку жители Дикого не спрятали Михайлича, возможно, будут некоторые снисхождения. Селяне слушали молча, только тесней сгрудились в круг, а потом подвода тронулась, и у Михайлича перед глазами поплыло серое небо с ключьями облаков. Никогда не думал, что можно влигнуть так глупо.

На возу было совсем тесно. На передке пристроился пожилой полицай, он правил лошадьми; у ног Михайлича, вцепившись по-куринному в грядки, сидел переводчик, неспешавшуюся ногу он выставил далеко вперед, и она, как кол, обутый в салог, покачивалась на ухабах в такт колесам; за телегой, прямо по лужам, брел, насвистывая, парень, а по обочине, поросшей травой, шагал немчик, кобура с пистолетом болталась у него на животе: наверное, рассчитывал взять в соседнем селе персональную лошадь.

Бросив взгляд на облачное небо, будто определяя, высоко ли солнце, переводчик развязал крапчатый платок, в который были завернуты хлеб с маргарином, и принялся жевать; он уставился вперед и то и дело вытирал губы большим пальцем...

Возница ископа посмотрел на переводчика, что-то проворчал и ругнулся, а затем вытянул обрывок газеты, но оторвать на цигарку не спешил: еще подумают, закуривает, мол, с досады, тоже кушать захотелось; расправив одной рукой на колене газету, бодро произнес:

— А ну, поглядим, что пишут о своей жизни бандеровцы. «Наша справа»... Послушайте: «Вчера в Луцке в помещении бывшей «Просвети» для руководящих представителей ОУН состоялся показ эпохальной фильма «Адольф Гитлер». Кино крутят, босяки. Культурно отдыхают, называются. Закурим или как? А, хлопцы? — весело обратился к пленникам.

Михайлич даже почувствовал, как Петр Шлепак, зайд-

лый курильщик, судорожно сглотнул слюну, но не откликнулся. «А я не курю», — приказал себе Михайлич.

— Говорю же, кому, хлопцы, скрутить цигарку? — продолжал полицейский. — Я ведь тоже мужик. Или немца боитесь? Ничего не скажет, немец у меня добряк. Даже если кто и не пробовал, закуривайте, на том свете другого огонька дадут. В пекле! — засмеялся своей шутке. Она, вidać, ему сильно понравилась, потому что повторил еще раз: — В пекле. О, там рогатые дадут прикурить. Их не сагитируешь. Да-дуду! Не хотите — воля ваша, — без огорчения сказал полицейский и закурил. — Думал угостить, а вы брезгаете. Или все же немца боитесь? Я же говорю, немец хороший. Порядок, конечно, любит, но даром никого не обижает. Мы вот с Миколой, — указал кнутовищем на парня, — при нем с сорок первого, с осени. Порядок пан Шнайдер любит, что и говорить. А с нашим народом иначе и нельзя. Да расскажу вам такое. Осенью, в прошлом году, значит, наделали в райцентре виселиц. Погрузили на подводу и едем. Ну, думаю, этого мне только не хватало — людей вешать, — я за порядком приставлен наблюдать, а не веревки вить. Приезжаем в Выжично, там старый панский сад, может, кто видел. От яблоч, мать моя, ветки трещат. Закашляйте, говорит Шнайдер. Нам что, закапывать — не вешать. Раз — и виселица стоит, на ветру петля болтается. А Шнайдер людей предупреждает — так, мол, и так: кто в сад заберется — тому петля. Добрый человек! Сад стоял, и хоть бы тебе гнилое яблоко кто поднял. Во всех селах поставили виселицы, и не надо никаких сторожей. Порядок! И все в целости. Будь совиты, добро тут бы растянули. Так что пан Шнайдер любит, очень любит порядок, мы потому и служим, что здесь порядок. В Вильце, помню, был такой случай. Заезжаем однажды, а какая-то бабка возьми и пожалуется: тот-то и тот-то стащил у меня курицу, остальных тоже грозит извести. Приведите его, приказывает Шнайдер. Мы с Миколой туда-сюда — и готово, привели. А тот воришка, дурак, улыбается, зубы скалит Шнайдеру: пан, пан. А Шнайдер нам с Миколой лопаты: копайте яму. Нам что... А тому уже не до смеха, и бабка, видим, заныла: я же не так хотела, только бы припугнули его. Но у немцев порядок, и воров они ненавидят. Шнайдер сам его и укопшил, целился долго-долго, должно быть, впервые, интересно было. Закопали — и все дела. В назидание. Порядок. Микола погодя и спрашивает: стояло, мол, за одну курицу человека на тот свет отправлять? Да и курица-то украдена не у немцев, а у сельской старухи. Э, отвечает, если старуха обратилась к немецкой власти, значит, признала ее, и потому немецкая власть защитила ее интерес. Порядок! Знают, что к чему.

Полицейский умолк, но его, похоже, что-то продолжало волновать, вскоре опять заговорил:

— Так ты, знать, Михайлич? Дело твое, брат, швах, намыхались с тобой немцы, считай, пропал. И зачем только было переть против такой силы? Да и порядок у них не чета нам... Так и сказал: «нам», словно отделил себя от немцев, от тех, кому служил.

— Я вожу своего немчика по району, платят исправно, и люди слушаются. А тебе, Михайлич, не повезло, очень не повезло. Мы и не собирались на хутор заезжать, но ведь пан Шнайдер ничего не упустит, хозяйский глаз имеет. Приехали, значит, а тут откуда ни возьмись один старикашка: так, мол, и так, прошу управы, неизвестные забрели на хутор. Шнайдер, правда, побледнел, машет, поехали дальше. А дед продолжает: спят они у Марты, часовой тоже уснул. Я ему: и на холеру, дед, тебе неизвестные, сотню марок, думаешь, выпшут? А на такую холеру, говорит дед, что зол я на них, столько всяких объявлялось... Слышишь, Михайлич? Рассказывает, значит: зашли на хутор какие-то, то ли националисты, то ли партизаны, или еще кто, ну, взяли поросенка, народ и промолчал — все берут, всем надо, война идет, голодного человека не зли, недолго и пулю схлопотать. А потом старший и приказывает: всех свиной на хуторе пострелять, чтобы врагу не достались. А какого врага имел в виду?... Сказано — сделано. Не успели свиной и кувякнуть. С тех пор хуторян и взяло за душу. Нам и связываться не хотелось, но и отступать некуда. Шнайдер выткнул парабеллум: ком, ком. Ну и пошли, если спят. А вы действительно спите, устали, вidać. Оружие забрали и связали потихоньку. Самого Михайлича. Хорошо, что Шнайдеру не стукнуло пристрелить вас сонными, уже наводил парабеллум. Ну, да ничего!.. Немного подышите, раз такое дело...

Полицейский умолк, жадно докуривая цигарку.

— Дядь Фанасий, а дядь Фанасий? — крикнул сзади парень.

— Чего тебе? — лениво сказал полицейский.

— Так это, выходит, и нам толика достанется за этих? — кивнул на пленных.

— Да уж достанется.

— Может, не покусываются, они сейчас радуются: не сегодня-завтра красняков в Волге искупают. Может, больше, чем по сто марок, за одного выдают, а?

— Как же, держи карман шире. Раз по сто записано, большего не жди.

— Михайлича ведь взяли, — неторопливо продолжал парень, — а о нем везде объявления висят.

— Да оно-то, конечно...

— Мне, дядь Фанасий, не больно хочется деньгами получать, лучше бы какую-нибудь скотинку...

— Да, конь в хозяйстве не помешал бы.

— Может, попросим?

— Как же, жди. Мы что, одни? Деду хуторскому тоже часть перепадет. А большую Шнайдер отхватит. Видишь, даже хату Марты не сжег.

— Бойтся с народом заедаться. Каратели приедут, сожгут.

— Нам, надо полагать, ничего и не останется, — словно и не услышал о Марте Афанасий, — что-то, ясное дело, дадут, дак половина на магарыч разойдется.

— А лошадедку отхватить хорошо бы...

— Хорошо бы...

Перед глазами покачивается нога переводчика: так-так, так-так. Каждая мелочь, каждое слово запомнилось, как перед смертью. А разве нет? На весь район позор: комиссар щорсовцев живьем в плен попал...

3

Шаги гулко отдаются в полутьме коридора Брестской тюрьмы. Далековато везли, к самому Зельбсманну. И легко здесь не отделаться.

Михайлич уже свернул к своей камере, но конвоир слегка подтолкнул в спину: дальше.

— Сюда.

Михайлич посмотрел на номер, аккуратно выведенный белой краской: 72. А ниже мелом кто-то написал двойку: значит, есть соседи.

Звякнули ключи. Завели в камеру. Сняли наручники. Скрипнула дверь. Лязгнула задвижка. Зашуршало: стерли двойку, чтобы написать «3».

Несколько секунд Михайлич продолжал стоять, прижавшись спиной к двери; он видел только высокое окно с двойными рамами и с открытой маленькой форточкой; решетка на нем была в маленькую клетку. С внешней стороны осел толстый слой пыли, отчего окно едва пропускало свет. Осмотревшись, заметил, что один узник, заложив руки за спину, нервно ходит по камере, под окном, а второй, нахмурившись, сидит в углу. Невольно пожалел: его появление, судя по всему, прервало горячую дискуссию, если не спор.

Когда-то, еще в бытность курсантом, в Свердловске Михайлич попал на гауптвахту: понадеялся на последний трамвай и опоздал со свидания. Но отсидка на гауптвахте воспринималась как шутка; теперь же тюрьма явилась ему в ее зловещем виде, и, как ни странно, на ум почему-то взбрело: здороваются ли в тюрьме, а если здороваются, то как?

— Добрый день, — немного растерянно сказал Михайлич.

Ходивший по камере резко остановился, и, когда повернулся к Михайличу, его очки в тонкой оправе блеснули.

— Еще одного бытия обрело определение, — сказал, кивая головой. И, секунду помолчав, добавил: — Добрый день.

Второй, в углу, зашевелился, словно обрадовался гостю.

— Здравствуйте, проходите, — голос выдавал в нем пожилого человека, даже старика.

— Куда же здесь, собственно, проходите? — решился на шутку Михайлич и сразу почувствовал облегчение, будто освоился в новых обстоятельствах.

— Это верно, — махнул рукой дед и, согнувшись, поднялся, — проходите действительно некуда, но так уж молвится, что поделаешь. Если и захочешь, то не пройдешь — стены-то каменные.

Первый узник иронически ухмыльнулся и повернул лицо к окну.

— Напрасно смеешься, Философ, — не умолкал дед, — стены, они и есть стены, лбом не прошибешь, даже твоим, умным, — куда уж мне, темному.

— Какой я, такой и мир, поэтому и тюрьма и степь — одно и то же, — не поворачиваясь, возразил «Философ».

— Слышал? — улыбнулся Михайличу дед. Теперь, когда глаза полностью свыклись с полумраком, Михайлич осмотрелся и сориентировался. Дед, как стал перед ним, так и стоял, ростом он был поменьше, и потому глядел на Михайлича снизу вверх и несколько со стороны, будто изучал его сквозь узенькие щелки глаз. Борода у деда была удивительно прямая: казалось, от нечего делать он перебрал ее по волоску и аккуратно подровнял.

— Он у нас такой, — сказал старик. — Но строго не судите, парень он добрый.

Камера оказалась небольшой. У каждой стены, кроме той, с дверью, лежало некоторое подобие матрасов, два растоптаны, а один был свернут в рулон.

— Там и будет ваше место, — сказал дед. — Философ возле окна, а я напротив. Устраивайтесь, лежать можно и днем, нам разрешают. А больше никому. Наверное, смиростивились над Философом — как-никак человек ученый.

В голосе старика не было слышно даже намека на насмешку.

Исподволь подчиняясь еще неведомым законам своего нового бытия, Михайлич внял совету старика: расправил матрас и сел. Дед тем временем от него отошел, видимо, давал возможность побыть наедине, обвыкнуться в новых условиях. Философ уставился в окно.

«Я теперь отрезан ото всех. Один, и исходить надо только из этого. Никто меня не выручит, и если полковник взялся так рьяно, побег наверняка невозможен. Значит, стану сначала колошматить, а потом расстреляют или повесят,

скорее всего, повесят, партизан они предпочитают казнить именно таким способом. Я один, и, кроме смерти, мне ждать нечего. Пока она не взглянула в глаза, можно не бояться и трезво все взвесить. Это как в бою: вначале страшно, а закружилось — убьют или нет — думать некогда. Меня ждет последний бой, силы в котором неравны. Кроме того, Зельбсманн, видимо, готовит ловушку. Самое страшное — меня могут превратить в куклу, не владеющую собой. И надо опередить его хотя бы на полшага.

Кто эти люди? Этот «Философ»? Может быть, это и есть адекватная игра Зельбсманна?

Как просто все казалось раньше... Училище. Брестская крепость. Война, оборона, партизаны. Не без трудностей, но просто, я всегда знал, как действовать, хоть и годов — четверть века. А здесь, как сделать, чтобы в этом последнем бою не остаться без оружия? Покончить с собой и тем самым перепутать карты Зельбсманна? Сегодня ночью? Найти способ...

— Извините, хочу вас побеспокоить, — окликнул его старик. — Я, идя сюда, на всякий случай прихватил котомку. Еда, конечно, простая, что уж старуха положила: вот хлебушек, яички, лучок. Они, песиколовцы, сначала отобрали, да еще и смеялись: у нас, говорят, станете на довольствие третьего рейха. И вправду, кормят три раза, по часам, носят баланду и какаву. А сегодня утром — с какой стати? — вот вернули котомочку: бери, дед, поправляйся, наша веревка выдержит. Так что бога нечего гневить, богатые. Зачем добру пропадать — не обесудьте, перекусите.

«Неужели начались шутки Зельбсманна? Перекусите... Что за продукты? После тех рассказов... спокойно, без паники. Ведь в камере могут оказаться обыкновенные люди, такие же, как и я... А Зельбсманн уверовал, что посеял во мне сомнения и тихонько себе посмеивается? Трезво обдумать. Если свои, отказом их обижать незначит... Да и на самом деле голоден, со вчерашнего дня во рту не было ни маковой росинки. Стоп: не кормили специально, наброситься на пищу и проглотить крючок? Стало быть, не исключено, что подсадили провокаторов. А не стану есть, Зельбсманн будет потирать ладони: Михайлич догадался, значит, хочет того или нет, в игру включился, а если друзья, тоже обрадуются: зерна сомнения посеяны, Михайлич всех шарается...»

— Спасибо, разве что немножко, — сказал Михайлич.

— Вы не сумлевайтесь, — дед присел и начал развязывать узелок, — оно хоть и домашнее, но жена у меня чистотля, и я за компанию вам пособлю. Вот, смотрите, как они нож перевели, укоротили на три четверти, бояться, не пырнул бы кого-нибудь, но хлеб и сало еще нарезать можно. Испортили нож...

«Но, пусть и такой обрубок — в тюрьме?! Ну, и полковник!»

— Садись к нам, Философ, — повернулся к окну старик, но вместо ответа Философ вяло пожал плечами.

— Думает, — уважительно пояснил дед и первым принялся за еду. — Берите, берите, не стесняйтесь.

Михайлич положил на хлеб кусочек сала и начал жевать.

— Так вы говорите, сами пришли сюда? — спросил он неожиданно.

— Сам, ну да, сам, — спокойно ответил дед.

— И чего ради?

— Здесь, сынаш, история длинная, но, как смогу, кратко поведаю. Небось, слышал, немец к Волге рвется? Рвется, значит, немец к Волге, хочет к зиме войну закончить. Ну, а партизаны ему в тылу как соль под хвостом или чертополох. Эшелоны под откос, дороги перерезают, вот немец и взялся за партизан. А поскольку силой уничтожить не может, то принялся за мирное население. В селах, где самая большая партизанка, решил: жителей расстрелять, а хаты сжечь. Даже объявления появились: если такие-то и такие-то руководители банд и комиссары не явятся добровольно, то пять тысяч человек будет расстреляно. Вот я и пришел. В отряде мне замена найдется, а народишка немного спасу.

— Так вы... вы командир партизанского отряда? — У Михайлича даже в горле кусок застрял. — И какого, если не секрет?

— Не командир. Комиссар. Комиссар партизанского отряда имени товарища Щорса Михайлича, — значительно уточнил старик.

Первым желанием у Михайлича было рассмеяться, рассмеяться звонко, в полную грудь, еще и пальцем по-детски показать на деда. Если Зельбсманн придумал такие шутки-дрючки, то, устраивая этот марионеточный театр, полковник слишком увлекся, считай, в своих экспериментах ставит горбатого к стенке. Михайлича опередил Философ, резко оглянувшийся от окна:

— Михайлич — это я.

И снова повернулся к окну, нервно пожав плечами.

«Перестарался полковник. Из такой ловушки я уж выкручусь, не дам сбить с панталыку. Странно, но теперь, когда выяснилось, кто есть кто, совсем стало спокойно».

— Ну, что же, — Михайлич отодвинул еду. — Очень рад познакомиться. Вы оба Михайлича, оба комиссары. Осталась малость: выяснить, кто из вас настоящий Михайлич, а кто самозванец.

«Почему бы и не поиграть с этими артистами?»

— Ну да, — согласился дед, — двух Михайличей быть не может.

— Может,— сказал Философ.— Когда человек вмещает в себе вселенную, значит, он вмещает в себе и Михайлича, таким образом, в нужный момент он может и явиться, заменить его.

— Не значит ли это,— впервые обратился к Философу Михайлич,— что сказанное вами сейчас и есть подтверждение: самозванец именно вы?

— Ничего из этого не следует. Я сказал то, что должен был сказать и что соответствует действительности.

— Искрывающе вразумительно,— кивнул Михайлич, пытаясь сдержать смех.

— Михайлич—я,— продолжал настаивать старик.— Я первый пришел.

— А второй Михайлич, выходит, тоже сдался добровольно?

— Ну да. Только пришел позже, вернее, его схватили.

— Впервые слышу, чтобы комиссары, даже небольших отрядов, живьем попадали в плен.

— Я же рассказывал, какая оказалась получилась.

— Н-да... А второй Михайлич сдался по той же причине?

— Это с какой стороны смотреть,— очнулся Философ.— Кто скажет, где результат, а где причина? Я вмещаю в себе вселенную в той мере, в которой она сама включает меня.

Нарушение каких-либо элементов в ней— в данном случае расстрел нескольких тысяч человек— есть нарушение определенных элементов во мне, и я уже перестаю быть самим собой.

Дед при этом изумленно кивал головой, а Философ продолжал:

— У каждого наступает время выбора, когда нужно или до конца оставаться самим собой, или, при условии нарушения «я», рассыпаться на многоликие элементы.

— Следовательно, ваша позиция нужна только вам, конечный результат значения не имеет?— Михайлич включился в игру.— Умирать-то будет не страшно?

— А разве жизнь не что иное, как движение к смерти? Даже материалисты не отрицают. Это я к слову, чтобы вы поняли. Главное же— выбор. Только в наивысшей точке выбора в полной мере понимаешь, что существуешь. Вот я и выбрал.

— Ну, а вы, дед? Не понимали, что немцы запросто разгадают ваш нехитрый трюк?

— Наверно—таки раскусят, песоголовцы,— охотно согласился старик.

— Ведь Михайлич—офицер, он молод, да и видели его, поди, многие?

— Что же делать?— развел руками дед.— В партизанку я

не годен...—И тут старик понял: он фактически подтвердил, что он тоже не Михайлич, отступить поздно, да и неизвестно, какого человека к ним подсадили.— Но на одного предателя сил бы у меня хватило.

Дед насторожился, потом махнул рукой и, наклонившись к Михайличу, страстно заговорил:

— Никто не знает, какой он, Михайлич. И вообще, действует ли он в одиночку или их, Михайличей, целые отряды? Может, он и вовсе не Михайлич? А, любезный? Кто бы ты ни был... Что прикажешь мне делать? Я людей спасать должен, если на другое не способен.

Старик изменился неузнаваемо. Борода, хотя он ее и не касался, вдруг выпрямилась, взлохматилась, и седые лохки встопорщились. Спокойные глаза заблестели и расширились, даже лицо, казалось, округлилось. У Михайлича екнуло сердце. «Чего-то не хватает... Шапки, шапки, чтобы прикрыть лысину, и полусубка на плечах!»

И сразу осознал: нет, это вовсе не игра, затея Зельбманна.

— Я вас, дед, видел,— сказал Михайлич.

— Где?

— В Берестянах в апреле, да, в апреле. Мы проходили в село. Собрание еще было, помните? Мужиков агитировали в партизаны, тех, кого не успели мобилизовать, фашисты же побывали у вас на несколько дней раньше. Вы тогда еще выступали, помните? Напомнить? Когда у нас ничего не получилось, а мужики все чесали затылки: если бы знать, да если бы не семья... Когда командир наш плюнул в сердцах. Вы тогда вышли из толпы и сказали: взялись вы, хлопцы, за праведное дело—освобождать землю от супостатов, но где же армия? Сколько существует мир, столько армиями и воевали. Если армия не устояла, партизанке и подавно победы не видать. Нам придется расплачиваться—старикам, женщинам, детискам. Их-то немцы не помилуют. За одного немца—десяток наших. И если бы только десяток! Он, немец, точность, конечно, любит, но когда мирных расстреливает, то хватает сколько под руку попадет. Кто их зацтит? Помните, наш командир кричал: «Я вам к вечеру две телеги оружия подброшу! Вы и зацтитите!»

— Было такое, было,—согласился дед.— Кто же ты?

— Я и есть Михайлич. Лежал тогда на возу, с воспалением легких.

Повисло молчание. Даже Философ подошел неслышно.

— Садитесь,—предложил ему Михайлич и немного погодя добавил:— Вот так-то, товарищи Михайличичи.

— Так сами и пришли?—спросил наконец-то старик.

— Нет, я влип, как курица в борщ. Не хочется и рассказывать.

— Тогда и душу бередите напрасно, товарищ Михайлич. А действительно—это вы, так вас и описывали, молодой очень. Порадоваться бы встрече, да место здесь не для радости. Вот ведь какая напасть, надо же такому случиться...

— А вы сами, значит, и не пришли бы?—спросил подозрительный Философ.— Поставили бы под удар столько людей?

— С какой стати ему приходило?—нахмурился на Философа дед.— Ты, Философ, и парень вроде бы неплохой и не дурак, но макитра у тебя, извиняй, в другую сторону повернута. Чего ради приходишь-то комиссару? Немца радовать? Если по правде, вместо него я и пришел. И клонули бы за милую душу, не попадись к этому сумасброднему эсэсману. Я пришел вместо него, может, и без толку, но мне-то надо было что-то делать?

— Как? Вы пришли вместо меня?

— Вместо вас, товарищ Михайлич, по своей воле. Что делать, если немец на мирных зло вымещает? Война... всех захватила, никто не спрячется, как чума. Подкосит народ, проклятая...

— Поднимемся,— глухо сказал Михайлич.

Вот как все обернулось. Неспроста Зельбманн бросил его в эту камеру, неспроста. Просчитался, не знал, что Михайлич видел старика. И весь его расчет полетел к черту. Случайность выручила—ведь деда-то он мог и не видеть.

— О каких массовых акциях вы говорили?—нарушил молчание Михайлич.

— Готовятся они, одним ударом хотят покончить с партизанкой. Ходят слухи, расстреливать будут и жечь. А мирных, говорил мне эсэсман, в первую очередь, чтобы заодно озлобить народ против партизан. Скоро и начнется, через день-два, говорил эсэсман. Что делать, один бог ведает, да молчит...

Михайлич был в затруднении: лично он предпринять ничего не мог, но и просто так уходить из жизни не хотелось...

— Давайте хоть познакомимся,—сказал он.

— Андрей Савосюк, селянин из Берестян,—назвался старик.

— Иосиф Христос, недоучившийся студент из Львова,—назвался Философ.

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Продолжение. Начало см. в №№ 1—4 журнала) ПЯТЫЙ ТУР

III
Ход черных. Как должна завершиться борьба при лучших действиях сторон? (3 балла).

IV
В изначальном положении фигур перед шахматной партией белые последовательно делают ходы 1. f3, 2. Kрf2, 3. Kpg3, 4. Kрh4. Как играть черным, чтобы своим четвертым ходом объявить мат королю партнера? (2 балла)
Напомним, что ответ на каждое из четырех заданий этого тура нужно присылать в адрес редакции на отдельной открытке. Пользуйтесь только сокращенной шахматной нотацией без каких-либо словесных примечаний. Срок отправления открыток на пятый тур истекает 15 мая 1982 года.

ПЕРВЫЙ СРЕДИ «ЗВЕЗД»

Число международных шахматных соревнований с каждым годом растет удивительно быстро. Однако крупнейших батальон, в которых участвуют лишь ведущие гроссмейстеры, ежегодно совсем немного, и, чтобы их сосчитать, достаточно пальцев одной руки. Таким, к примеру, состязанием явился недавний турнир 12 шахматных «звезд» в голландском городе

Тилбурге. Силу состава участников подчеркивает, скажем, тот факт, что занял последнее место знаменитый гроссмейстер из Великобритании Энтони Майлс, а предпоследним оказался не кто иной, как финалист последних матчей претендентов на личное первенство мира Роберт Хюбнер из ФРГ!

Тем достойнее выглядит блестящая победа молодого советского шахматиста из Львова, чемпиона СССР 1980 года Александра Белявского. Он набрал 7,5 очка в 11 партиях, играя на высоком творческом уровне.

С 7 очками на чистое второе место вышел ветеран нашей шахматной школы Тигран Петросян. Экс-чемпион мира стал единственным(!) гроссмейстером, ни разу не произнесшим в Тилбурге пренебрежительное для шахматиста слово «сдаюсь». Пятидесятипроцентным скромным рубжом (по 5,5 очка) довольствовались экс-чемпион мира Борис Спасский и 18-летний чемпион СССР 1981 года Гарри Каспаров. Они разделили шестое—восьмое места в турнире с прославленным шведом Ульфом Андерсоном.

Думается, что читателям «Смены» доставит немало удовольствия несколько ярких фрагментов из партий, сыгранных «звездами» шахматного искусства в закончившемся состязании!

К такому положению пришел после 17-го хода черных поединок между А. Белявским (у него были белые фигуры) и сильнейшим голландским гроссмейстером Яном Тимманом. Уместно заметить, что по сумме достижений на международной шахматной арене в минувшем году Я. Тимман в символической десятке лучших занял почетное второе место вслед за чемпионом мира Анатолием Карповым. В

Тилбурге Я. Тимман с 6,5 очка разделил третье—четвертое места с венгром Лайошем Портишем.

Красивой жертвой коня белые оголяют подступы к неприятельскому королю. Комбинация эта уже встречалась в шахматной практике, и А. Белявский подтверждает, какие опасности таятся для черных.

18. Ke4:f6+! Ce7:f6 19. c2—c4 La8—a7 20. 0—0 La7—d7 21. Fd2—e3 Fc4:a2

Голландец решает вернуть благоприобретенную легкую фигуру, пытаясь наладить взаимодействие своих сил и безопасить короля, который в случае короткой рокировки оказывался, мягко говоря, в деликатной ситуации.

22. Lf1:f6 Fa2—a1+ 23. Ce2—f1 Ld7—g7 24. Lb3—b8! Kрe8—e7 25. Lf6—f2 Fa1—d4 26. Fe3—f3 e5—e4 27. Ff3—f4 Lg7—g4 28. Ff4—c7+ Fd4—g7 29. Lb8:c8!

Несложным тактическим ударом белые завоевывают слона и быстро реализуют свой перевес. Вероятно, и на эту позицию, черные издавна просматрели в варианте 29... L:c8 30. Lf7+! потеря ферзя.

29. ... Fd7:c7 30. Lc8:c7+ Kрe7—d6 31. Lc7—a7 e4—e3 32. Lf2—e2 Lg4—e4 33. La7:a6 Kрd6—c5 34. La6—a3, и черные капитулировали.

Здесь перед вами любопытное соотношение сил, сложившееся во встрече Т. Петросяна с Э. Майлсом после 46-го хода черных. В

принципе ладья и две пешки никак не слабее двух легких фигур. Однако в данном, конкретном случае дует централизованных слонов в руках экс-чемпиона мира несравнимо мощнее.

47. Kpg3—g2 Fa4—d1 48. Ce4—c2 Fd1—d5 49. Ff2—c2 b4—b3 50. Cc2—e4 Fd5—e6 51. Kpg2—g3 Fe6—c8 52. Fe2—f1 Ld8—d6 53. Ff1—a1!

Белые неспешно и весьма тонко маневрируют. Крайнюю левую вертикаль они используют в качестве трамплина для переброски ферзя в неприятельский тыл.

53. ... Fc8—c4 54. Fa1—a3 Ld6—d1 55. Fa3—e7! a6—a5.

Активность черных тяжелых фигур иллюзорна, потому что им не подступиться к белому королю, чьи могучие слоны не забывают и о своих оборонительных функциях. Концовка весьма поучительна.

56. Fe7—e8+ Fc4—g8 57. Fe8—b5! Ld1—a1 58. Ce4—d5 Fg8—d8 59. Cd5:b3 La1—e1 60. Kpg3—f2 Le1—h1 61. Kрf2—g2 Lh1—e1 62. Ce3—f2 Le1—b1 63. Cb3—c2 Lb1—a1 64. Fb5—c4 Fd8—e8 65. Fc4—d3 a5—a4, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.01.82. Подписано к печати 03.02.82. А 05025. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 569 Заказ № 1975. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

УВАЖАЮЩИМ ЗВУКОМ...

Музыка Евгения МАРТЫНОВА Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка Евгения МАРТЫНОВА

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Маммины глаза

Дождинка упадет на землю, как слеза,
И вдаль поманит утром нас дорога.
А маммины глаза, а маммины глаза
Нам вслед посмотрят ласково и строго.

ПРИПЕВ:

Все в жизни может быть — и радость и гроза,
Не жалует судьба нас временами.
А маммины глаза, а маммины глаза
Всегда следят с волнением за нами.

Мы в поисках мечты меняем адреса,
Нам дома письма редкие прощают.
А маммины глаза, а маммины глаза
Нас в детство по привычке возвращают.

ПРИПЕВ.

Грубеют на ветру мальчишек голоса,
И девочки становятся взрослее...
А маммины глаза, а маммины глаза
С годами все добрее и светлее.

ПРИПЕВ:

Все в жизни может быть — и радость и гроза,
Не жалует судьба нас временами.
А маммины глаза, а маммины глаза
Всегда следят с волнением за нами.

КРОССВОРД

Составил Б. Фералонтов.
Москва

По горизонтали:

4. Представительница коренного населения союзной советской республики. 5. Повесть А. П. Гайдара. 7. Современный бальный танец. 9. Балет С. С. Прокофьева. 10. Цветок. 11. Девушка в балете А. Ф. Минкуса «Дон-Кихот». 14. Первый учебник по русской истории, изданный в XVII веке. 16. Современное судно. 17. Фильм, снятый по сценарию В. Ф. Пановой. 18. Советский теоретический и политический журнал. 19. Французский народный хороводный танец. 21. Советский поэт, автор стихов о Дальнем Востоке. 23. Специалист, рассчитывающий сроки и ход выполнения производственных заданий. 24. Духовой музыкальный инструмент. 25. Старинная итальянская монета. 26. Луковичное растение с крупными цветками. 27. Рассказ А. П. Чехова. 28. Приток Камы. 29. Благородный олень. 30. Певица, народная артистка СССР.

По вертикали:

1. Жанр древнерусской литературы. 2. Аппарат для насыщения прохладительных напитков углекислым газом. 3. Старинный город в Харьковской области. 6. Комсомолка-партизанка, Герой Советского Союза. 8. Отрасль дефектологии. 12. Город, пристань на Куйбышевском водохранилище. 13. Птица отряда воробьиных. 15. Сатирический отдел журнала «Современник», созданный Н. А. Добролюбовым. 16. Микробиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 20. Марка советского легкового автомобиля. 21. Руда ртуть, минеральная красная краска. 22. Русский композитор, автор романсов и песен.

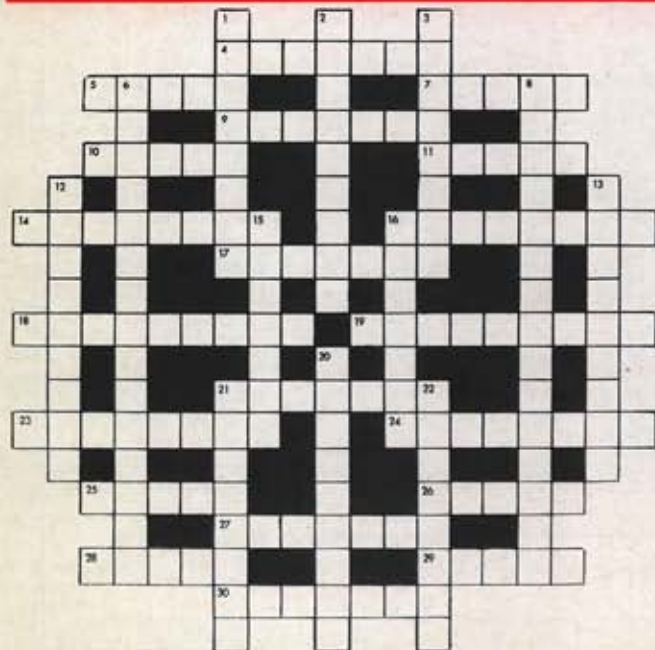
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4

По горизонтали:

7. «Мечтателю». 8. «Декамерон». 9. Сириус. 10. Гамбит. 13. Диана. 14. Гафуров. 15. Пресс. 18. Пирамида. 19. Айтматов. 20. Май-даников. 25. Барбарис. 27. Гвоздика. 28. Чернь. 29. «Детвора». 30. Осмий. 33. Тирада. 34. Мурена. 35. Махачкала. 36. Геленджик.

По вертикали:

1. «Репетиция». 2. Стирь. 3. Клоунада. 4. Метафора. 5. Самбо. 6. «Подросток». 9. Саңдал. 11. Турман. 12. Турчанинова. 16. Литавра. 17. Строгов. 21. Раневская. 22. Эбонит. 23. Одесса. 24. Актинидия. 26. Стендаль. 27. Геркулес. 31. Ерика. 32. Селен.

НАД ЕНИСЕЕМ.

КИШЛАК КИЗИЛ-КИЯ.

ЛЕТО.

МГНОВЕНИЯ И ГОДЫ

Его назвали Виктором—это имя было очень популярно в первые послевоенные годы. «Виктор» — «победитель». Страна праздновала Победу. Он родился, когда война уже отгремела. От брата, погибшего на полях сражений, остались кисти и краски. Черная—как земля, голубая—как небо, желтая—цвета солнца, красная... Краски брата были наследством и долгом. Брат погиб, не став художником, не успев создать своего мира на полотне, не сказав заветного.

Художником стал Виктор Калинин. Чтобы продолжить жизнь брата? Не случайно же его картины одна за другой говорят, кричат, напоминают о войне. Виктор Калинин пишет беженцев: женщин, детей, стариков, подхваченных разрушительной стихией. Их лица просветлены от внутренней сосредоточенности, их дорога замкнута в прямоугольник холста и озарена тревожным светом ненастья,—таким светом бывает наполнен воздух в предчувствии грозы. «Ожидание»—так ждут только ушедших в никуда, с верой и безнадежностью. «Скорбь»—одна из последних, зрелых работ Виктора Калинина. Линии изломаны и тяжелы, цвет взрывается болью. Древняя, вечная, нескончаемая скорбь. И пафос веры, обращение к зрителю: помните! Это нужно помнить и знать!

На общем фоне поисков молодых художников, интересных, но зачастую отрешенно-холодных, идущих больше от ума, чем от сердца, Виктор Калинин интересен своей эмоциональной цельностью. Это удивляет и в работах его и в характере. Возможно, это заложено в нем от рождения. «Я последний из могикан,—шутит он.—Двенадцатый ребенок в крестьянской семье».

Двенадцатый—сын. Послевоенный, последний. Пожалуй, основная тема его творчества—семья, дом, род. Где-то на Алтае затерялось село Залесово. Оттуда Виктор ушел, чтобы поступить в Красноярское художественное училище имени В. И. Сурикова, потом учился в городе Горьком, потом закончил Московское высшее художествен-

ОЖИДАНИЕ.

но-производственное училище—Строгановку—по мастерской профессора Г. М. Коржева. Но там, на Алтае, уходят в землю и в прошлое его корни, и снова художник пишет рубленные избы, старую сосну, полынь на присыпанной землей крыше. Он пишет отца: в этом образе словно бы концентрируется вся мудрость жизни, вся любовь к ней. Мост через давнюю реку; распахнутые, свесившиеся с петель ворота—все это память о детстве, об отце. Палитра густа, как эта память, работы приземлены, тяжелы и вместе с тем одухотворены.

Виктор Калинин не любит красотостей. Он ищет красоту. Нарочито грубый мазок, резкость линии, смысловая энергия цвета—все это сознательный отказ от гладкописи, лакировки. Но композиция каждой вещи так стройна, что можно вести речь о поэтике молодого художника. Именно о поэтике, восходящей, быть может, к былинным сказам, к древнерусскому письму.

Искусство всегда диалог со зрителем, живопись—вдвойне. Она не может существовать без ответного отклика, сама по себе. Виктор Калинин участвовал во многих выставках, всероссийских и всесоюзных. Он на пороге признания, для художника этот момент не менее ответствен, чем для подростка переходный возраст. Каким будет взрослый человек? Каким зрелым мастер, художник? Что скажет он людям? С чем выйдет к своему зрителю?

И Калинин создает на полотне свой мир, обращенный к людям, рассчитанный на сопереживание и понимание. Он пишет о том, что не успел написать его брат, о том, чему посвятил свою жизнь отец, о родной земле, о смысле бытия. Он задается вечными вопросами и тревожит ими зрителей—своих собеседников. В мире не должно быть места войне и горю, его надо распахнуть навстречу красоте. И вырастают в зелени молодых листьев березы, наверное, те самые, с которых начинается Родина.

Светлана ЛИПАТОВА